

УРАЛ

Земля Золотая

ОГИЗ СВЕРДЛАГИЗ 1944

Урал — земля золотая

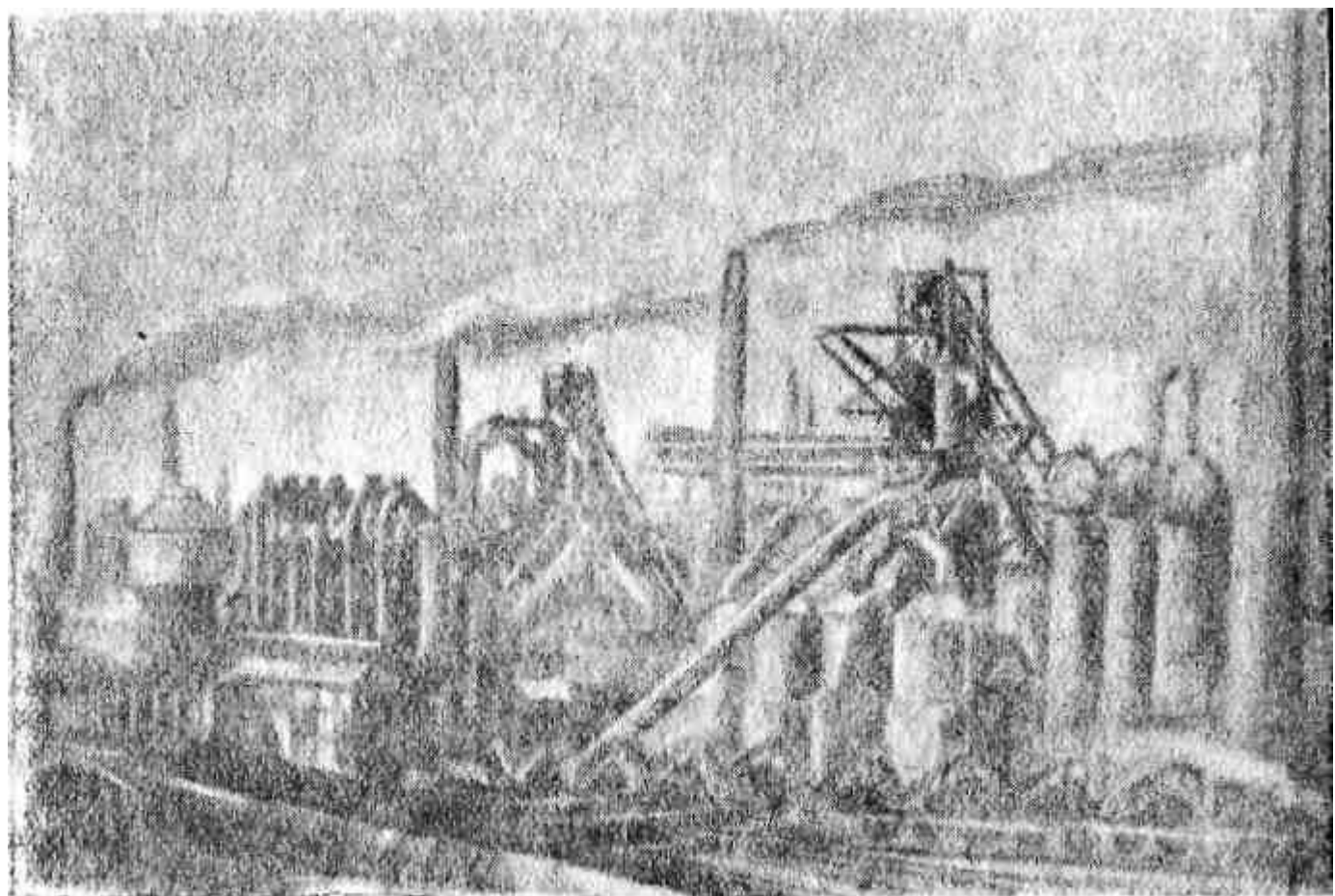
УРАЛ
Земля Золотая

ФИЛИАЛ

Книга пионеров и
школьников Свердловской,
Молотовской и Челябинской
областей

Организатор и составитель
Анатолий Климов

ОГМЗ СВЕРДЛАМЗ 1944

КНИГА УРАЛЬСКИХ РЕБЯТ

ПИСЬМО

В конверте было, короткое письмо с множеством разнообразных детских подписей. В письме говорилось:

Это было в январе 1940 года.

Смелое, большое дело задумали ребята, большую ответственность взяли на себя. Они задумали написать книгу, которая должна продолжать интересную, большую работу, начатую у нас в стране великим русским писателем Алексеем Максимовичем Горьким.

В 1933 году пионерский отряд одной из школ Иркутска впервые в истории литературы дерзнул написать коллективную книгу для детей. Пионеры написали интересную книжку «База курносых». Приветливо встретил Алексей Максимович первое начинание ребят. Он сказал, что самостоятельное коллективное творчество детей имеет будущее и что работу в этом направлении необходимо продолжить.

Через три года пионеры и школьники молодого заполярного города Игарки, по примеру иркутских ребят, вызвались написать книжку о Заполярье. А. М. Горький снова поддержал ребят. На письмо, в котором молодые игарцы поделились с ним своими замыслами, Алексей Максимович ответил из Тесели (Крым) большим письмом.

Горький писал:

Горький оказался прав. Облеченные доверием, сознавая ответственность за свой труд, игарцы написали интересную книгу «Мы из Игарки». В 1939 году она экспонировалась на международной выставке в Нью-Йорке. Этой книгой советские ребята окончательно доказали, что они могут быть не только потребителями, но и создателями увлекательных и полезных книг.

Книга ребят Урала должна быть одним из звеньев в серии книг, написанных самими детьми.

КНИГА НАХОДИТ АВТОРОВ

Задача предстояла нелегкая. На территории Свердловской, Челябинской и Молотовской (бывш. Пермской) областей — не одна сотня больших городов, десятки тысяч колхозов, совхозов, сел, деревень, стойбищ.

«Базу курносых» писал один пионерский отряд из 20 ребят, «Мы из Игарки» создавалась на территории одного города силами 3 тысяч ребят. А на Урале только одних школ больше 6 тысяч! На огромных землях Урала живет один миллион школьников!

Долго думали мы с ребятами, как же рассказать всем молодым уральцам о книге, и решили просить помощи у комсомольцев и газет. Свердловские ребята — инициаторы создания книги — написали обращение ко всем пионерам и школьникам Урала. В обращении говорилось:

Комсомольцы, педагоги, избачи, журналисты понесли во все уголки Урала весть о книге уральской детворы. Весть эта проникла в тундровые чумы стойбищ манси, в избушки охотников-звероловов, в коши башкирских аулов, в горные рудники и заводы, в колхозы и МТС. И всюду, куда доходила весть, ребята встречали ее восторженно. Многие тысячи ребят серьезно задумались над предложением, обсуждали его, готовились к началу работы.

Уральская книжка быстро стала предметом заботы не одних только уральцев, но и ребят буквально всего Советского Союза.

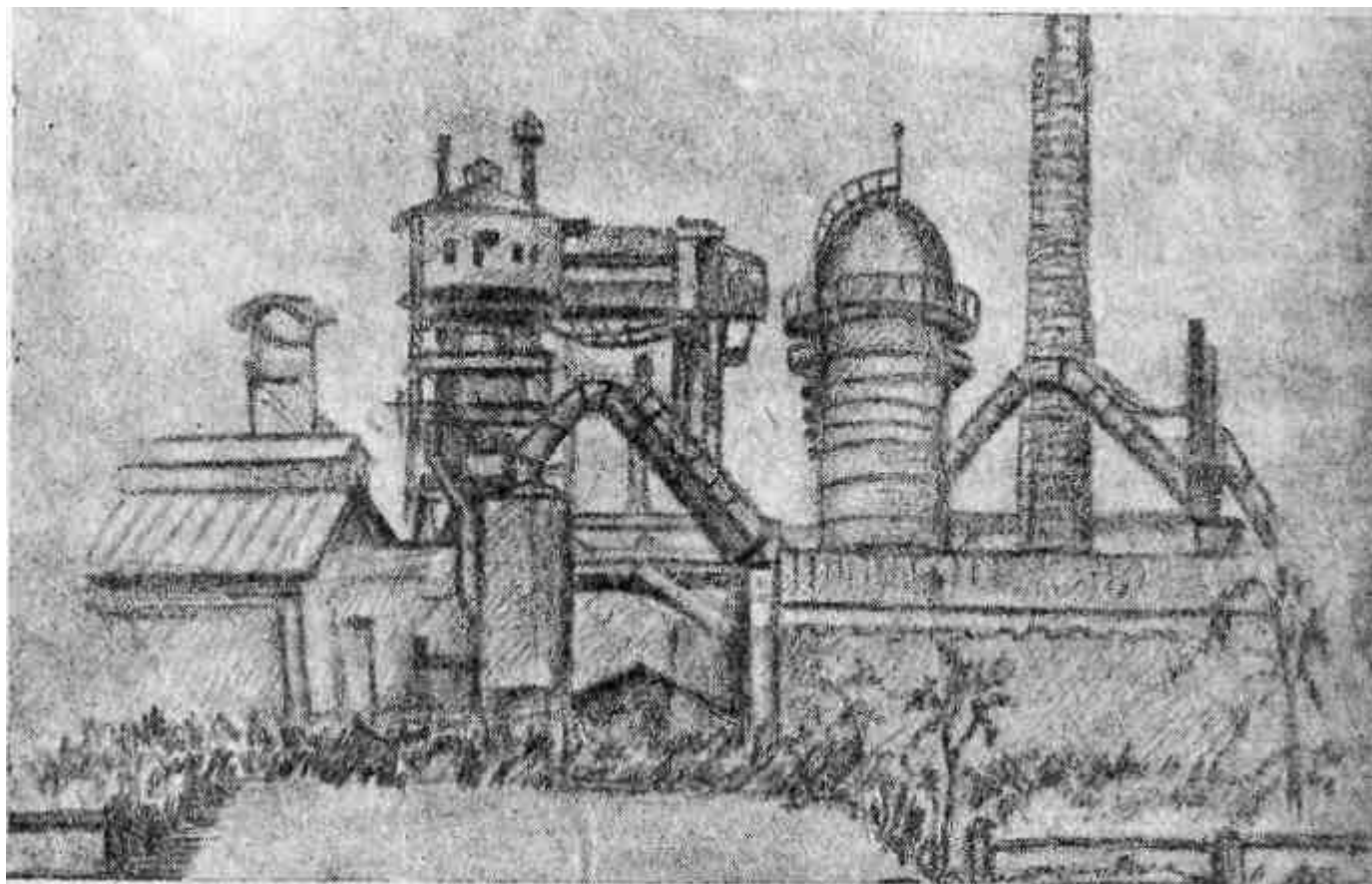
И не только маленькие граждане в Советском Союзе заинтересовались книгой. Академик Ферсман прислал письмо с предложением своей помощи. Из далекой Дании, через поля сражений народов Европы с фашистскими поработителями, протянул дружескую руку известный датский писатель Мартин Андерсен Нексе. Большой друг советских ребят прислал вместе с пожеланиями успеха в работе много ценных советов.

Так создавался план книги.

В КНИГУ РЕБЯТ УРАЛА

Письма шли непрерывно. Подчас корреспонденты писали адрес лаконично: «Свердловск. В книгу ребят Урала». И пакеты доходили. Они приносили запросы о темах, с гордостью рассказывали о росте своего колхоза, о новой шахте, о гидравлике на прииске, об охоте на медведя. Чудесные детские письма!

Были дни, когда писем бывало по 150—200 сразу.

СТАРАЯ ДОМНА ЗЛАТОУСТОВСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО КОМБИНАТА имени СТАЛИНА.

Рис. ученика 9 кл. И. Пиньженина (г. Свердловск).

Просматривая штампы на конвертах, можно было видеть, какое путешествие совершили письма. Вот штамп: «Таборы, авио». Вот другой: «Поселок Бурманово». Прежде чем попасть в почтовый вагон, это письмо проделало путь в 100 километров на оленьей упряжке. Письмо из тундры.

Интересные путешествия! Но что они по сравнению с одним маленьким письмом, которое содержало в себе только несколько слов, было поэтому похоже на телеграмму:

Это письмо было доставлено даже быстрее, чем телеграмма. Его принес почтовый голубь. Дело было так: однажды пришел во Дворец пионеров молчаливый мальчик лет двенадцати и, разыскав организатора

книги, сказал:

— Я от юннатов из Косулино. Ребята послали меня за планом книжки.

— Решили стать участниками книжки? Это хорошо, возьми план.

— Мы еще не решили, а только хотим познакомиться с планом. Вот прочтем, тогда и скажем — напишем или нет.

Он уехал, забрав план и почтового голубя: При прощании делегат сказал:

— В воскресенье, в десять часов выпустим почтовика. А вы в двенадцать часов пополудни его ожидайте. Он и ответ принесет.

Крылатый посланец принес их ответ.

Были и такие случаи. Как только начались каникулы в школах (лето 1940 г.), в Свердловск потянулись ребята «для личных переговоров». Приезжали из глубинных районов Челябинской, Молотовской областей, приезжали, чтобы прочитать стихотворение, рассказ или просто обсудить несколько тем и выбрать наиболее интересную. Эти приезды в Свердловск показали, насколько глубоко и серьезно заняла ребят новая работа.

В ПОИСКАХ ТЕМЫ

С первых же работ стало очевидно, что ребята поняли основную, решающую задачу: книга — не игра, не забава, не развлечение. Книга — серьезное дело, она должна не только развлекать и занимать время, но и давать знания, обогащать читателя, учить его. Кропотливо, упорно трудились школьники над рассказами.

Никто из ребят ни разу не обиделся, получая рукопись с плохим отзывом, никто из них не бросил раз неудавшийся рассказ, не оторвался от книги! Нет! Этого не было. Наоборот, они еще упорней брались за рукопись, вдумчиво перечитывали замечания и работали.

СЕВЕРНЫЙ УРАЛ.

Рис. ученика 7 кл. А. Куликова (г. Молотов).

Однажды я получил из далекого Варненского района Челябинской области (что расположен на границе с Казахстаном) пакет с рассказом о Салавате Юлаеве. Автором рассказа был тринадцатилетний башкир Шамиль Камалов.

Рассказ ничего нового не дополнял к уже известным в литературе материалам о башкирском народном герое. Я попросил мальчика доработать рассказ, поговорить со стариками, которые, конечно, хранят у себя в памяти легенды и песни о батыре Салавате.

Два месяца молчал Шамиль, словно в воду канул.

Оказывается, получив письмо, Шамиль отправился пешком в путешествие по юлаевским местам.

Все лето ходил Шамиль по Башкирии, многому научился, многое узнал. Осенью он написал рассказ «Салават».

Были авторы и специально командированные.

Для книги был необходим рассказ о варке знаменитой на весь мир уральской булатной стали. История ее начиналась на Южном Урале, на старых заводах Златоуста. Туда поехал серьезный, любознательный четырнадцатилетний свердловский пионер Володя Гилев. Возвратись с Южного Урала, Володя написал «Тайну булата».

Работа увлекла его. Он собрал группу юных геологов Свердловской детской экскурсионно-туристской станции и отправился собирать материалы для книги в Ильменский минералогический заповедник, в Кыштым и Карабаш. Свыше месяца лазили они по горам Юрмы, Таганая, Ильмен, спускались в шахты,

осматривали рудники, беседовали с рабочими, инженерами, слушали увлекательные сказы уральских горщиков о тайных кладях Каменного пояса. Так появился коллективный рассказ «Музей в горах». Володя Гилев записал старый сказ «Чудо-камень».

ОБОЙДЕМ ВЕСЬ УРАЛ

Работа над книгой заставила пионеров и школьников Урала призадуматься над вопросом: достаточно ли хорошо знают они свой родной край, чтобы поучать других? И ребята решили глубже, детальнее изучить свой необъятный, разнообразный и богатый край.

И вот — по всем румбам компаса из городов и сел Урала пошли комбинированные отряды туристов на дикие скалы и в тундры севера, в пещеры и на пороги Чусовой, поплыли в лодках по Каме. В каждом отряде были историки, фольклористы, геологи, ботаники, краеведы, ребята из литкружков и изостудий.

НАБЕРЕЖНАЯ В СВЕРДЛОВСКЕ.

Рис. ученика 9 кл. И. Пиньженина (г. Свердловск).

Актив Дома пионеров города Серова взялся рассказать о бокситах, о том, как добывается платина, написать об уральской реке-красавице Сылве. Серовцы побывали на бокситовом руднике, сами добыли несколько граммов платины, затем своими силами построили плоты, и на этих импровизированных «кораблях» с приключениями сплыли до ближайшей железнодорожной станции.

Ни таежное бестропье, ни яростные атаки прожорливых комаров и гнуса, ни потоки горных холодных

рек не остановили отважных ребят. «Это нужно для нашей книги — значит, нужно сделать!» — говорили они.

Из Челябинска ушла в горы Южного Урала группа туристов. Из села Щелкун ребята направились на Вишневые горы; из Свердловска таких маленьких экспедиций было отправлено свыше двадцати.

Авторы книги спустились в заброшенные пещеры Ветлан, побывали в сказочных шахтах Соликамска, проплыли по Вишере, посетили домик-музей в далеком селе Ныробе, где до революции жил в ссылке К. Е. Ворошилов.

Из дальних и ближних походов ребята возвращались радостные, полные впечатлений. Приведя в порядок свои записки, они сдавали объемистые рукописи в редакцию книги. По строчкам, по страничкам собиралась книга уральских ребят.

НЕ ТОЛЬКО РАССКАЗАТЬ, НО И ПОКАЗАТЬ

В разгар работы у детей появилась мысль сделать книгу целиком своими силами. Ребята изобразительных студий, изокружков и фотографы обратились ко всем молодым, «художникам» Урала с предложением подкрепить литературную работу ребят своими иллюстрациями. «Об Урале нужно не только рассказать, но и показать его. Рисуйте картины, делайте этюды, зарисовки наиболее интересных, достопримечательных мест Урала. К рассказам мы сами сделаем тематические иллюстрации».

И эта мысль оказалась не праздной. Ребята, умеющие рисовать, горячо взялись за дело.

Свердловчанин Николай Игнатьев — способный портретист и живописец — выезжал в село Герасимовку, на родину пионера-героя Павлика Морозова. Там он сделал много эскизов, а позднее написал портрет отважного пионера. На оленях добирались мы с ним до ребят северного народа — манси. Они быстро сдружились с нами и дали для книги много рисунков. Некоторые ребята манси стали авторами книги.

ВЕРШИНА ГОРЫ ТАГАНАЙ.

Фото ученика 9 кл. Г. Чертополохова (г. Свердловск).

В городе Молотово, в Челябинске, в селах, на заводах готовились для книги картины и рисунки. Снова ворчали на нас работники связи за большое количество объемистых посылок с картинами. Да не только полотна присылали ребята. Посылочный отдел почтамта доставлял нам скульптуры, поделки из дерева и кости. Все самое интересное, дорогое собирали уральские ребята для книжки.

Картины маслом, акварелью, рисунки, этюды, пастель, карандаш, Графика, резьба по дереву и кости, скульптуры и барельефы из гипса и пластилина, целые горы минералов, кипы фотографий, фото- и киноплёнки.

Урал — богатый и красивый — встал во весь свой рост. «Художники», как и «литераторы», ликовали!

СЕВЕРНЫЙ УРАЛ. ОКРЕСТНОСТИ СЕЛА НЫРОБ.

Рис. ученика 8 кл. С. Мальцева (г. Молотов).

Сумрачны оставались лишь ребята из музыкальных кружков. На многолюдном собрании участников создания книги в городе Молотово «музыканты» обиженно говорили:

— Всем нашлась работа, все что-то делают для книги, а вот мы оказались обойденными. По нотам рассказ не напишешь.

Они ушли с собрания, долго совещались, а к концу его снова пришли и попросили слова. Они сказали:

— Пусть не смеются над нами остальные ребята! Мы придумали, как помочь книге. Мы предлагаем силами детских музыкальных кружков создать песню уральских ребят.

И началась кропотливая работа над песней уральских ребят. На конкурс песни было прислано 40 текстов. Тексты были розданы в музыкальные кружки трех областей. Двенадцати-тринадцатилетние «композиторы» трудились над музыкой. Музыкальных текстов было представлено 15 вариантов. По общему признанию лучшей оказалась песня Юрия Олесова (Уралмашзавод) на слова двенадцатилетнего Жени Фейерабенд (Свердловск). В этой песне есть такие слова:

Куда бы работа нас позже не звала;
Уехав в любые места,
Надолго запомним красоты Урала,
Большого, родного хребта!

Глубоко патриотическая песня говорит о славе и могуществе Родины, о славе одного из цветущих и богатых ее краев — сталинском Урале.

КАК НАЗВАТЬ КНИГУ?

В декабре 1940 года первый этап работы над книгой был закончен.

В книгу было прислано свыше 8 тысяч рассказов, очерков, дневников, стихотворений. Только одних стихотворений оказалось полторы тысячи. Маленькие художники собрали больше 500 картин, этюдов, зарисовок, иллюстраций.

Но сделано было еще не все. Во всех газетах вновь появилось письмо к ребятам Урала:

И опять в школах, отрядах начались жаркие споры, снова вспыхнуло дружеское соревнование.

В изостудиях рождались десятки эскизов обложки, форзацев, готовились рисунки к рассказам, делались буквы, шмутцы.

На конкурс поступило 300 предложений названия книги. Наконец, почти одновременно из двух колхозных сел Свердловской области — Фоминка (Махневский район) и Печеркино (Пышминский район) коллективы двух школ приняли на своих общешкольных собраниях постановления:

МАРТИН АНДЕРСЕН НЕКСЕ — СОАВТОР НАШЕЙ КНИГИ

Еще в самом начале работы, над книгой ребята Урала завязали переписку и тесную дружбу с известным датским писателем Мартином Андерсеном Нексе. Из месяца в месяц мы держали нашего друга в курсе работ, информировали его. Он отзывался теплыми, радостными письмами.

Когда книга в основном была готова и в ней ясно зазвучал голос молодости и счастья жить в нашей прекрасной стране, ребята написали Нексе письмо:

В мае, перед самым нападением на Данию фашистских разбойников, Мартин Андерсен Нексе прислал свои воспоминания для книги ребят Урала.

Сколько радости было у ребят! Они решили отвести для «Белой птицы» почетное место в книге. Мартин Андерсен Нексе очень ждал книгу уральской детворы. Но фашистские палачи, захватив Данию, заключили знаменитого писателя в концентрационный лагерь.

ГОРА «КНИГУРР»

Свердловский обком комсомола в июне 1941 года организовал специальный пионерский лагерь-санаторий для наиболее активных авторов. Сотни ребят — украинцев, русских, башкир, чувашей, манси — съехались на отдых в лагерь авторов книги «Урал — земля золотая». Здесь многие из них впервые встретились, познакомились и окончательно сдружились. Коллективная работа сроднила, спаяла ребят.

В лагере, во время походов в горы и лес, купаний и игр, авторы договорились отметить свою работу. Они пошли в краеведческое и географическое общества, заручились согласием Уральского картографического управления и, совершив восхождение на одну из безымянных гор Уральского хребта,

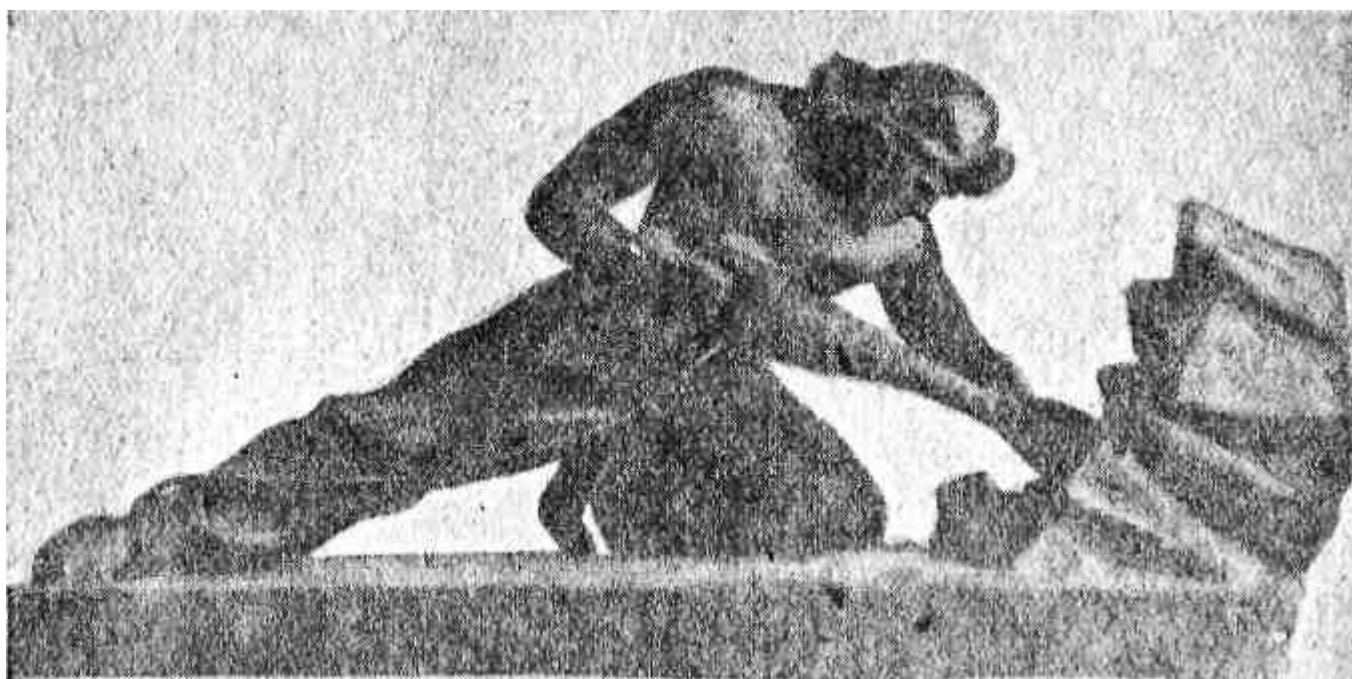
оставили на вершине ее курган из камней, в котором спрятали акт:

И может быть, через несколько десятков лет новое поколение уральских ребят, взойдя на гору и раскидав курган, прочтет трогательный акт пионеров 1941 года, утверждающий за горой право называться именем книги, и с благодарностью вспомнит ее авторов.

ЗНАКОМЬТЕСЬ, РЕБЯТА!

Помни, читатель, книгу эту создавали не только ребята, фамилии которых значатся в списке авторов. Нет, ее создавали миллионы пионеров и школьников Урала. Пусть их фамилий ты не найдешь в списке, но знай — они тоже помогали создавать свою книгу. В ней бьется миллион маленьких детских сердец советских ребят и одно большое, благородное сердце — сердце незабвенного Алексея Максимовича Горького. Он незримо, но постоянно присутствовал с нами, помогал, одобрял нас.

АНАТОЛИЙ КЛИМОВ

В ЗАБОЕ.

Скульптура ученика 8 кл. О. Посохина (г. Молотов).

БЕЛАЯ ПТИЦА

(Из воспоминаний детства)

В детстве я часто хворал или, вернее сказать, часто вынужден был лежать в постели. И не только в детстве: вплоть до сорока лет я, пожалуй, ни одного дня не был вполне здоров. Но первые восемь лет были особенно тяжелыми: трудно было маленькому организму приспособиться к жизни. Много было возни с желёзками, нередко все лицо покрывалось язвочками, — одни глаза оставались нетронутыми. Меня донимали простудные заболевания, катарр бронхов, кашель; лихорадка привязывалась по всякому поводу. Приходилось пить рыбий жир, — в те времена это была желтая жидкость с затхлым запахом, которую так трудно было заставить себя глотать. Часто также отец приносил морской воды из гавани у известкового завода, где он работал на новом бассейне. Это была еще похуже рыбьего жира.

Со скуки я выковырял в плохо оштукатуренной стене ямку, и вот однажды в ней оказалась кучка насекомых. Мать пришла и замазала ямку зеленым мылом.

— Вот так, — сказала она, — теперь им досталось на орехи.

— Что это за противные насекомые?

— Это будильники бедных людей. Когда господь выгонял нас из рая, он дал их нам с собой, чтобы мы не просыпали по утрам.

Объяснением я был удовлетворен, но насекомых не перестал бояться.

— А ты не бойся, — успокаивала меня мать, — они тебе ничего не сделают. — У тебя слишком нежная кожа! Даже у маленьких принцев нет такой нежной кожи.

И, правда, клопы меня не трогали — ни тогда, ни после, — хотя мне немало приходилось жить — особенно в юности — по разным странам, в дешевых лачугах, ночевать по всяким трущобам, кишасим клопами. Бывало, когда нас оттуда выпроваживали ранним утром, у моего товарища по ночлегу все тело красное и воспаленное от укусов, а меня эти козявки и не тронули. Верно, когда я был еще совсем маленьким, они меня так основательно терзали, что в моей крови выработалось противоядие.

* * *

Потому ли, что я так боялся, или по другой причине, — но однажды мать постелила мне на диване в парадной комнате. Отец стал ворчать: диван был набивной, и в будни на нем даже сидеть не разрешалось. Но, видно, на этот раз со мной было что-то серьезное, потому что он уступил.

И вот я лежу и нежусь. Тут же и печка, — а в то время, должно быть, начиналась зима. Когда у матери бывают деньги, она затапливает уже среди дня, до того как из детского сада вернется мой брат с грифельной доской, букварем и мокрым носом. Пускай немного погрееется: потом ему снова уходить — на известковый завод с бутылкой теплого кофе для отца. Он швыряет доску и букварь ко мне на постель и тут же начинает пересказывать то, что сегодня выучил. Он знает уже первые шесть букв алфавита и чуть не лопается от учености. Со мной он обращается как с безнадежным идиотом, и я рад тому, что он скоро опять уйдет. Но сам-то он не рад.

— У воды так холодно, — говорил он, хныча и забиваясь в угол за печкой.

Каждый день он помогает подносить булыжник для мостовой и убирать щебень, который накапливается на рабочей площадке отца. Он слишком мал для этого, и изо дня в день повторяется та же сцена. Он колотит кулаком по стене, воет и грозит убить отца и мать и всех нас вместе. Но стоит матери тихонько взглянуть на него полузатуманенными глазами, как он хватается корзинку с бутылкой и выбегает.

Зато вечером, когда он возвращается домой, — иногда с отцом, иногда один, — он счастлив и ласков со мной. Он мне всегда что-нибудь приносит: то хорошенький камушек, то створки больших ракушек, прилипающих к огромным валунам, которые ловцы камней поднимают со дна Каттегата и Эрезунда и доставляют в каменоломни. Мясо ракушек, точь-в-точь похожее по вкусу на яичный желток, брат с отцом поедают сами.

— Клянусь богом, вы уже побывали в трактире — и среди бела дня! — сердито говорит мать. — И, конечно, он еще там и явится, как обычно, пьяный.

Она гневно отбрасывает чулок, который штопала, и склоняет голову на руки. Брат не отвечает; по лицу видно, что отец запретил ему что бы то ни было рассказывать дома.

Вдруг он заявляет с самым беззаботным видом:

— В следующий раз я вам принесу целую шапку ракушек, — непременно принесу! А когда я стану большой, я тебе, мама, заработаю кучу денег. И в трактир ходить не буду.

Мать не может удержаться от улыбки.

И правда, отец вернулся пьяный, — но в прекрасном настроении. Он ввалился в комнату весь в снегу: снег лежал на его могучей черной шевелюре, снегом облепило короткую парусиновую куртку. Оказывается, он подрался с полицейским. Он рассказывал об этом со смехом, стоя в дверях и пошатываясь из стороны в сторону — этакий бородатый медведь. Лоб у него был в крови, шайку он потерял по дороге.

— Да плюнь ты на это! — сказал он, когда мать принесла воды и хотела смыть кровь. — Посмотрите лучше, что вам отец принес.

Из-под парусиновой куртки, которая вместе с подшитой под нее исландской шерстяной фуфайкой служила ему вместо полушубка, появилась замерзшая, полумертвая от голода чайка. Она могла стоять только на одной ноге, — другая бессильно повисла, как тряпка.

— Настоящая морская птица, а? — сказал отец, сияя от радости. — Возможно, с Борнхольма залетела.

Чайку занесло в гавань известкового завода на льдине, — лапы у нее вмерзли в лед. Отец освободил ее, забравшись с помощью багра на другую льдину.

— Пришлось обколоть лед деревянным башмаком, — рассказывал отец.

На обратном пути его остановил полицейский, должно быть, потому, что он прятал что-то под курткой.

— Уж мы с ним повалялись в канаве, — продолжал отец со смехом, — но он-таки вынужден был сбавить тон. Я бы мог ему всыпать еще, только боялся за птицу. Вот посмотрите, — она целехонька!

Отец сидел на краю моего ложа и рассказывал, а чайка стояла на одной ноге у меня на груди, прикрыв глаза. В тот вечер мы гордились отцом, мы его все любили, несмотря на исходивший от него запах трактира. Мать перегнулась через стол и буквально впилась в него глазами. А Георг, сжимая кулаки, грозно произнес:

— Я этого полицейского искалечу, вот только чуточку подрасту!

— Ты? — откликнулась мать, смеясь от души. — Это в твои-то шесть лет!

— Он у нас молодчина, — кивал отец, — он уже и булыжник умеет подкатывать.

Как мне хотелось услышать такую же похвалу от отца! Но он меня считал за неженку, потому что сам никогда не хворал.

* * *

В тот вечер Георгу, обычно спавшему на стульях в комнате родителей, постелили на диване, у меня в ногах. Дверь тихонько прикрыли. Желая друг другу спокойной ночи, отец и мать выглядели так, точно у них были тайные именины. Мне казалось, так ласково они еще никогда не глядели один на другого.

Очевидной виновницей торжества была белая птица, стоявшая теперь на одной ноге перед печкой, на куске торфа.

Мать кутила: она подбросила еще пару кусков торфа, и пламя, ярче вспыхнув в отверстии дверцы, озарило чайку. Долго лежал я, разглядывая птицу, пока она не растаяла в моих глазах. Брат, имевший достаточно причин устать, уснул тотчас же.

* * *

Проснувшись на другое утро, я рта не мог открыть, — такая на губах выросла короста. Мать должна была отмочить ее теплой водой, отец разрезал ножницами.

Он был дома, не на работе, хотя день был уже почти в разгаре. В воздухе было еще что-то от вчерашнего праздника: на очаге благоухал кофейник, а брата послали в лавку за настоящими булочками. Приятно было проснуться и увидеть все это!

Попозднее отец зарезал чайку, и мать ее зажарила. Пахло чудесно, — но радостное настроение исчезло. Белый вестник счастья как-то странно хрустел на могучих отцовских зубах. После обеда отец оделся и ушел. Мать вздохнула. Снова потянулись будни.

Мартин Андерсен Нексе

Глава первая

ДАЛЕКИЕ БЫЛИ

История гор

История гор

Несколько сотен миллионов лет назад, когда земля остыла, на месте нашего красивого, величественного Урала было безбрежное теплое море. На севере оно соединялось с Ледовитым океаном, а на юге со Средиземным морем.

В древнем уральском море жили только одноклеточные организмы — архециты. Во влажном климате верхнего палеозоя на берегах и островах развились гигантские папоротники.

Проходили миллионы лет. Жизнь в море становилась разнообразнее и оживленнее. Появились иглокожие, трилобиты, кораллы, головоногие моллюски. За счет скелетов этих животных образовались горные породы известняков, из которых состоят целые скалы на берегах уральских рек Вишеры и Колвы.

Дно теплого уральского моря то медленно опускалось, то поднималось; на нем отложилось много ила, песка, известняков. Извергались подводные вулканы, и раскаленная лава потоками изливалась на дно моря.

В конце палеозойской эры Урал сильно изменился. Медленно, но неустанно, в течение нескольких миллионов лет поднималось дно древнего уральского моря. Выросли горы высотой до 9 километров. В это же время великих земных преобразований поднялись вершины Алтая и Тимана.

В пермский период конца палеозойской эры поднятое дно моря было смято в складки. Прорывая осадочные породы, известняки и песчаники, из глубины земли на поверхность хлынула жидкая лава.

Вот как рассказывает об этом геолог, профессор В. А. Варсанофьева:

Так выросли древние Уральские горы, безлесные, высочайшие, протянувшиеся от Северного до Каспийского моря.

Уральское море отступило от твердынь земли. Только на западной окраине Урала осталось глубокое море, да на востоке долго держались болотистые места, поросшие пышной растительностью.

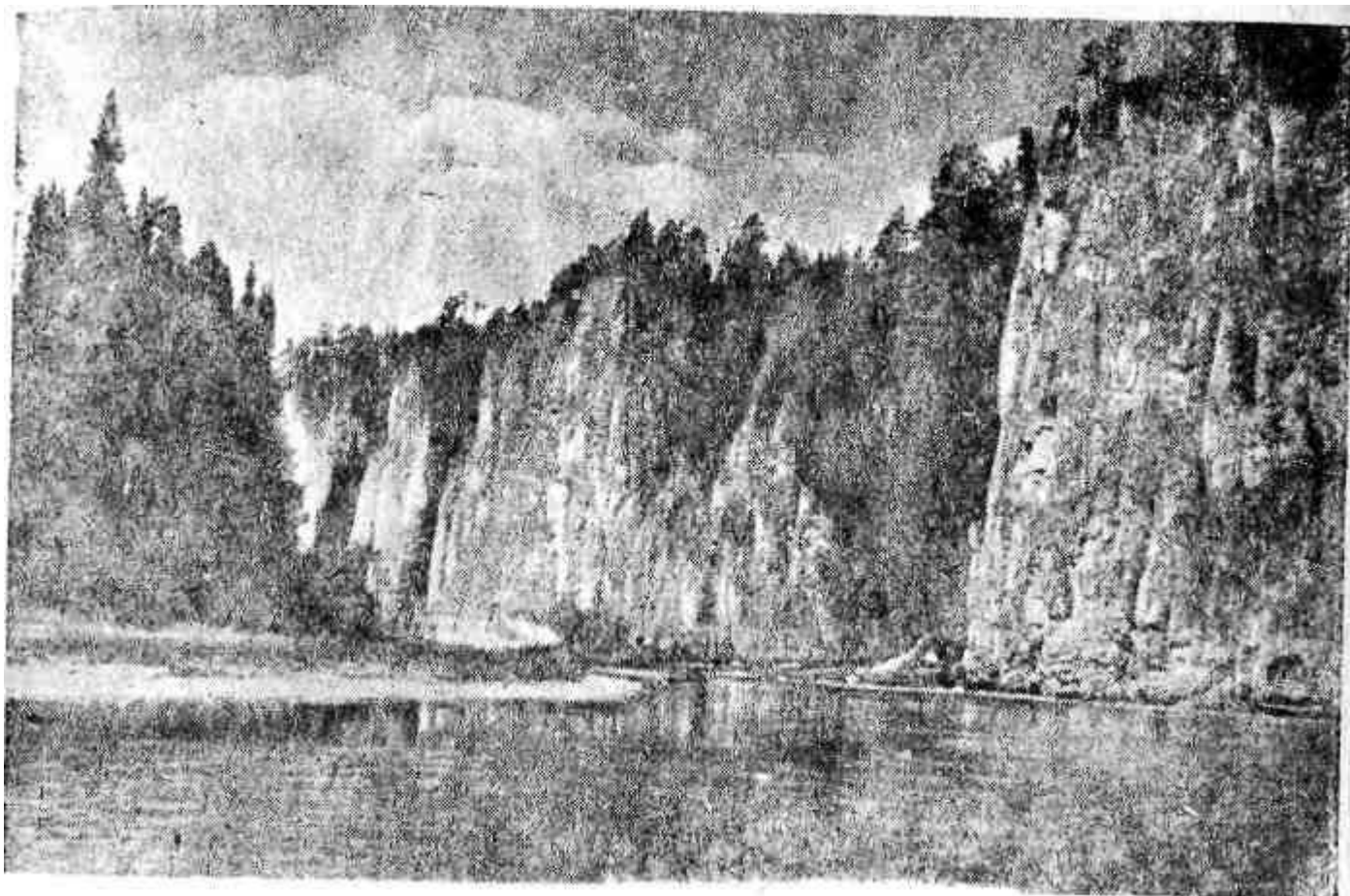
Но прошли еще сотни миллионов лет, и не узнать было землю, где стояли древние Уральские горы; на их месте раскинулась равнина с болотами. В течение мезозойской эры Урал активно разрушался от деятельности ветра и воды, пока не сравнялись километровые горы.

В начале третичного периода кайнозойской эры вновь начали действовать силы, создающие горы. Потоки лавы хлынули из недр земли, медленно поднялись новые горные цепи. Только в это время, на много позднее Уральского хребта, образовались горы Кавказа, Альп, Памира, Гималаев, Гиндукуша. Возраст Уральских гор — триста миллионов лет (по Ферсману).

На помолодевшие Уральские горы, в следующий, четвертичный период кайнозойской эры опустилась великая зима. Горы Урала покрылись вечным снегом и ледниками. Льды двинулись с севера и поползли по горным вершинам, разрушая скалы. Молодой Урал утонул в океане льдов.

После отступления великой зимы хребет не представлял уже неприступных круч. Льды опрокинули некоторые горы, сгладили вершины их, разрушили массивные края.

И еще несколько раз наступал ледник на уральскую плиту. И каждый раз все больше разрушались горы, дряхлели, исчезали неприступные скалы, огромные камни обтачивались в гладкие валуны. Когда-то неприступный высокий Урал принял современную форму. Первый человек, появившийся на Урале, мог еще видеть скалистый Урал, напоминающий современный горный Кавказ.

КАМЕНЬ «ОЛЕНИЙ» НА РЕКЕ ЧУСОВОЙ.

Фото. Серовский дом пионеров.

Ночь в горах

Н о ч ь в г о р а х

Из-за старой разлапистой ели
Месяц рог золотой показал.
С ним проснулась уральская сказка —
Ожил сказов старинных Урал.

Та скала — человеческий профиль.
Вон звезда из-под брови блестит.
Это Полоз великий поднялся
И богатства свои сторожит.

Лунный свет, серебристым сияньем
По камням загораясь, скользит,
То красавица, Полоза дочка,
Золотою косою блестит.

Месяц выше поднялся на небе,
Тени черные дальше легли...
Я гляжу на горящие угли —
И мне чужды недр земли.

— Медь, железо и золото видишь? —
Мне Хозяйка торы говорит, —
— Клад, Урал мой, сокровище чудное,
Он теперь человеком открыт!

Так сказала она, улыбнулась,
А глаза изумрудом горят.
И пропала... Травой обернулась,
Малахитовый сбросив наряд.

Я проснулась... Как будто живые,
Угли синим мерцают огнем
И лежат предо мною, сверкая
Золотистым чудесным ковром.

А с другой стороны, под горою,
Тоже яркий огнистый ковер.
Угли брошены щедрой рукою —
Вся долина пылает меж гор.

Это город, сверкая огнями,
Новой сказки создал красоту;
Сказы старые ожили сами,

Сделав жизнью былую мечту.

Искры в небо безудержно рвутся...
Домен жерла... Огни и огни...
Бьется мощное сердце Урала,
Бьется ровно и ночи и дни!

Земля золотая

(Уральский сказ)

Земля золотая

Давно это было. Так давно, что даже старики путаются во времени. Может, тысяча, а то и больше лет назад. Горы наши, которые Уралом зовем, состариться успели, а камень, известно, долго живет.

Но еще дольше живет молва. Все может умереть: и человек, и, лес, и гора, — а молва не умрет, не исчезнет. Жить будет. Она-то и довела до нас старый сказ о том, почему горы наши Уралом названы.

У гор, высоких и скалистых, жило племя первых людей. Жили люди вольно, не знали войн, пасли стада коз и баранов в горах; охотились в лесах, одевались в звериные шкуры. Горами не интересовались, не искали, что в них скрыто.

Но вот родился у пастушки этого племени сын. Все дивились красоте и росту его, приходили к пастушке любоваться ее сыном. Пришел, наконец, и самый старейший из племени. Долго смотрел старец на мальчика, а потом так сказал людям:

— Примета верна. Это он. Все так и есть, как говорит предание: будет парень белокур, красив и строен с детства. И мать даст ему имя Ур, что значит Земля.

— Пусть будет так, как говорит предание, — сказала мать. — Имя моему сыну будет Ур, что значит Земля.

— Предание говорит, — продолжал старейший из племени, — будет парень белокур и красив, но счастья ему не будет на земле. Он уйдет в землю.

— Он умрет, мой сын? — горестно воскликнула мать.

— Нет, о смерти не говорит предание. Юноша будет ждать, пока проснется Золотая девушка, что спит в этих горах.

— Кто эта Золотая девушка? — гневно вскричала мать.

— Никто ее не видел, она спит еще, время ее не пришло.

— Она прекрасна?

— И об этом не говорит древнее сказание, — ответил старец. — Мы не знаем смысла слова «золотая». Другие люди узнают это слово, они и скажут, прекрасна ли она.

Сказав это, старец положил у колыбели Ура свирель, лук, стрелы и вышел.

Подрос мальчик: высок и гибок стан его, на лоб спадает прядь волос блестящих, как солнце, и кудрявых, как шерсть ягненка. Повесил он на шею свирель громкоголосую и певучую, через плечо — лук да

колчан со стрелами и стал пасти стада баранов и коз.

Однажды ранним утром, как всегда, играл он на свирели и пел, а возле него шумел лес и паслось стадо. Вдруг вылетел из-за вершины самой высокой скалы могучий орел — царь птиц, — сложил крылья и камнем упал вниз, к стаду. Схватил орел ягненка цепкими когтями и стал подниматься к своему гнезду.

Вскочив на ноги, пастух бросил свирель, натянул упругую тетиву лука и пустил вслед птице стрелу. Метко стрелял сын Земли — стрела пронзила орлу шею. Выбываясь из последних сил, добрался раненый царь птиц до вершины горы и упал там мертвым на острые камни.

Кинулся на гору Ур отобрать добычу у орла. Но путь до вершины, оказался, не легок. Все же достиг ее юноша и увидел: сидит возле убитого орла девушка и горько плачет. Удивился пастух — откуда на скале

девушка?

— Кто ты и чего ты плачешь? — опросил он.

Подняла девушка голову, и тут только увидел Ур, что волосы у нее были не простые, а из тонких блестящих волокон. И одета она была во все желтое, от чего слепило юноше глаза.

— Я Золотая! Как ты смеешь убивать моих гонцов? — гневно сказала девушка.

— Орел унес на скалу ягненка...

— Ты говоришь неправду, пришелец! Он полетел искать среди людей юношу, которого я жду. Я велела гонцу привести его ко мне. Человека того зовут Ур. Не слыхал ли ты о нем?

— Твой гонец привел его к тебе, — ответил юноша.

— Так это ты Ур? — воскликнула девушка. — Тогда пойдем, я покажу тебе богатства Земля, которые мы с отцом сторожим для народов.

Юноша колебался.

— Ты боишься? Знай — ты не уйдешь отсюда, как и я не могу уйти. Долго мы будем жить в горах, оберегая людское добро.

— Так давай отдадим это добро людям. Вон там, далеко внизу, в лощине живет мой народ — откроем им богатства и уйдем жить вместе с ними.

— Нет, еще не пришло время. Эти люди счастливы, что не знают о тайных кладах гор. Пройдут долгие годы, пока люди узнают правду о Земле, пока поймут, что такое богатство. А когда поймут, пойдут одиночки в горы искать его. Вот мы и должны оберегать от них богатства гор.

— Зачем же? Добро принадлежит им.

— Тайные дары Земли принадлежат всем людям, а не избранным. А до того времени еще далеко. Но придет это время, и тогда мы откроем людям все богатства гор. Пошли же!

Они прошли в горы, и девушка открыла Уру клады, оберегаемые ею до дней счастливого века. Юноша увидел прекрасные дворцы из желтого, как и волосы девушки, блестящего камня; реки, протекающие по

дну из разноцветных драгоценных камней. Путь им освещали тлеющие леса, сдавленные камнем и землей.

— Это тоже богатства, — указала на раскаленные уголья девушка. — И о них не знают пока люди. Смотри, вот здесь прошел мой отец!

В камне молнией пролегла жила из желтого камня.

— Мой отец — желтый змей, — Великий Полоз. Где проползет он, там остается золотой след.

— А что такое золото? Почему тебя зовут Золотой?

— Золото — камень, которого мало в земле. Я не знаю, как назовут Нотам этот камень люди, нашедшие его. Я из этого камня.

— Я остаюсь здесь с тобой охранять добро народа. Дай мне кусок желтого камня, пойдем к убитому орлу.

На скале, возле мертвого орла, юноша сделал на стрелу наконечник из желтого камня, натянул тетиву лука и послал весть о себе в стан племени. А потом, последний раз взглянув на солнце, ушел внутрь гор. «Ушел навсегда».

В стане нашли стрелу Ура. Показали ее старейшему из племени. Старик сказал:

— Этот желтый камень и есть знак Золотой девушки. Остался парень у нее. На языке нашего народа камень этот будет называться «ал». Так говорит древнее предание.

С той поры и зовут люди горы эти Урал, что значит — Земля Золотая.

А стражей богатства так и не видели больше. Говорят, что живут они и сейчас в наших горах, помогают разные богатства в земле отыскивать: золото, уголь, руды всякие, самоцветы. Старики-старатели рассказывают, будто еще при царе кое-кому, кто победнее, приходилось их видеть. Тому будто давали они в руки добро.

Зорко охраняли Ур с Золотой девушкой клады и жилы. Только теперь богатства эти раскрываются во множестве, потому что пришло то время.

В царстве Епанчи

Наши деревни Новоселова и Мугай основаны давно, лет триста назад. Недаром часто называют Новоселову Старой деревней.

Стоят деревушки на берегу реки Тагил, точно в воду глядятся. Все на этой реке овеяно легендами и народными преданиями. Каждое плесо, изгиб, прибрежный камень имеют названия, а за ними скрыта интересная история. В трех километрах от Новоселовой, вверх по течению реки, есть покос — Привалы. Здесь будто бы Ермак со своей вольницей отдыхал, когда шел покорять Сибирь. Пониже прибрежный луг — Барка, где у Ермака разбилась груженная лодка — барка. Недалеко от Мугая на берегу лежит огромный камень, исписанный непонятными знаками. Камень тот Писанцем зовут. И тоже будто бы Ермаковы то знаки.

Привольно живет наш колхозам: и хлеб хорошо родится, и овощи есть, и скоту житье на богатых лугах.

А ведь было время, когда пустынными казались наши места, бездорожными, глухими. Деревень русских и в помине не было, а жили в юртах вогулы да татары-поселенцы. Народ зверовой, добытчивый. Покой их охраняли свои богатыри: у вогул Полудница, а у татар Талгат.

Женщина-богатырь Полудница жила поодаль юрт на берегу Тагила вместе со своим больным братом Лупейкой. Был у нее еще Сивка — громадная лошадь, подстать хозяйке.

Талгат-богатырь жил уединенно. Боялись люди силы его непомерной. Голыми руками душил Талгат медведей, схватив зверя за горло. Питался медвежатиной и птицей.

Крепко стерегли богатыри сплавную дорогу в свои земли. Как заслышат шум и запах пришлых людей, скрип уключин на реке, — пощады не жди от них. Не было такой силы, чтобы смогла вторгнуться в глухие, но богатые земли Каменного пояса.

Но явилась такая сила.

Случилось это во времена далекие, когда на Руси в Московском государстве царствовал царь Иван Васильевич, по прозванию Грозный.

Стояло жаркое лето. Плесо реки Тагила было спокойно; небо чистое, без облаков, ветра не слышно. Только мошка жужжит над водой. Полудница и Талгат спали, спал весь край.

Чу! Откуда-то издали послышалась песня. Зачинал один голос:

Горы-то высоки, озера глубоки...

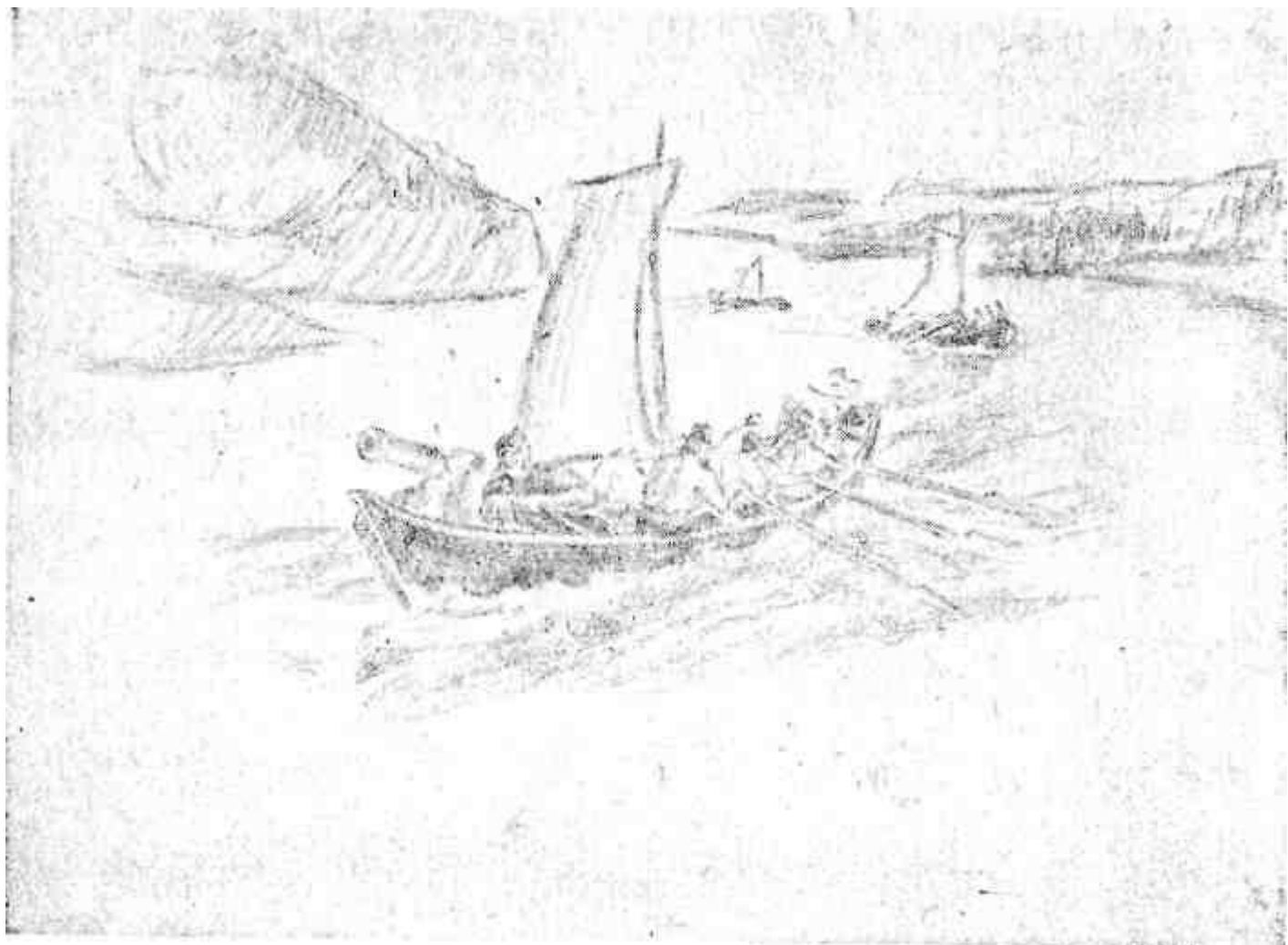
А дальше лихо подхватывают сотни голосов, ускоряя темп:

Как во этих озерах живет рыба-щука!

Откуда несется эта песня, которую никто никогда в этих таежных местах доселе не слышал?

Ближе, ближе песня. Вот уже слышны всплески множества весел: «Пуль-пуль-пуль», точно кто-то бросает гальки в воду.

Из-за крутого поворота на излучине показалась первая лодка. Двенадцать гребцов — голые по пояс, загорелые, мерно работали на веслах. На носу барки, возле пушки, лежал на шкуре зверя атаман Ермак Тимофеевич: бородатый, в доспехах и при коротком мече. Атаман всматривался в изгибы неведомой реки, любовался благодатными местами.

За первой баркой показалась вторая. На ней плыл в Сибирь любимец Ермака, лихой атаман Иван Кольцо с большой серебряной серьгой в левом ухе. Взор Ивана Кольца суров и остер, волосы на непокрытой голове скатались в кошму. За передними барками плыли другие, на которых разместились сотни ратных людей — силы Ермака. Над рекой понесло смолой.

Песня ширилась, разливалась половодьем по кустам, звенела в лесах и увалах.

Живет рыба-щука, белая белуга.

Запевалу поддерживают:

Белая, белая, белая-я, да эх!
Да все моя милая! Все моя милая!

Десятки ног притопывают ухарскому припеву, ходенем ходят плясуны на барках, звенят гусли.

Первым услышал гомон Талгат. Обозлился, побежал в горы, выбрал огромную глыбу, взвалил ее на плечи и принес на берег к своему жилью. А барки уже подплывают к этому месту. Ермак встал на своей барже и захопал в ладоши, что означало отдых гребцам и обед под тенью густых лесов на берегу.

Тут поднялся Талгат, поднял камень над собой и приготовился метнуть его в пришельцев. Завидели великана люди на барках, вскрикнули. Обернулся атаман к Талгату и впился орлиным взглядом. Не выдержал лесной богатырь взгляда ермаковского, подогнулись его колени, обессилел Талгат, пропала разом вся его сила. Опустился он под тяжестью глыбы на колени, а потом и вовсе пригнулся к земле. Так и придавила его глыба, похоронила навсегда.

А Ермак Тимофеевич приказал людям своим поставить на камне знаки в честь первой победы над непокорными племенами.

Дошел слух о пришельцах и до Полудницы. Болезненный Лупейка мигом сплавал на быстрой лодке-набойнице к жилью Талгата и привез сестре плохие вести. Сверкнула глазами богатырша:

— Не пройдут они в земли наши. Лодку, Лупейка, живо!

На другом берегу Тагила висели над водой скалы. Пригнала сюда лодку Полудница, отыскала среди скал стопудовый камнище, покрытый от старости лишаями, и свалила под крутояр поперек реки. Скрылся камень под водой, перегородив реку.

Лупейку оставила богатырша сторожить тайное место; посмотреть, как лодки напорются на камень, а сама уплыла к своему жилью, оседлала Сивку и помчалась посмотреть грозную силу, что смогла сгубить великана Талгата. Лупейка залез в старое дупло березы и ждал.

Дружина Ермака заканчивала привал. Люди усаживались в барки, брались за весла. Полудница схватила тяжёлый камень и кинула его через реку в переднюю барку. Камень ударился о пушку и покатился к ногам Ермака. Вскочили на ноги дружинники, озираясь по сторонам.

— Ядра! К веслам! — зычно вскричал Ермак.

Грохнула пушка, шарахнулся в сторону Сивка от неведомого грома, еле удержалась Полудница на коне. Но ядро, не долетев до крутого берега, шлепнулось в низину, перепугав длинноногих куликов.

Отчалили барки. Но теперь не слышно было песен, не отплясывали плясуны. Кто бросил камень в барку атамана? Не подстерегает ли кто из-за поворотов людей в походе? Чужлось недоброе.

Вдруг одна из барок затрещала, ударившись днищем о подводный камень, раскололась. Вода хлынула в барку, затопляя гребцов, подмочила порох, снедь в рогожных кулях. Накренилась барка, ткнулась носом в тину берега и затонула. Ратники едва успели выкарабкаться на землю.

Поднялись крики, проклятья, ругань:

— Беда, атаман!

— Водяной упер барку...

— Бойся, ватага!

А тут еще с противоположного берега донесло до людей хохот и визг. И, словно откликаясь на неведомый голос, совсем рядом раздался мелкий смех, похожий на кашель: кхе-кхе-хе!

Бросились ватажники к березе, выволокли из дупла хилого Лупейку и привели на барку к атаману. Повалился Лупейка в ноги Ермаку, целовал его сапоги.

И рассказал трусливый Лупейка о сестре своей, о ее кознях против людей в походе.

— Смерть ей! — разъярился атаман. — Кольцо! Слови ее живую или мертвую!

Кинулся лихой Кольцо в погоню за Полудницей. Испугалась их богатырша, увидев, что бегут они к ней с длинными палками, из которых огонь с громом вылетал. Вскочила на борзого Сивку и поскакала в леса непроходимые, в топи непролазные. Долго гонялся за богатыршей Кольцо с ватажниками, пока не загнали ее к топям. Попытался было Сивка перепрыгнуть через болото, да нехватило силы: ухнул в трясину по уши, сбросив страшную наездницу. Тут ему и конец пришел, засосала тина.

А Полудница, упав с коня, ударилась о дерево и потеряла память. Набросили ей на шею петлю, скрутили руки, подняли и привязали к толстой кондовой сосне.

Очнулась богатырша, открыла глаза. А Иван Кольцо тут как тут.

— Кто ты?

Молчит Полудница, даже не глядит на атамана.

Не стерпело ретивое, рубанул атаман по голове привязанной пленницы тяжелым бердышем.

Пятьдесят человек волокли по лесу труп Полудницы к лодке. Довольный Ермак дивился: «и впрямь, други, баба-богатырь». Велел зарыть ее поглубже и забить в могилу осиновый кол. А Лупейку не потрогал, сказал Кольцу:

— Этот, может, сгодится, по-ихнему разговаривает.

Так и поплыл Лупейка с атаманом-сибирским покорителем в далекую, холодную Сибирь.

В ту ночь ударила грозна. Молнии рассекали небо, ветер бушевал в лесах, гнул могутные деревья, волны ходили по реке.

Шум волн, вой бури, птицы на крыльях разнесли весть о гибели Полудницы и Талгата.

Могила Полудницы совсем близко от Новоселовой.

На небольшом кургане растет большой раскидистый вяз.

А глыба Талгата и до сих пор стоит на берегу Тагила в полкилометре от деревни Бреховой. Скала эта метров сорок высотой, и сохранились на ней непонятные знаки, начертанные ермаковыми ватажниками на высоте семи метров.

Около скалы буйно растет лес. Подует ветер, и деревья оживают, шепчутся, точно повествуют о былом.

Клад Емельяна Пугачева

Озеро Инышко на Южном Урале расположено в окружении восьми маленьких озер. И странное дело, уровень воды в Инышке выше, чем во всех остальных. Хоть бы лежало оно на горе, а то плещется рядом со своими соседями, и вода в нем выше, чем в других озерах. Старожилы Южного Урала рассказывают об удивительном озере Инышке интересные предания. Вот одно из них.

Пришла на Урал весть: появился человек по имени Емельян, по прозвищу Пугачев, который встал на защиту бедного подневольного люда. Заволновались крестьяне, работные люди с заводов. Люди, изголодавшиеся по счастью, по воле, стали уходить к Пугачеву.

Он появился под стенами крепостей Южного Урала вскоре за вестью, которая бежала впереди него. Он сидел на хорошем сером коне в красном кафтане, в бобровой шапке с алым верхом. Вокруг него шло войско, конные, пешие, на телегах — русские, башкиры, казаки, крестьяне, рабочие.

Его встречали по-разному. Коменданты крепостей заставляли пушкарей палить в него из пушек. Но он брал эти крепости, и население встречало его с хлебом-солью.

Крепкую думу задал Пугачев уральским заводчикам. Решили они откупиться от него. Собрали золота две бочки и послали к нему навстречу со своим человеком.

— Великий государь, — сказал посланец, валяясь в ногах у Пугачева и целуя землю. — Не вели нас казнить, вели миловать. Хозяева заводов уральских шлют тебе маленький подарок. Не гневись, прими его.

А Пугачев тогда стоял лагерем у озера Инышки. Было озеро в ту пору, как и все озера.

Отпустил Пугачев посланца заводчика на все четыре стороны и сел на берегу озера. Долго сидел Емельян Пугачев у вод Инышки, потом встал, подошел к воде и кликнул к себе верного дружку Хлопушу и сказал:

— Вели катить на берег озера те две бочки золота.

Бочки скатили. Стоят его друзья вокруг, и неведомо им, что задумал атаман. А Пугачев сказал:

— Не золото то, братцы, а слезы народные. Валите бочки в озеро.

И свалили золото — слезы народные в светлое озеро Инышко. А на-завтра Пугачев повел свое войско выручать работный народ на уральских заводах.

Только с той поры глубже стало озеро, поднялась в нем вода.

Здесь люди пытались клад Пугачева достать. Вздумали они прорыть канаву и выпустить всю воду Инышки, чтоб бочки те с золотом оголились. Однако нет на дне озера никакого золота. Растворилось оно в воде, потому золото то из слез народных собрано было. Вот почему выше всех поднялось озеро Инышко.

Салават

— Алейкум салям! — с таким приветствием в кош старшины аула Ибрагима Ахметова вошел незнакомый человек. Он был среднего роста, в высоких кожаных сапогах.

Поленья под казаном тускло освещали кибитку, и вошедший силился рассмотреть людей. Хозяйка засуетилась у огня, а с нар, покрытых кошмами, поднялся хозяин.

— Гассалам алейкум! Проходи и садись, кунак будешь.

Отряхивая пыль, вошедший ответил:

— Рахмат (спасибо), у меня еще оседланный конь.

— Значит, ты приезжий? Смотрел я на тебя, а признать не сумел, — и, мягко ступая ичигами, старшина вышел.

Сухие поленья вспыхнули и весело затрещали в камине. Молодая хозяйка, не поднимая глаз па чужого, возилась с едой и чаем.

— Хороша твоя лошадь, якши аргамак, — похвалил коня приезжего вошедший Ибрагим. — Садись на нары, русский. Звать тебя как?

— Кондратий Петрович Мосолов. Аль не слышал?

— Как не знать!

Хозяйка поставила перед гостем большую круглую деревянную чашку с мясом. Хозяин засучивал рукава, чтобы попотчевать гостя.

После еды Мосолов разложил перед старшиной подарки: мыло, пахнущее конфетами, плитки кирпичного чая и бутылку вина. Хозяйке и ребятишкам роздал бусы, зеркальцы, сахар, пряники. Откинувшись на пуховики, он задабривал Ибрагима.

— Бери все, друг. Не жалко! Нельзя нам по-соседски в злобе жить.

Так разъезжал Мосолов по Башкирии, знакомясь с богатыми баями, старшинами аулов, родовой знатью. Для всех у него находились подарки: то конь арабской крови, то крепкий чай, то сладости и побрякушки. Дивились в аулах:

— Что нюхает? Недоброе идет с ним. Зорко смотрите, степные люди!

Вскоре объявилась нужда, за которой приезжал в аулы Кондратий Петрович. Он собрал старшин и сказал:

— Давно я живу в вашей стороне, на горах Каменного пояса. Земля ваша — по душе мне. Народ ваш — хороший народ: мирный, вольный, свар не любит. Я сыном вашей земли стал. Ее законы — мои законы. Хочу крепко стоять на вашей земле.

Старшины заволновались:

— Землю покупать...

— Леса рубить!

Мосолов успокоил:

— Да нет же! Не надо мне много вашей земли. Мне клочок нужен. А чтобы вы верили, что совсем мало мне ее надобно, скажу вам: столько, чтоб я один на ней встать обеими ногами смог. Ну, вот с эту шкуру.

Мосолов подошел к стене, снял с шеста свежую шкуру барана и поднял над головой.

— Вот и вся земля!

Опустил шкуру приказчик и видит руки в крови. Бросил ее на пол, принес большой лист бумаги, расстелил на ней шкуру и обвел углем.

— Вот и вся земля! Что, много?

Задал старшинам задачу Кондратий Петрович и сам вышел. Толкуйте, мол, промеж себя.

Осмотрели старшины бумагу, похожую на шкуру барана, прощупали, десятки раз примерили на ней шкуру.

— Хорошие бы штаны вышли, — сказал один старшина, ощупывая скользкую, просвечивающую бумагу.

— А зачем ему столько земли, что он сделает на ней? — спрашивает другой.

— А если больше не продают? — вмешался Ибрагим. — А он человек упорный. Хоть мала-мала, а купит. Не у нас — у других купит. В город приедет, хвалиться будет. Пусть хвалится, мы видим, сколько продаем.

Ибрагим Ахметов первый поставил на бумаге-шкуре, отпечаток своего большого пальца правой руки, за ним потянулись остальные. Так и остался отпечаток шкуры на бумаге, со всех сторон обрамленный «подписями» старшин.

Чудак этот урус! Земли с баранью шкуру купил!

Но Кондратий Петрович был не чудак. В Уфе, в канцелярии губернатора, он предъявил шкуру, испещренную линиями дорог, рек, с обозначением селений, лесов, степей. В шкуру вошли все земли, подписи старшин которых скрепили сделку. Шкура вытянулась в длину и в ширину, захватив многие сотни богатых, плодородных земель.

Скоро предприимчивый Мосолов построил завод в башкирской тайге, согнал туда охрану, построил дом и поселился в нем. Немало аулов стало зависеть от него. Хитростью и силой сгонял он на заводы дешевую рабочую силу.

Пробовали жаловаться. Губернатор накричал на ходоков и выгнал.

Лето 1771 года. Юлаев аул. У старшины Юлаева собрались гости из соседних селений. Перед гостями чашки, на столе турсук с кумысом, в котле баранина. Но почему пустыми остаются чашки, или прокис у хозяина кумыс? Почему руки не тянутся к котлу? Гости ведут беседу, забывая о пище. Разговор дороже

крепкого кумыса и бараньего жира.

— Чего же мы ждем! — говорил Юлаев. — Волки грызут наши стада баранты, губят табуны кобылиц. Скоро выгонят нас со своей земли. Мосоль обманул умнейших мужей наших аулов, и нет теперь у нас воли.

— Какая это воля на чужой земле!

— Приезжий чиновник из Оренбурга говорил: все сделано по закону и трогать Мосоля нельзя.

— Где же тот батыр, что поведет башкирский народ за собой сражаться за волю и землю?

В кош вбежал молодой джигит: он был невысок, но строен. На смуглом лице горели смелые глаза, над тонкими губами пробивались, черные усы.

— Что хочешь ты слушать на беседе старейших, Салават? — спросил сына Юлаев.

Салават вызвал отца, и вскоре старшина вернулся в кош один.

— Сын мой узнал, что гонец помчался к Мосолю рассказать о нашей беседе.

— Быть беде! Аллах да поможет нам.

— Аллах не поможет. Немало среди нас таких, кому недорого счастье народа. Не бойтесь, мой сын Салават умеет стрелять из лука. Его стрела не пролетит мимо.

Салават птицей летел вдогонку гонцу. Быстроногий аргамак его неся, как ветер. Через час за третьим увалом гор джигит увидел всадника, поднимавшегося в гору. Руки рванулись к колчану; он вытащил одну из лучших, подаренных ему дедом, стрел и натянул тугую тетиву дедовского лука. Невидимая стрела умчалась к всаднику. Гонец упал; Салават повернул коня.

Скоро не только в Башкирии, но и далеко за ее пределами узнали о джигите Салавате Юлаеве. О силе, храбрости и доброте Салавата стали ходить в народе легенды. Добрым словом отзывались о нем в родных землях. А он, видя страдания и притеснения своего народа, часто уезжал в дальние края искать правду. Он

побывал у яицких казаков, был в Оренбурге. И всюду, где бы ни прошел его конь, видел Салават горе и слезы народа. Счастливой земли так и не находилось. Всюду видел он истощенные налогами и кабальным трудом деревни, аулы, аймаки, станицы.

Но не везде народ покорно сносил гнет. То тут, то там вспыхивали восстания: восстали яицкие казаки, жгли усадьбы помещиков крестьяне, убивали лютых приказчиков приписные рабочие у заводчиков. Особенно роптали на Яике.

Случай свел Салавата с двумя казаками, бежавшими из родных мест. В тайном разговоре сказывали они ему, что не далек день, когда на Яике встанет народ и пойдет силой добывать себе волю. Особенно запомнил Салават одного из них: черного, волосатого, дикого, как необъезженный конь степной. Его звали Хлопушей.

— И чего вы смотрите на своих кровопийцев? — говорил Юлаеву Хлопуша. — Эвон как они вас со шкурой-то обманули. Решить их надо, Салаватка, жизни решить! Верно, Емеля?

— И впрямь, Салават, — отозвался чернобородый казак, с быстрыми, как огонь, глазами. — И с той стороны зачать надобно. Великую службу народу сослужишь этим.

— Езжай, Салаватка, в аулы, и зачинайте зорить обидчиков своих, — напутствовал Хлопуша. — Скоро на Яике подымется народ, а он... — Хлопуша кивнул в сторону чернобородого, — он поможет.

Они разошлись. Салават отправился в Башкирию, а казаки тайно, обходом проникли на Яик.

Салават подъехал к Юрезани. Он выбрал удобное место для ночлега, расседлал коня и запалил костер. Ночь была тихая и темная. С противоположного берега иногда доносился хrust валежа.

Вдруг с перебора донесся протяжный, отчаянный крик. Прибрежные скалы гулко повторили его:

— А-а! Спа-си-те!

Салават вскочил на ноги. Крик повторился, но глуше и короче.

Как кошка, бросился джигит сквозь кусты на зов. Выбежав к перебору, он услышал всплески и фыркание. Салават сбросил с себя верхнюю одежду, сапоги, шапку, кривую саблю и бросился в холодную воду Юрезани.

С тяжелой ношей возвратился Салават к костру, положил человека к огню и подбросил сухих сучьев. Огонь взметнулся, осветив фигуру лежащего на земле. То был Хлопуша. Обрадованный встречей, Салават принялся растирать могучее тело казака. Вскоре Хлопуша отошел и еле-еле проговорил:

— Я думал конец... Спасибо, брат. — Он замолчал и снова тихо заговорил: — Каторга не сгубила, кандалы и плети перетерпел, а тут вишь... Думал брод.

Хлопуша открыл глаза:

— Салаватка! Ты ли? Вот те и на. Дай-ка поцелую за душу твою, без тебя конец был бы.

Они крепко расцеловались. Лицо у Хлопуши было бледное, его бил озноб.

Салават подал бешмет.

— Спасибо, брат, — поблагодарил казак. — Не чаял выбраться.

— Как ты закричал, я сразу узнал голос.

— Грех нам не узнать друг друга. Товарищочки ведь. Куда путь держишь?

— В аул надо, народ поднимать надо.

— А не врешь?

— Зачем? Правду говорим. А ты куда идешь?

Вместо ответа Хлопуша обнял его еще раз, помолчал и сказал:

— К тебе шел.

— Пошто?

— На Яике народ поднялся. Вам надо, — веселее будет.

— А товарищ твой где?

— Вот он головой всему и будет. Пугачев он!

— Отдохнешь, — назад пойдешь, Хлопуш. Башкирский народ вам поможет.

Восстание давно созрело. Не было только искры, которая упала бы в сердца людей и зажгла пожарище народного гнева.

Салават понимал, что сейчас рано поднимать весь народ. Яицкое восстание не разрослось, не перекинулось на Урал. Башкирцев могли легко разбить, окажись они в голове восстания, ближе всего к крепостям. Поэтому Салават ограничился тем, что отобрал пока сотню удалых джигитов и кинулся с ними в родные башкирские леса и горы.

Юрезань в этом месте круто поворачивает к востоку. В стороне от поселка стоит высокая усадьба Мосолова.

Отряд Салавата ночью подошел к воротам. Залаяли собаки.

— Кого бог послал? — слышался заспанный голос сторожа.

— Гонец к хозяину, пакет привез из аула. Дома?

Засов звякнул, и ворота распахнулись...

В темной спальне слышался храп. Принесли огня.

— Эй, Мосаль, вставай, — крикнул Салават.

— Кто? Кто тут? — испуганно закричал Мосолов.

— Гости к тебе, должник ты наш за баранью шкуру.

Блеснули сабли, и Кондратий Петрович не успел ничего ответить.

— Зажигай, яндыр, — распорядился Салават и кинулся вон.

Это было только начало. Яицкое восстание разгоралось. Родина Салавата волновалась, как море: вот-вот хлестнет через край. Наконец, момент наступил.

В аул приехал важный чиновник и объявил о мобилизации: для подавления восстания Емельяна Пугачева нужны были солдаты. Родной аул Юлаева был объявлен местом сбора всей округи. И вот помчались в аул Юлаев тысячи джигитов на лихих конях. Удивился чиновник: «Какой исполнительный народ!»

А когда собралось грозное десятитысячное войско, вышел из толпы джигитов Салават и сказал, куда нужно итти.

И привел он все это войско к Пугачеву и сказал:

— Падша! Я привел тебе десять тысяч людей. Возьми нас к себе на службу. До последней силы будем драться мы за счастье народа. Это говорю я, Салават сын Юлаев!

Пугач-падша поцеловал его и ответил:

— Ин будь по-твоему, удалой батыр. За это спасибо башкирскому народу. Пусть живет он вольно и владеет всей своей землей, горами, лесами, пашнями.

И еще раз обнял и поцеловал Пугачев батыра Салавата.

Глава вторая

СЕДОЙ УРАЛ

Чудо-камень

(Уральский сказ)

Александрит — камень замечательный по своей способности менять цвет.

(Из минералогии)

Был Миклуша в розысках уже седьмой день, но путного ничего не находил. Служил он горщиком на «шлифовальной мельнице» — драгоценные камни огранивал.

Захватил камень его душу, ни о чем и думать не хочет больше. Все у него в глазах камни плывут, гранями своими, как чешуя рыб, поблескивают. Много их пересмотрел Миклуша, много огранил самоцветов, а для огранки сам подыскивал. Отпускали его с «гранилки» для розысков. Верили — никуда не денется: «К камню здорово привязан парень».

Ночь совсем наступила, когда подошел парень к темному лесу.

«Дальше итти не надобно, мало ли в лесу зверя водится. Да и спутаться не мудрено», — подумал Миклуша.

Высек из кремня огонь, подбавил хворосту. Затрещали сучья, разгорелись ярким пламенем. Миклуша бока обогреву подставлял стал.

«Еще хворосту соберу, чтоб на всю ночь», — подумал он и пошел в лес.

Наклонился охапку сучьев взять, да вдруг отшатнулся и выронил валеж. Смотрит: огонек светится, маленький такой, а цвета яркокрасного. «Возьми, дескать, чего боишься». Протянул руку горщик — померк свет, словно и не бывало. Отпрянул — опять горит.

— Что за оказия?

Ухитрился, наконец. Цап! Есть что-то в руках. Подошел к костру, присмотрелся и обомлел. Лежит на ладони камень, малиново-красным светом отсвечивает. Словно изнутри лучи испускает.

Подивился Миклуша камню чудесному. Много через его руки прошло изумрудов разных, тумпасов дымчатых, золотисто-зеленых демантоидов и других самоцветов, но такого камня он в жизни не видал, даже в разговорах не слыхивал.

Вынул Миклуша небольшой мешочек, опустил в него камень, запрятал за пазуху, прилег к костру. Заснуть хотел, куда там. Камень все припоминается, засел в голове. Невиданный, огнем ярким горит.

Засияла на небе самоцветом заря, и в путь нужно трогаться. Подвязал Миклуша потуже лапти и зашагал. Место, где камень чудной нашел, хорошо приметил.

Идет по лесу, с пичужками свистом перекликается. Родничок повстречался. Напился холодной водицы и дальше пошагал. К полудню был у города, прошел по запутанным улицам, пересек «плотинку» и вышел к «шлифовальной мельнице».

Мастера высыпали навстречу.

— А-а, Миклуша!

— Как пособирал камушек?

— Чего хорошенького принес?

Вытащил Миклуша мешочек, вынул из него камешок и ахнул. Некрасивый камень оказался. Слабозеленый, как закудышный «берильчик». Засмеялись горщики, затряслись смехом.

Растолкав всех, вышел приказчик Отьясов.

— Покажи, что принес, — обратился он к Миклуше. — Только один камень? И тот дрянь. Э-эх! Если еще так камни будешь сыскивать, не пущу в развед.

Миклуша обиделся:

— Чего рты развесили, — говорит, — не знаете, какой он есть, камень-то.

А про себя подумал:

«Может, обманулся, в темноте, не разглядевши, не тот камень взял?»

Ушел он к себе в избу.

Ну, раньше известно какие жилища были у бедных людей: окошечки маленькие, а вместо стекол слюду прозрачную вставляли. Зажег Миклуша свечу, поставил самодельный станок. Захотелось парню из упрямства доказать старикам, что даже плохой камень в искусной огранке хорошо выглядит. Вытащил он из мешочка «камешек», поднес к свечке, а тот как полыхнет ярким светом, Миклуша даже глаза зажмурил.

— Вот так да!

Понял тут парень, что взаправду этот камень «чудодейственный», коль он только при свече поблескивает, горит красным светом.

Сел поудобнее Миклуша к станку. Прилепил камень сургучом к заостренной палочке и поднес к свинцовому диску, натертому серым порошком. Повернул ручку, на камне осталась грань, и из гладкой поверхности ее брызнули ослепительные лучи.

— Ну и камень! — вслух воскликнул Миклуша и еще усерднее принялся за работу.

В ту пору приказчик Отьясов проходил мимо избы Миклуши. Глядит — свет горит у горщика в час неурочный, да так ярко, как любая свечка не светится. Вошел Отьясов в избу, видит: сидит Миклуша за станком, камень огранивает, а тот светит малиново-красным светом да фисташковым отливает. Отьясова в жар даже бросило.

— У, — говорит, — где такой камень нашел? Зачем скрывал?

— Не скрывал я, — рассказывает Миклуша, — показывал камешек, надо мной насмеялись. А теперь, не увидишь ты его, как своих ушей. Полюбился мне чудо-камень, как девушка красная. Не выпрашивай его, убирайся.

Побагровел Отьясов.

— Отдай чудо-камень! Хоть как, да возьму его...

Рассердился тут Миклуша, схватил приказчика за шиворот, да и вытряхнул из избы так, что тот покатился клубочком...

Наутро приходит Миклуша на «гранку». Все идет хорошо, ровно с Отьясовым у него ничего и не было. Приказчик вида не подает.

— Садись, — говорит он Миклуше, — огранивай камушки. Самоцветы у Иваныча возьми, коли надо.

Миклуша взял себе изумрудец и оттачивает. Только все камни ему не нравятся, как припомнит он свой запрятанный. Сидит парень, уныло смотрит: грани привычно ложатся. Вдруг приказчик к его уху нагибается.

— Продай мне чудо-камень, — шепчет, — деньги большие дам.

Рассердился Миклуша:

— Сказал — не продам! Бесценный он, камень-то. Дорог сердцу моему.

Загорелись в глазах у Отьясова холодные огоньки и потухли.

— Ну, как хочешь, — говорит, — потом только не пожалей.

С тех пор и разговору у них не было о чудо-камне. Только выходит однажды Миклуша из избы. Открыл дверь, глядит: рубашка белая мелькает. Признал он слугу Отьясова Тишку.

Миклуша на это внимания не обратил. Одна думка засела в голове: как бы опять чудо-камень выискать.

Пошел как-то Миклуша в ночной развед и выискал снова «камень чудодейственный». Ночью огнем горит, а днем плохонький, зелененького цвета. Как глаза кошки изменяется.

Взял Миклуша для огранки три камня таких. Два маленьких с булавочную головку, а один большой, как яблоко.

Принес Миклуша их домой, стал обрабатывать. Маленькие совсем трудно поддавались огранке, все же ухитрился парень — нанес семнадцать граней. Положил перед собой камни, разглядывает, любитесь. Вдруг постучались. Встал Миклуша, подошел к двери, прислушался.

Слышит голос приказчика Отьясова.

«Не с добрым намерением он ко мне пришел», — подумал горщик и стал прятать свои «чудодейственные камни»: два маленьких за щеку, а большой некуда девать... В избу уж ломаются, заклад сорвали...

Увидел Миклуша вспотевшее лицо Отьясова, за которым Тишка да одноглазый Стип, и понял, зачем тогда Тишка у его избы околачивался. Подслушивал.

— Чего поделываешь, Миклуша? — обратился приказчик, — самоцветы прячешь?

Миклуша молчит.

— Прячет, прячет, — визгливо запищал Тишка, — вон в руках-то чего держит. Поглядите-с.

Отьясов наморщил лоб.

— Где чудо-камень нашел, дурак?

— Не находил я ничего...

— Врешь! — заорал Отьясов. — Это что? — и указал на руку, из которой между пальцами шли лучи.

Миклуша молчал.

— Самоцветы от казны утаиваешь! — не переставал приказчик.

— А сам ты от казны не утаиваешь камни-то? Что получше — себе в шкатулочку, а потом продаешь, — не вытерпел Миклуша.

Отъясов побагровел.

— Дай сюда чудо-камень!

Попробовали разжать руку Миклуши, насели Тишка и одноглазый Стип. Подняли и чем-то тяжелым по голове стукнули...

Очнулся Миклуша в подвале. Темнота кругом. Только из решетчатого отверстия полоска света идет.

Зазвенели ключи за стеною.

Вошел Отъясов с подручными.

— Ну, как, Миклуша, темненько? Ха-ха-ха! Посиди, посиди, авось опосля самоцветы не будешь скрывать, — хрипел Стип.

Отъясов к Миклуше подошел вплотную.

— Открой место, где чудо-камень нашел, и мы тебя выпустим.

— Убирайся отсюда, — закричал Миклуша, — Убирайся!

Разгневался Отъясов, и на другой день погнали Миклушу, закованного, в Березовск, на каторжные работы. С тех пор ничего и не знают о нем...

А с Отъясовым после этого вот какая история приключилась.

Прибрал он чудо-камень и захотел перепродать какому-нибудь иностранцу, коих много шаталось по Уралу, за огромную цену. Заключил сделку, а в это время наехала нежданно-негаданно проверочная комиссия. Зашли государственные люди на «шлифовальную мельницу».

Отъясов, хоть и припрятал все, да ненадежно. Обнаружил один из чиновников в стене бугор, пощупал, рванул, штукатурка посыпалась, а оттуда бочок шкатулки искусной работы виднеется. Достали ее, открыли и удивились. В шкатулке изумруд, чуть не в ладонь, демантоиды огромных размеров, о хрусталях и говорить не приходится и еще множество камней ограненных...

Схватили Отъясова и отправили в черной карете под стражей с оголенными шашками в Петербург.

Комиссия пробыла недолго в городе. Забрав уворованные Отъясовым самоцветы, направилась в столицу, а там сдала в царскую казну отобранные камни.

Только государственные-то люди тоже были нечестны. Выкрал один чиновник чудо-камень, да несколько изумрудов, а потом продал иностранцам.

Увезли они чудо-самоцвет далеко-далеко, в город и положили в самый главный музей.

Лежит там, говорят, теперь чудо-камень, иностранцы удивляются: «Хорошо камень огранен, уральской грани».

А ночью, когда уйдут все из музея, чудо-камень малиново-красным огнем зажигается. И если смотреть прямо в точку, где выходят лучи, можно увидеть улыбающееся лицо Миклуши.

Богатик

«И будет ли на свете такой богатырь, который соткал бы одну ленту из сибирских рек и опоясал ею землю».

Слова древнего уральского сказа

Давным-давно это было. В то время места наши глухие, звериные были. Жили в них орды татарские, беспокойные. Ходили полчищами да дрались друг с другом.

Жили три брата. Были они князьями своих родов. У каждого была своя сила военная, несметная, и все они были храбрыми да воистыми.

Старшего брата звали Салтысарек, второго — Першин, а третьего — Ниап.

Вот раз напала на них вражья сила несметная таких же ордынцев, как и они.

Долго шла кровопролитная резня. Шибко бились братья, каждый на своем поле ратном; бились до последнего воина, не уступая врагу. Но враг был сильнее, и победа осталась за ним.

Первым убили Салтысарека, остатки его рати разбежались. Потом убили второго брата Першина, а третий брат Ниап убежал в тайгу Боровлянскую и там долго скрывался; но враги следили за ним, нашли и утопили в лесной речке. Она и получила его имя — Ниап.

У Першина был зять Тебеняк. Он сражался вместе со своим тестем и погиб с ним от вражьей руки.

Остатки верных воинов похоронили Першина и на могиле его насыпали большой холм. Холм стал называться Першинским. Зять Тебеняка похоронили на берегу реки.

Вот и пошли названия: озеро Салтысарекское (ныне Салтосарайское) и село того же названия, бугор Першинский и село Першино, речка Тебеняк и лесная речка Ниап (обе они принадлежат к системе реки Оби).

Ордынцы-победители разграбили селения побежденных и ушли, а остатки разбитых, войск поселились около речек. Где семья, где две, и так жили одиноко, по-полевому, и никто о них ничего не знал.

Однажды пришел в этот край русский донской казак Ермак Тимофеевич со своими товарищами-казаками, завоевал этот край сибирский и подарил его русскому царю. А царь за это простил Ермаку бунты, подарил атаману шубу с плеча своего и кольчугу железную.

Сибирь мало-помалу стала входить в русское-царство, но русские люди не сразу пошли на жительство в просторную, таежную глушь Зауралья.

И жили в таежной стороне только звери да птицы, да ветер гулял по лесным чащобам, шумел в них неумолчно. А сколько тут было простору — никто не измерял и не считал. А сколько тут было гор и рек —

никто не видал. И если бы нашелся какой смельчак, так тут и потерялся бы, заблудился. Ох, и страшно было попасть за Урал!

В ту пору пошла молва о Першинском кургане, что в нем, мол, великий клад зарыт и что надо большим умельцем быть — тогда тот клад добудешь.

Кое-где в глухих деревушках были «особые» люди знахари-шаманы. Они «водились» с «нечистой силой», она-то и открывала им все тайны и клады всякие.

Много смелых людей приходили к шаманам, получали от них наставления о взятии кладов за богатые подарки. На Першинском кургане появилось много ям-раскопок, но клад никому не давался в руки.

В числе первых жителей поселка Першино был одинокий детина Пантелей.

Жил он в маленькой хатке, от всех сторонился. Говорили, что он с нечистой силой водится.

Не раз видели люди Пантелея у Першинского кургана. А Пантелей решил попытать свое счастье — поискать клад в Першинском кургане.

Вот на Иванов день в полночь Пантелей зашел на вершину кургана. Ночь эта бывает темная-темная, как слепота, и только в эту ночь даются клады. Пантелей расстегнул ворот рубашки, встал спиной к северу и начал копать железной лопатой смело и уверенно.

Вдруг слышит Пантелей позади себя сильный лошадиный топот, как будто прямо на него бежит табун лошадей. А обернуться или посторониться нельзя — клад уйдет. Пантелей копает и копает.

Топот стих, но поднялся сильный шум от порывов ветра. Еле держится на ногах Пантелей, но копать не перестает... Затих и ветер.

Вдруг затрясся весь курган... Чуть не упал Пантелей. И не успел опомниться, как ослепило его

огненным светом, вырвавшимся из ямы, которую он копал. Лопата выпала из рук Пантелея, и он стоял весь в пламени. Из пламенного свет перешел в белоснежный, и тут из ямы тихо-тихо выкатилась золотая карета. В ней сидела девушка с распущенными волосами. В тот миг Пантелей должен был схватить руками карету и крикнуть «чур моя!» Но Пантелей стоял, как зачарованный, и не схватил, и не крикнул: не мог глаз оторвать от девушки.

Карета момент как бы помедлила уходить, и девушка смотрела на Пантелея, словно ждала, но потом карета покатила по склону кургана вниз быстро-быстро и скрылась вдали.

А свет от нее шел, как от солнца, и слепил Пантелею глаза. Когда все видение кончилось, Пантелей сказал громко: «Ушло мое счастье!»

И стоял Пантелей на вершине кургана до самого рассвета.

Потом сошел с кургана и увидел след золотой кареты. След этот превратился в речку, и люди назвали ее Богатик, так как в ней скрылось золотое богатство, которое упустил Пантелей.

Прошли годы. Поселок Першино увеличился. Першинский курган уменьшился.

Пантелей превратился в седого старика, но клада забыть не мог. Он часто ходил на Богатик, купался в нем, удил рыбу и все думал, как бы вернуть клад.

Раз пошел Пантелей с железной лопатой, может быть, с той самой, с которой был тогда на кургане, и стал копать берег Богатика. И к великому удивлению своему нашел тут краски: желтую, бурую и черную.

Скоро узнали все першинцы и стали копать эти краски в Богатике.

Тайна булата

В 30-х годах прошлого столетия появился в Златоусте молодой инженер горных дел Аносов. Инженер обратил на себя внимание горожан упорным любопытством к старым саблям азиатской поделки.

Хорошо зная башкирский язык, он бродил по окрестным башкирским селениям, разыскивая клинки, покупал их и долго рассматривал. Горные инженеры, глядя на него, пожимали плечами:

— Зачем тебе, Павел Петрович, старые клинки? — удивлялись они.

Аносов отмалчивался. Только с самыми близкими друзьями он бывал иногда откровенен.

— Посмотрите на этот клинок, — говорил он, показывая на узорчатый булат. — Как новенький, а ему, самое малое, лет двести. Быть может, сабля эта не раз обагрялась кровью, сшибалась с другими клинками, но осталась нетронутой. Твердость таких клинков мало с чем можно сравнить. А сделан он втайне. И родину его едва ли удастся кому узнать. Это секрет. Потому-то и ценятся такие клинки на вес золота. А что если у нас бы открыть секрет производства дамасских булатов? Как бы прославился этим Златоуст?

— Пожалуй, дело это и хорошее! — соглашались друзья, — только вряд ли что выйдет.

— Почему же не выйдет? — горячился Аносов, — Разве наш оружейный завод работает плохо? Разве он не один из лучших в России? Только бы узнать, как изготавливается булатная сталь, а приготовить ее сумеем. Я сделаю все, что могу, для открытия тайны булата, которая скрыта где-нибудь в Азии.

— Ну что ж, если так, ищи секрет, в случае чего поможем.

И Аносов искал, но поиски его не дали результата. Он только убедился, что настоящего дамасского клинка он даже не приобрел.

Как узнать секрет? Как сделать клинок из стали настолько твердым, чтобы он не уступал своим «заморским» собратьям?

Прошел год. Тайна оставалась тайной. Но вот однажды, возвращаясь с завода, инженер увидел идущего навстречу башкирина. Поровнявшись с Аносовым, башкирин остановился, заглянул ему в лицо и тихо заговорил:

— Это ты собираешь старые сабли? Есть ли у тебя еще такая?

Незнакомец поднял край азяма, Аносов обомлел: небольшой клинок, переливаясь всеми цветами, ярко блестел на солнце, узор великолепной художественной вырезки украшал булатную сталь, ручка была сплетена сложным рисунком из золотых и серебряных прутьев. Очнувшись от оцепенения, Аносов крикнул:

— За сколько отдашь?

— Сто рублей и слово твое.

— Получай деньги, — заторопился инженер, протягивая руку к клинку.

— погоди, русский, — остановил продавец булата. — Дороже денег мне честь этой сабли. Обещай никогда не обернуть ее против бедного народа? Смотри, держись слова. Сабля эта была в руках Салавата батыра. Храни ее, честь.

«Все в этом крае овеяно легендами и тайнами», — думал счастливый Аносов, торопясь домой.

Дома еще раз осмотрел клинок. Да! Это был настоящий дамасский булат. Все собранные им сабли казались жалкими по сравнению с этой. Он подбежал к стене, схватил из коллекции самый лучший клинок и рубанул булат. Сабля со звоном переломилась на лезвии вновь купленного клинка.

Где достал башкирин этот клинок? Может быть, он знает историю его? Тогда можно попытаться раскрыть секрет изготовления булата. Аносов побежал к месту покупки, но там уже никого не было.

Утром разнеслась весть, что инженер куда-то уехал и, повидимому, надолго.

Аносов поехал в Башкирию разыскивать таинственного хозяина булата. Долго он кочевал по селениям Башкирии, расспрашивая стариков о чужеземных саблях, но своего знакомого так и не находил.

И вдруг в одной из маленьких деревень был остановлен самим башкирином.

— Признал? — спросил, блеснув глазами, башкирин.

— Я у тебя купил клинок?

— Верно, — сказал башкирин. — Идем ко мне в дом. Ночь проведешь спокойно. Холодно не будет. Пойдешь?

— Идем. Как зовут тебя?

— Юлым Алиев.

Дома у Юлыма за кумысом Аносов спросил:

— Послушай, где достал ты саблю, которую мне продал?

— Она досталась мне от отца, — ответил Юлым. — Этой саблей гордился отец. Клинок дал ему за храбрость Салават Юлаев. А батыру прислали его в подарок из Киргизии. Дорогая эта сабля. Куплена она где-то далеко за табун лошадей в восемьдесят голов. Я никогда не продал бы саблю, если бы не нужда. Ты береги ее. Она давно и хорошо служит башкирскому народу.

За-полночь длилась беседа, а наутро два всадника покинули деревню.

Долго путешествовали они в поисках хотя бы смутных вестей о булате. Но обширные башкирские долины, киргизские сырты, дремучие леса и скалистые горы цепко держали тайну булата.

Ни с чем вернулся в Златоуст Аносов, но неудача не поколебала его. Напротив, поиски увлекли еще сильнее. Отдохнув, он снова отправился в путешествие.

Тянулись годы. Под видом то купца, то нищего, Аносов пробрался в Афганистан, Хиву, Бухару.

Наконец, в одной из поездок ему как будто повезло. Радостный ехал он рядом с Юлым на тонконогом иноходце в Златоуст. В рукаве куртки был плотно зашит небольшой клочок бумаги, на котором, шифрованными знаками была записана шихта и температура плавки заветной булатной стали.

На второй день приезда в Златоуст Аносов принялся за работу. Созвав своих помощников и взяв с них клятву молчания, он рассказал им рецепт изготовления твердой стали. Несколько дней плавил они сталь по добытому рецепту. С нетерпением ждал инженер исхода плавки. А когда выплавили первый клинок, ему пришлось горько разочароваться. Правда, сталь, из которой слили клинок, была хороша, но все же это

была не булатная сталь. Выплавленный в лаборатории клинок перерубал лишь шерсть, тогда как настоящий булат легко перерубал тончайший газовый платок. Огорченный стоял Аносов у пробных станков, потом посмотрел еще раз на неудавшийся клинок и медленно побрел из лаборатории...

С этих пор Павла Петровича Аносова в Златоусте долго не видели. В башкирских селениях рассказывали, что он, захватив с собою нового проводника, скрылся неизвестно куда.

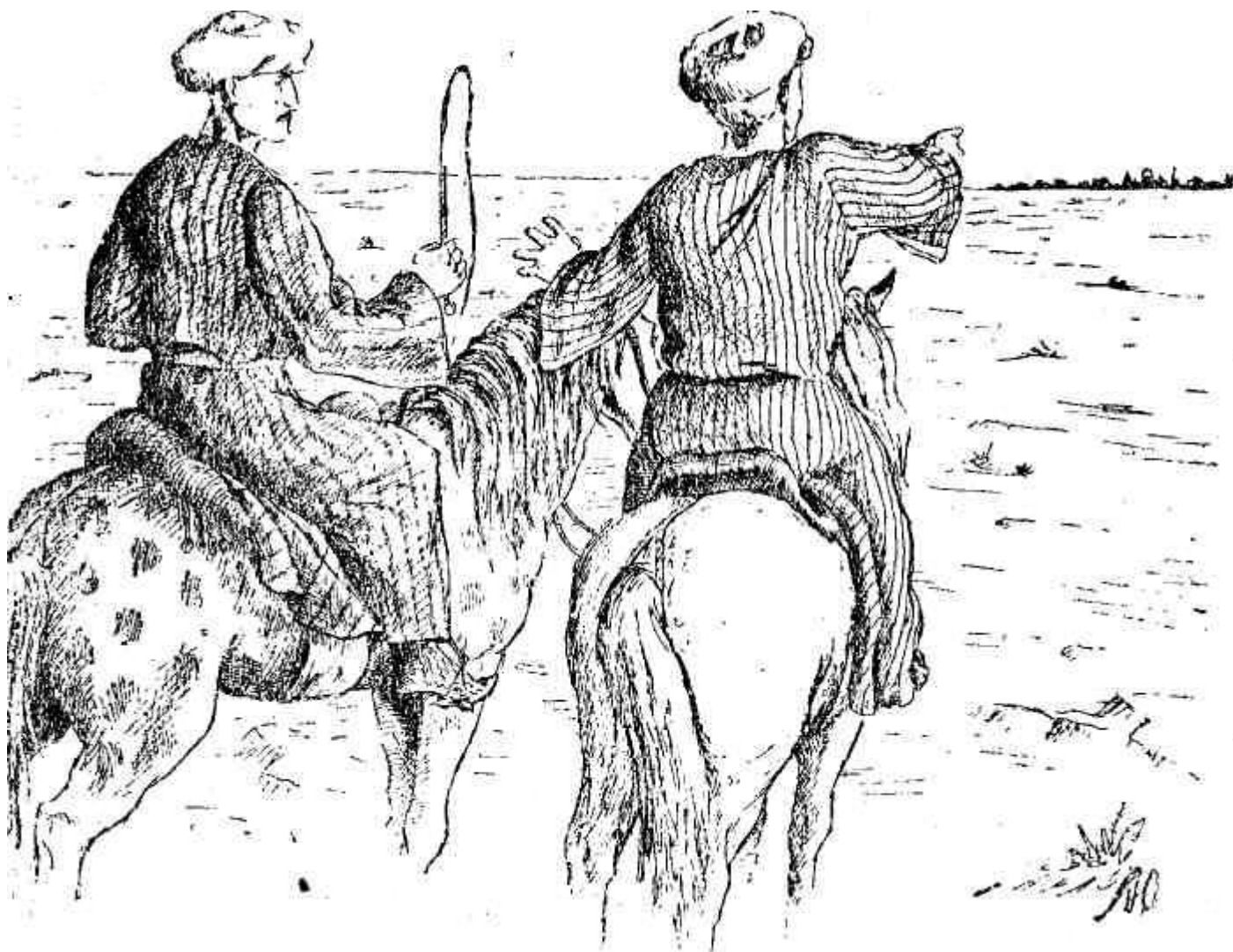
А Аносов опять поехал искать, казалось, неуловимую тайну. С трудом пробрался он в Персию, а оттуда, переодевшись арабом, в Дамаск — сердце жаркой Аравии.

После долгих скитаний путники очутились в сирийской пустыне. Каменистая равнина простиралась перед ними. Аносов ехал со своим проводником Мослемом аль-Шари на гнедой арабской лошадке.

— Что это такое? — спросил Аносов у проводника, указывая на черную полосу на горизонте.

— Эль-Шабл, — ответил Мослем аль-Шари.

— Дамаск! — встрепнулся Аносов.

Они прибавили ходу.

Появились первые укрепления: дамаский оазис дает себя знать за несколько километров. Глаза, утомленные однообразием пустыни, отдыхают на яркой зелени садов. Но сады сменяются каменными стенами, узкими, извилистыми улицами.

«Так вот где прячут секрет булата!» — думал Аносов, молча следуя за проводником.

В тесном грязном переулке проводник остановил его перед каким-то домом и постучал. Высунулось лицо хозяина с узкими глазами и смоляно-черной бородой. Увидев проводника, он выкатил большие глаза.

— Мослем аль-Шари!?

Когда Мослем привел путешественника в комнату с гладкими стенами, Аносов сказал:

— Спасибо, Мослем! Тебя порекомендовал мне Юлым, и ты оправдал мое доверие. Мы в Дамаске! Теперь-то мы отыщем этот секрет! Знаешь ли ты, где тут рынок?

— Знаю, торговать сюда ходил с караваном купца. Хозяин наш поможет, он друг мне.

— А продают здесь сабли?

— Их, много на дамасском рынке, но самые лучшие привозят только весной.

Аносов подумал, потом сказал:

— Ладно, я буду ждать до весны. Укажи мне, где находится рынок.

— Мы пойдем туда, как только небосклон покроется звездами.

Мослем не представлял точно, зачем Аносову нужны клинки, зачем он поехал за ними в Эль-Шабл, когда булат можно купить у кочующих афганцев, киргизов, тюрков. Когда-то эти клинки ценились очень дорого; их обменивали на табуны аргамаков, на сотни рабов, на драгоценные камни. Но сейчас клинки потеряли цену, и за ними не нужно было ходить в знойную пустыню. Впрочем, Мослему было все равно. Ему поручил верно служить Аносову его лучший друг — Юлым. Мослем был проводником на Востоке, он умел говорить по-русски, еще с отцом побывал в Итиле (Астрахань), Саркуле, Киеве. Мослем одинаково знал и любил арабский и русский языки. С Аносовым он подружился быстро, видя, что тот был добрым человеком.

— Скажи, Мослем, сейчас не поздно на рынок? — торопил Аносов.

— Идем, эффенди.

Они вышли на улицу. Солнце шло на закат. Всюду зеленели высокие стройные пальмы. Улицы стали шире. Появились красивые дома, украшенные чудесной мозаикой, куполообразные мечети, башни минаретов.

«Дамаск — город арабского искусства. Отсюда были когда-то взяты знаменитые художники, чтобы украсить столицу хромоногого Тимура — завоевателя Средней Азии», — вспомнил Аносов.

Мослем шел, увлекая за собой инженера, в центр аравийского города. Послышались крики рынка, Мослем пошел медленнее и предупредил Аносова, чтобы тот не произносил ни слова.

Крики усиливались. Вот и рынок. Пестрая толпа людей в длинных белых одеждах кричала и жестикулировала. Спокойные верблюды, нагруженные тюками, возвышались над толпой. Ржание лошадей, рев ишаков, громкие выкрики торговцев слились в сплошной гул. Аносову предлагали различные товары: на прилавках лежали яркие ковры, эмалированное стекло, яркие и цветные ткани, резное дерево, искусно сделанные кувшины из глины с золоченой отделкой и, наконец, клинки. Забыв всякую осторожность, Аносов кинулся осматривать их. Трещинка на стали, ссадинка на лезвии, отделка — ничто не укрывалось от его внимательных глаз. Но среди клинков и ножей он не находил настоящих булатов. Все стальные изделия имели коленчатый, полосчатый или простой с розочками узор. Узор на изделиях получался сам собой и свидетельствовал о том, что это был «сварочный дамаск», а не литой булат. Три раза прошли они по рынку, и Аносов не нашел булата.

— Правильно ты сказал, Мослем. Булат придется ждать до весны.

В томительном однообразии ждал Аносов желанного времени.

— Откуда привозят булаты? — спросил он как-то Мослема.

— Не знаю. Молва говорит, что их везут от берегов Инда.

Больше Аносов ничего не узнал. Он осваивался с нравами и обычаями местного населения и скоро довольно хорошо говорил по-арабски.

Весной появились новые поставщики клинков. Но и среди их товара не было ни одного литого булата. Аносов пришел в отчаяние. Мослем, как мог, помогал ему; он тоже увлекся этой погоней за удивительными саблями.

Однажды он подошел к одному торговцу оружием и, напуская на себя важность, спросил:

— Моему господину нужно хорошее оружие. Есть ли оно у тебя, купец?

— Ты говоришь о булате?

— Да.

— Позови твоего господина. Я покажу ему булат.

Аносов закутался в накидку так, чтобы были видны только одни глаза, и подошел к купцу.

— Вот мой господин, он хочет видеть настоящий булат, — повторил Мослем, указывая на Аносова.

Купец раскланялся.

— Слава тебе, о, эффенди. Ты хочешь приобрести саблю из самой твердой стали, чтоб твоя жизнь была неприкосновенна? Я покажу тебе булатный клинок.

— Показывай!

Купец повел его за прилавок, порылся под тканями и вынул узкую длинную саблю с красивыми насечками, отточенную, как бритва. Аносов взял саблю в правую руку, левой вынул шелковый платок, подбросил в воздух и рубанул клинком; платок обхватил сталь, задержался на сабле и упал без всякого надреза.

— Горе тебе, купец! — крикнул Аносов. — Ты обманываешь меня. Это не булат, а только лучший сварочный «дамаск».

Купец улыбнулся и льстиво заговорил:

— Я вижу, ты знаешь толк в оружии. Но Найдется ли у тебя столько денег, чтобы купить булат?

— Показывай! И не вздумай опять обмануть!

Купец достал короткий меч. Когда Аносов убедился, что перед ним действительно булат, он спросил:

— Где достал ты этот меч?

— Через руки купца проходят тысячи вещей, — увернулся тот от ответа.

Аносов понял, что купец торговал перекупным товаром. Он купил у него булатный меч, несмотря на бешеную цену. Выйдя с рынка, Аносов и Мослем свернули в небольшую улицу.

— Теперь нужно действовать, — заговорил Аносов. — Мослем, ты знаешь, зачем я сюда приехал? Не для того, чтобы только купить настоящую саблю. Я хочу узнать, где и как делается булат!

— Это трудно, господин.

— Пусть так, оставайся здесь, в Дамаске, а я прослежу за купцом и узнаю, где он достает булатные изделия.

— Нет! Я тебя не брошу, — обиделся Мослем. — Пойдем домой и будем ждать, когда он продаст весь товар. Ты пойдешь за ним в погоню?

— Хотя бы на край света!

Глаза у Мослема загорелись:

— Зачем на край земли? Не нужно. Ближе найдем!

Снова потянулись томительные дни ожидания. А что если нить, попавшая в руки, опять ускользнет! Нет, это невозможно! Потратить столько усилий и снова вернуться ни с чем? Если бы знать, что купец знаком с секретом плавки, тогда можно было бы попробовать купить его. Торговцы жадны к деньгам. Но вряд ли он знает эту тайну. Ею владеют лишь немногие и свято охраняют секрет. Значит, нужно тайком двигаться за караваном, нужны будут люди, верблюды. Все это беспокоило Аносова: он плохо спал, сделался угрюмым, неразговорчивым.

Как-то раз в бессонную ночь Аносов оседлал коня и поехал на прогулку. Бешеная скачка на горячем коне ему нравилась. Выехав за черту города, он сделал большой круг и успокоенный вернулся. Усталый, вспотевший конь тихо брел по рыночной площади. Рынок был пуст.. Необычайными казались голые прилавки, запертые ларьки, огромная площадь без народа и криков. Аносова привлек свет в палатке продавца «булатных изделий». Он тихо слез с коня, привязал его к столбу и осторожно двинулся к палатке. Освещенные скудным светом, там разговаривали двое людей. В одном из них Аносов узнал продавца булатов, второй был ему незнаком.

— Завтра ты выходишь с караваном по северной дороге до храма, — говорил незнакомец. — А там мои люди укажут дорогу твоему каравану. Я же поеду в Мекку... Вот тебе, Али, рецепт, передашь его тому, кто встретит тебя словами: «Аллах привел тебя сюда». Смотри, мусульманин, не гневи Аллаха. Держи секрет так же далеко, как держишь ты свои мысли.

— О, господин... — начал было купец, но незнакомец строго прервал его:

— Знаю, знаю. Молчи. Еще трава не выросла на твоём грехе. Помнишь, как ты продал секрет булата неизвестному человеку...

Аносов не стал дальше слушать, пробрался к коню и поскакал к Мослему. Что делать? Купец уезжает через несколько часов, — составить караван не успеть. Значит, нужно добыть у купца секрет плавки любой ценой: за деньги, за жизнь!

Они догнали караван за Дамаском. Десять верблюдов шли груженные бурдюками с водой и тюками. Их вели четыре пеших погонщика. Купец ехал на лошади позади верблюдов.

— погоди, купец! — крикнул Мослем.

Тот остановился. Караван продолжал двигаться. Аносов подал знак начинать разговор. Мослем подъехал к купцу и опросил:

— За сколько отдашь секрет булата? Мой господин даст тебе много денег!

— Что ты, правоверный! — испугался купец и хотел звать людей.

— Стой! — Мослем схватил коня его за узду. — Ты знаешь, как изготавливается булат! Открой секрет, купец!

— Я вижу ты не веришь моему слуге, — вмешался Аносов. — Слушай, как звенят деньги в моем мешке. Я богат! Я очень богат. Сколько ты хочешь за формулу, переданную тебе вчера в городе?

— Вот тебе мой секрет, собака! — неожиданно воскликнул купец и выхватил кривую саблю.

Аносов быстро достал пистолет. Торговец опустил оружие. Аносов засмеялся.

— Купец Али знает, что есть на свете оружие быстрее клинка. Караван твой отошел далеко, ничто не задержит нас убить тебя и скрыться в городе. Я не разбойник, я покупаю у тебя секрет. Какая твоя цена, купец Али?

Купец молчал. Аносов взвел курок.

— Пусть простит Аллах мой грех. Ты хочешь, чтобы я заплатил за секрет твоею жизнью, купец? Большая цена. Но я не постою за ней. Недаром я так богат.

— Ну? — спросил Мослем. — Говори!

— Давай деньги, — проговорил купец. — Но клянись, никому не говорить о том, что я тебе сейчас дам.

Аносов выложил все деньги, которые у него имелись.

— Клянусь! Тайна эта будет только моей!

Торговец запустил руку за пазуху, вынул маленькую металлическую пластинку и протянул ее Аносову. На пластинке были вырезаны кривые арабские буквы.

— Читай, Мослем!

Мослем стал читать, коверкая трудные составные элементы и температуру плавки булата.

— Правильно! — воскликнул Аносов. — Я очень близко подошел к истине, но некоторые элементы брал в других дозах.

— Да простит мне Аллах этот грех, — причитал купец, считая деньги.

— Аллах велик и милостив, Али, — успокоил его Аносов. — Он простит тебе второй грех так же, как

простил и первый. Едем, Мослем.

Сердце у Аносова радостно билось. Все произошло просто, неожиданно. Секрет булата, нацарапанный на пластинке арабскими знаками, был у него в руках.

В Златоусте удивлялись: откуда опять взялся этот инженер-чудак? Неужели он остался жив после столь долгих скитаний в Азии?

Боязливо и с любопытством глядели обыватели на освещенные окна аносовского дома. А инженер не спал ночами, никуда не ходил, никого не принимал у себя, занятый со своими доверенными помощниками проверкой арабской формулы. После долгих опытов и неудач «дамасский» булат из златоустовской стали был, наконец, отлит.

Аносов вошел в лабораторию, держа в руках ослепительно блестящий клинок.

— Только теперь, — обратился он к присутствующим, — я могу сказать, что это настоящий булатный клинок моего производства. Приятно думать, что долгие годы, потраченные на поиски секрета, оправдали себя. Я отдал ему все: жизнь, молодость. И не жалею об этом. Испытайте, как хотите!

Клинок зажали в особый станок и, привязав к острию груз весом больше пуда, согнули почти в дугу. Потом груз был снят, и клинок медленно выпрямился. Затем подали толстый железный прут. Кто-то из присутствующих, схватив клинок, ударил им по пруту: звякнуло железо, и острие булата перерубило прут без всякого вреда для себя. Аносова подхватили на руки и стали качать. Но лицо его оставалось задумчивым.

— Что с вами, Павел Петрович? — спросили его. — Теперь конец сомнениям и поискам, булат есть!

— Еще не все, еще не до конца открыт секрет. Клинок крепок, тверд, легок. Но посмотрите, как он отличается от настоящих дамасских клинков с внешней стороны: те зеркальны, а этот волнистый, неровный, шероховатый. Шлифовать не научились. Наши успехи — только половина дела.

Хмурый Аносов шел, сам не зная куда. Хотелось бросить все, забыть невзгоды и усталость. Незаметно он прошел окраины городка и вышел к горам, обступившим Златоуст со всех сторон.

Лесистая гора Косотур зеленела щеткой деревьев. Озеро катило свои волны на берег. Выл ветер. Аносов брел погруженный в думы.

— Куда идешь? — остановил его грубый голос.

Аносов осмотрелся: он стоял возле маленькой кузницы, приткнувшейся на косогоре. Огромный кузнец ковал раскаленную железину. Частые удары молота сыпались без перерыва. Это однако не мешало кузнецу разговаривать.

— Из города, что ли?

— Да!

— Ну, как там дела? Говорят, выплавили в городе саблю: всем саблям сабля! Не слышал?

— Нет. А тебе откуда известно?

— Молва — все донесет! Зайца не догонишь, а от людской молвы не убежишь. Так не слышал, говоришь, о клинке-то? — Кузнец бросил под горку железину, она покатилась и звякнула обо что-то металлическое.

— Не вышло? — в свою очередь спросил Аносов.

— Как не вышло? Вышло! У меня все выходит, — ответил кузнец. — Я спорый человек! Там у меня вроде как склад. Понял? Когда под горку накалка катится, ветерком-то ее обдувает, она быстрее и ровнее

остывает! Ха! Внизу-то Васютка все разложит, все в порядок приведет.

Аносов обрадовался и спросил:

— Ты всегда так делаешь?

— А то как же, всегда.

Ни слова не говоря, Аносов повернулся и побежал. Кузнец прищурил глаз и с усмешкой посмотрел ему вслед. А Аносов бежал, осененный мыслью: «Так вот как надо шлифовать булат! Что если с раскаленным клинком броситься бежать вниз по крутой горе, воздух будет равномерно обтачивать клинок. Или нет, не годится. Лучше пусть всадник на горячем коне проскачет с клинком, тут ветер правильно и ровно обдует саблю. Получится шлифованный булат!»

Аносов решил испытать способ, который ему подсказал веселый кузнец с Косотур-горы. Он взял булат с волнистой поверхностью, поехал на лошади к косотурскому кузнецу и попросил его накалил клинок. Когда лезвие стало неотлично от огня, он резко оттолкнул кузнеца и, схватив клинок за ручку, обернутую асбестом, бросился из кузницы и вскочил на коня. Лошадь, почувствовав жар, метнулась в сторону и понеслась. Теперь Аносов ничего не видел. Конь, как бешеный, выбежал на таганайскую дорогу и помчался, словно за ним гналась стая волков. Ветер свистел в ушах, шапка упала. Аносов вцепился в бока лошади и дико размахивал саблей. Долго продолжалась скачка, а когда конь задохнулся, Аносов посмотрел на саблю: бугры и шероховатости пропали, гладкая поверхность клинка была безукоризненна.

...Прошли годы. Небольшой городок Златоуст разросся в солидный заводской центр, поставлявший сталь не только для Урала, но и для всей России. Широкой известностью стал пользоваться оружейный завод, выделявавший лучшие в мире литые булаты.

Непревзойденные аносовские клинки славились на весь мир и легкостью, и гибкостью, и мощной упругостью, поражающей всех, кто их видел. Отличительной особенностью булата был узор на клинке, получаемый от сварки отдельных перекрученных между собою стальных полос. Узор выявлялся только при ковке клинка. Рисунок его был разнообразный: змейкой, короткими полосками, лесенкой. Оружейники Западной Европы пытались подделывать златоустовские булаты, художественно вытравляя узор, но их подделка не пользовалась спросом и вскоре была осуждена.

Клиники прославили Златоуст. Город называли «русским Дамаском», хотя русские булаты были лучше своих предков. Русские сабли пользовались большим спросом во всех европейских странах. За них платили большие деньги, их приобретали крупнейшие музеи мира, поэты воспевали русские булаты в поэмах.

* * *

Облака дыма и ржавой пыли висят в долине между гор. Это Златоуст. Крутые горы прижали его к маленькой речонке Ай. Небо застилают клубы черного дыма из труб сталелитейных заводов. Мы идем в центр города. Вот дома, вот улицы — современники, искателя твердой стали.

Идем на металлургический завод имени И. В. Сталина. Не верится, что находишься на территории завода: асфальтированные дорожки, клумбы, цветы. Входим в цех, по железным лесенкам поднимаемся к мартеновским печам. Тут при огромной температуре плавят сталь. Молодой рабочий пробивает летку, и сталь жидкая, как вода, течет по жолобу в ковш. Летят ослепительные брызги.

Тут плавят сталь! Тут ей дают закалку. Потом она превращается в машины, мощные орудия человека, в грозное оружие.

Горный трамвайчик, похожий на жука, громыхая, везет нас к музею. На пирамидальных подставках выставлены непревзойденные аносовские рапиры, мечи, сабли. И тут среди клинков из твердой, упругой

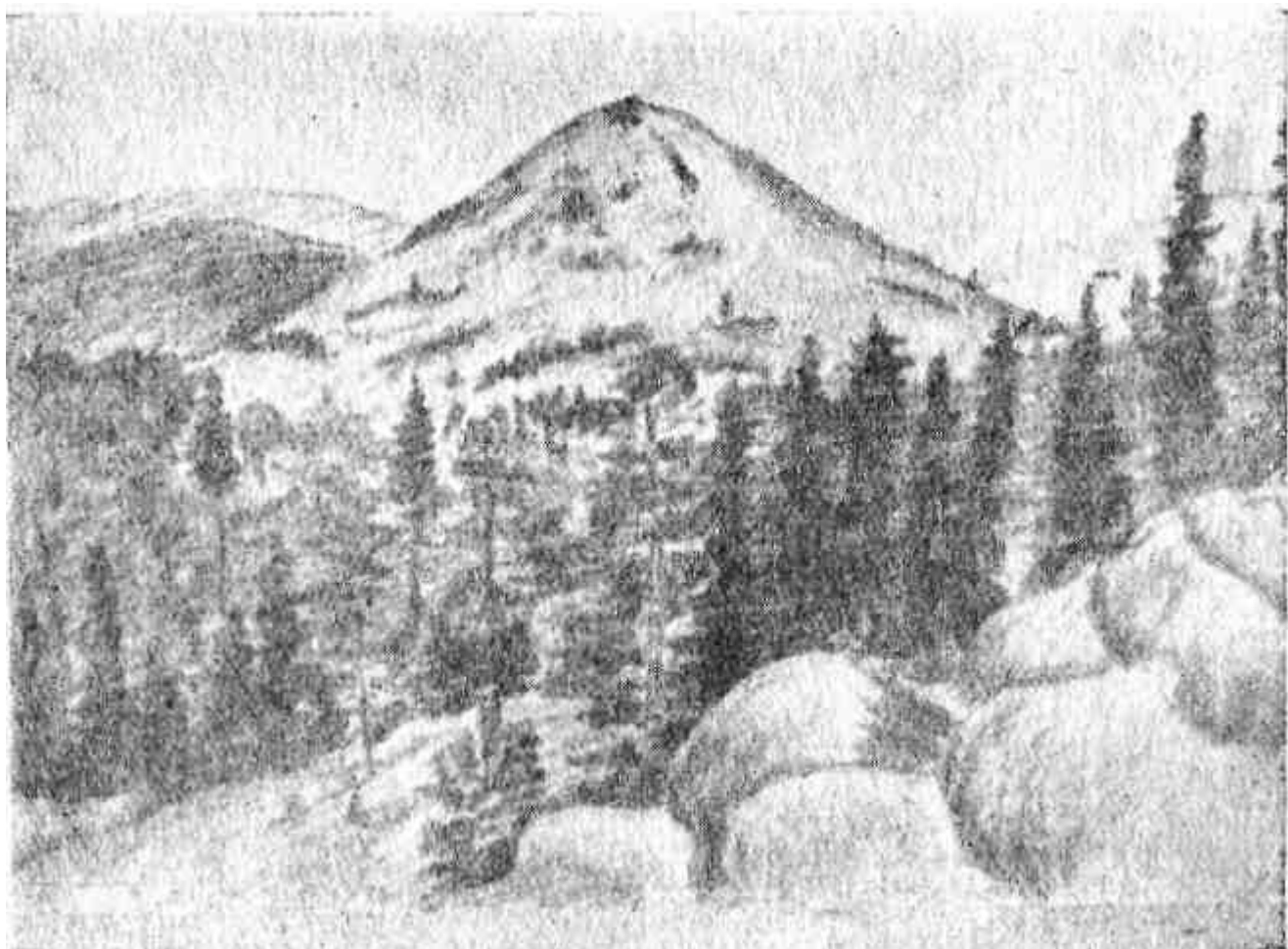
стали становится понятным, чего добивался неутомимый булатоискатель. Он искал металл, металл-победитель. Ибо металл, как только он был открыт, был и будет несокрушимой силой.

Холодное небо...

Холодное небо, прозрачные дали.
Громады застывшие скал.
Этому краю не даром дали
Гордое имя — Урал.

Урал — это, значит, земля золотая,
Урал — это рек полноводных простор,
Это — леса, что как волчьи стаи
Кольцом окружили подножия гор.

Светом заводов искрятся дали,
Гремят поезда между глыбами скал.
Этому краю не даром дали
Славное имя — Урал.

ЮЖНЫЙ УРАЛ.

Рис. ученика 6 кл. Н. Ковальцова (г. Сатка).

Глава третья

РОДНОЙ КРАЙ

Герои Урала

Г е р о и У р а л а

В СВЕРДЛОВСКОМ МУЗЕЕ

Эти гордые знамена
Не склонялись в бое.
Их рукою непреклонной
Пронесли герои.

Уж истерлись, поредели
Кисти шнуровые,
Уж поблекли, потускнели
Буквы золотые,

И, овеянные славой,
Дымом опалены,
Наклонились величаво
Старые знамена.

КОМИССАР МАЛЫШЕВ

Паровоз и стучит,
И гудит на ходу,
И бежит торопливо вперед.
Вот опять поворот.
За простором болот
Уж огнями мигает Тундуш.

Полутемный вагон
Лишь свечой озарен.
Дремлет Малышев, сбросив шинель.
Паровоз да вагон —
Вот и весь эшелон.
С комиссаром дружинников нет.

Этим утром восстанье в тылу подавив
И отряд свой оставив там,
Он помчался туда,
Где сегодня прорыв,
Где ударить пора по врагам.

Он контужен в бою,
Но отряд его цел
И готов подавлять мятежи.
Свет огарка дрожит на усталом лице,
На руках загорелых дрожит.

Это Малышев, тот,
Что проделал поход,
Что в казацких степях воевал.
Он могуч и суров,
Страшен он для врагов;
Он готов умереть за Урал.

И гудит паровоз,
И стучит на ходу,
И на верную гибель летит.
Взят врагами Тундуш,
И враги уже ждут
Паровоз впереди на пути.

ВАЙНЕР

Пал Малышев в схватке отчаянной,
На митинге плачут вокруг,
И вот поднимается Вайнер,
Погибшего преданный друг.

Он сдержан. Он в полном порядке.
Лишь блеск лихорадочен глаз
Да новая грустная складка
Над строгою бровью легла.

«Товарищи! Плакать не время,
Когда наступают враги.
Мы плакать не будем над теми,
Кто смертью героя погиб.

Его путеводное имя
В легенды и песни войдет.
Мы павшее знамя подыдем
И выступим снова вперед».

И вот через месяц, в июле,
Ушел защищать он Урал.
И скоро под вражеской пулей
Он смертью геройскою пал.

И был он под старой сосною
Своими друзьями зарыт.
Начертано чьей-то рукою,

На ней его имя стоит.

ХОХРЯКОВ

При свете неясном и слабом,
Под сенью скрещенных клинков
Начальник Уральского штаба
Матрос молодой, Хохряков.

Мне кажется: он непреклонный,
Как раньше, с винтовкой встает,
И снова идут эшелоны,
Как в тот восемнадцатый год.

...У моста колыхнется тихо
Под ряской зеленой вода,
За лесом, на шумной Крутихе
Гудят, уходя, поезда.

Он смотрит на дальнее пламя,
Он слышит, разрывы гранат,
Он знает, что в схватке с врагами
Не справится горстка — отряд.

Но верит, что, если не мешкать, —
Не выдержат цепи врагов.
И руку подняв — «В перебежку!» —
Скомандовал вдруг Хохряков.

— «Готовься!» — он крикнул отряду.
Но взрыв прогремел над рекой,
И, ранен осколком снаряда,
Без крика упал Хохряков.

И, рану зажавши рукою,
Увидел в последний он раз,
Как цепи готовятся к бою,
Его выполняя приказ.

...И нынче... Колыхнется тихо
Под ряской зеленой вода.
Вдали, на спокойной Крутихе,
Гудят и стучат поезда.

И кажется: в воздухе знойном
Звенят еще отзвуки слов,
А эхо твердит беспокойно:
«Держитесь! Добейте врагов!»

ЕКАТЕРИНБУРГ

В садах, пока еще зеленых,
Уж много веток золотых,
Хоть пожелтевших, но живых...
Шаги замолкнули в Обкоме,
И ветер треплет за углом
Газетный лист, прощальный номер,
Да лозунг: «Мы еще придем!»

ОСВОБОЖДЕНИЕ

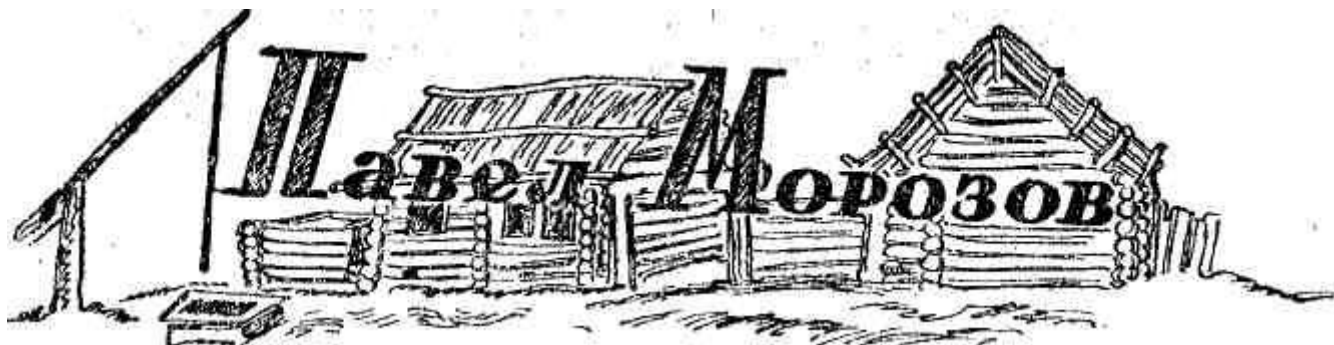
Город взят был на рассвете.
Взят почти без боя.
Номер вышедшей газеты
Посвящен героям.

Их почтили тишиною,
Маршем похоронным,
И склонились в честь героев
Гордые знамена.

Уж истерлись, поредели
Кисти шнуровые,
Уж поблекли, потускнели
Буквы золотые.

Эти гордые знамена
Не склонялись в бое.
Их рукою непреклонной
Пронесли герои.

Павел Морозов

Много деревень в Верхне-Тавдинском районе. Но деревня Герасимовка, расположенная в 55 километрах от районного центра, известна всему Советскому Союзу. Здесь 3 сентября 1932 года обозленные кулаки убили пионера Павлика Морозова.

Долог путь от Тавды до Герасимовки. Но длиннее был он восемь лет назад. Сейчас здесь проложено широкое шоссе. А тогда пни да коряги загромождали дорогу.

В западной стороне деревни, почти на краю, стоит дом, где жил Павлик Морозов. Дом этот большой и высокий. Если вытянуть вверх руку, то до окон не достанешь. Дом поделен на комнату и кухню. В комнате вокруг стен лавки, в углу — полка и печь. Между печью и стеной — проход. Отсюда Павлик увидел в первый раз, как его отец продавал документы кулакам. В кухне стоит стол, сколоченный из плохо обструганных досок. На стене — полка для посуды.

Дом обнесен высоким бревенчатым забором. В ограде — крепкий амбар. В нем сохранилась соха, которой пахал Паша, и уздечка лошади Морозовых — Серка. Рядом приткнулась баня. Еще дальше — хлев для скота. На улице перед домом — длинный скрипучий журавель.

Рядом с домом Морозовых остались следы дома деда Морозова. Еще и сейчас, около развалин дома растет куст черемухи. По другую сторону — большой, с резными украшениями дом Кулокановых.

Все в этой деревне напоминает о трагедии, случившейся несколько лет назад.

Едва ли кто хуже жил в деревне, как Морозовы. Ребята бегали полураздетые, в одежде с чужого плеча. Не сладко жилось и жене Трофима Морозова — Татьяне Семеновне. Родня Морозовых попрекала ее, что она пришла в богатую семью из бедной хаты. Трофим Морозов плохо справлял хозяйство, в доме достатка не было. В комнате стояла кровать, прикрытая холщевым тряпьем. В кухне лежала куча соломы, на которой спали ребята.

Герасимовские кулаки сговорились избрать председателем сельского совета Трофима Морозова. Они часто приглашали его в гости, поили вином, подкупали. Отец Павлика был избран председателем сельсовета. На следующий день Павлик прибежал в школу к учительнице и радостно сказал:

— Зоя Александровна! Запишите меня в пионеры. Теперь отец противиться не будет.

Павлик ходил в школу в рваном полушубке, из-под которого виднелась холщевая рубашка, завязанная у ворота тесемками. Пуговиц никогда не знала его одежда.

Вечером в доме Морозовых разыгралась первая сцена. Мать увидела на сыне красный пионерский галстук и с тревогой сказала:

— Ох, Пашка, не показывайся отцу. Убьет он тебя.

— Не убьет, — ответил Павлик. — Он теперь председатель.

Пришел Трофим Морозов, взглянул на сына, спросил:

— Кто тебе велел записаться в пионеры? Ишь, какой коммунист нашелся... Неси, мать, вечерять.

Семья села за стол. Татьяна несла ужин. Трофим Морозов сурово сказал сыну:

— Пошел из-за стола, щенок! Я коммунистов не кормлю.

Павлик замешкался. Тогда отец ударил его по лицу и толкнул на мать, которая держала в руках сковородку с горячим салом.

Павлик слег в постель. Ребята в школе ходили подавленные. Среди них не было веселого товарища, ласкового ко всем, верховода забав и игр. Он лежал, завернутый в тряпье, и никому не говорил о том, что его избил отец. Навещали друзья из пионерского отряда, рассказывали об отряде, о работе, о школе, а он со слезами на глазах отвертывался к стене. Ребята приходили не часто: Трофим выгонял пионеров.

Все чаще и чаще Трофим Морозов являлся домой пьяный, забросил сельсоветские дела. Почти каждый день к нему приходили Кулокановы, дед Мороз и другие кулаки. Вся тяжесть забот по дому легла на Павлика. На приглашения ребят поиграть Павлик отвечал:

— Некогда мне, ребята. За сеном нужно, дров напилить. Отцу ведь некогда.

Отец окончательно спился и продался кулакам. Он приходил домой, выгонял ребят и жестоко избивал жену. Есть в доме было нечего. Избитая мать ходила по деревне, по знакомым и просила то пару картошин, то брюквы, чтобы накормить ребятшек.

И вот однажды ночью Павлик стал свидетелем торговли отца с одним из кулаков из-за справки. Кулак просил справку о том, что он бедняк, совал в руки Трофиму червонцы, вытащил из кармана водку. Трофим продал ему справку.

Несколько дней мальчик боролся: сказать или не сказать? Преступником был отец, и сын не хотел выдать его. Но долг пионера заставил сделать это. И Павлик пошел в школу, к учительнице, разыскал уполномоченную из райкома партии и честно все рассказал. Чтобы проверить показания мальчика, к Трофиму Морозову подослали переодетого милиционера, который, притворившись кулаком, стал просить у председателя подложный документ. Трофим продал справку. Председателя арестовали. Вся родня Морозовых, герасимовские кулаки со злобой угрожали Павлику:

— погоди, коммунист сопливый. Найдем на тебя управу.

А дед Мороз, хмурый, волосатый, прямо сказал внуку:

— Змееныш ты. Не сносить тебе башки.

На суде Павлик говорил:

— Я говорю здесь не как сын, а как пионер. Мой отец продался кулакам, дружит с ними и вредит нашему государству.

Злыми глазами исподлобья смотрели на отважного пионера кулаки. Суд приговорил отца к десяти годам тюремного заключения. После этого еще хуже стали жить Морозовы. Молодой хозяин должен был и учиться, и работать в пионерском отряде, и вести запущенное хозяйство. Дед Мороз в катаной шляпе и длинном суконном тулупе встанет, бывало, у изгороди, наблюдает, как хозяйничает Павлик, и ехидно посмеивается:

— Суетись, суетись, все равно ничего не убережешь.

— Как-нибудь уберемся, дедко, — отвечал Павлик.

Зима в тот год выдалась лютая — морозная и снежная. Герасимовские кулаки отказались сдавать хлеб государству, попрятали его в амбарах и под землей. Приехал представитель из райкома партии и собрал общее собрание. Пришел на это собрание и Павлик — глава хозяйства Морозовых. Он выступил на собрании и рассказал, кто из кулаков прячет хлеб. Под нажимом бедноты было решено организовать красный обоз с хлебом. С первым обозом, впереди всех с красным флагом ехал Павлик Морозов с двумя центнерами зерна.

Но кулаки еще дальше запрятали хлеб. Нужно было бороться с зажимщиками, заставить их сдать государству излишки хлеба. Возвратившись из Тавды, Павлик собрал пионерский отряд и предложил ребятам:

— Давайте напишем плакаты: «Здесь живет злостный зажимщик хлеба» и повесим их на воротах тех, кто прячет хлеб.

Ребята принялись за дело. А наутро вся Герасимовка была удивлена: ворота богатых односельчан были украшены плакатами. Днем у Морозовых побывала бабка Морозиха и сказала Татьяне:

— Дед вовсе озлился. Накажет он Пашку, ой, смотри! Да такого щенка, выродка из поля вон.

— Мой Арсений, — говорила Татьяна кулачиха Кулоканова, — всю ночь караулил с колом в руках этих змеенышей — пионеров. А все Пашка верховодит.

Татьяна Семеновна плакала, уговаривала Павлика отстать. Сын в ответ смеялся и говорил:

— Мама, ничего, не бойся. Они не посмеют убить. Мы, как пионеры, должны это делать.

И наутро на домах деда Мороза и Кулокановых снова появились гневные «вывески»: «Здесь живет злостный зажимщик хлеба!»

Покряхтели кулаки, да и свезли хлеб в Тавду. Но только с той поры еще пуще разгорелась их ненависть к беспокойному Павлу Морозову. Частенько к деду Морозу приходил Арсений Кулоканов и подолгу шептался с ним. Скоро они перестали шептаться и стали вслух говорить:

— Завести в лес, убить. И концы в воду.

— Маленький, а вредный. Житья не стаёт. Большим вырастет — живьем съест.

К лету подыскивали и убийцу. Выбор пал на племянника деда — Данилку. Дед, бабка Морозовы и Кулоканов стали спаивать Данилку, уговаривали «проучить» Пашку, сулили золото. Разгоряченный вином и посулами Данилка решил сжечь сродного брата. Как-то в одну из этих попоек к деду пришел Павлик:

— Ты у нас седелку брал полгода назад, чего не несешь?

Данилка вскочил из-за стола, набросился на мальчика и избил. Полмесяца пролежал Павлик в постели. А потом снова звонкий смех этого неугомонного парнишки не утихал на улицах деревни. Попрежнему он исправно вел хозяйство и успевал еще во главе герасимовских ребят ходить за ягодами в лес, охотиться на глухарей, собирать грибы, рыбачить.

Наступил роковой сентябрь 1932 года. Татьяна Семеновна уехала по делам в район, оставив маленьких ребят под присмотром тринадцатилетнего Павлика. Этим и воспользовались враги. Утром 3 сентября пришла бабка Морозиха и позвала ребят за клюквой на Круглый мошок.

С бабкой пошли Павлик и девятилетний брат его Федя. А уж там, в лесу, сидели в кустах и ждали в заранее условленном, месте хитрый и злобный дед Мороз и пьяный Данилка.

Показался Павлик с мешком за плечами.

— Вот они, дед, держи Федьку! — закричал Данилка и бросился на Павлика.

Над мальчиком блеснул нож. Он схватил его рукой. Нож оказался очень острым. Данилка рванул его и отрезал пальцы на руке Павлика.

— Федя, беги! — крикнул Павлик и упал на землю. Данилка навалился на него и несколько раз полоснул ножом.

Но Федя не убежал. В десяти метрах его держал дед, а бабка, как ведьма, спряталась за толстой сосной, вцепившись в нее длинными, худыми руками. Расправившись с Павликом, Данилка подоспел к деду, и они вдвоем dokonчили зверское дело.

Через день вся Герасимовка узнала, что татьянины ребята вторую ночь не ночуют дома. Решили пойти на розыски заблудившихся ребят. В деревне остались только Морозовы, Данилка да Кулоканов. Бабку-Морозику пионеры спрашивали:

— Куда девала ребят?

Она отмахивалась:

— Убежали они от меня в лесу. Где мне, старухе, угнаться за ними. Пошли прямо по стежке — больше я их и не видела. Наверно в Кулаковку к бабушке ушли.

Только лес, в котором они лежали, заваленные хворостом, знал страшную правду.

Герасимовцы ходили по лесу цепью, в одиночку, группами — ребята не находились. К вечеру вернулась Татьяна Семеновна. Несмотря на дождь, она бросилась в лес, увлекая за собой молодых и старых.

— Ищите моих ребят, ищите. Пашенька, где ты? Федя, мои сыночки, — кричала она в лесу.

— Ау-у-у-у!

— Пашка-аа!

Крики не смолкали всю ночь. Но напрасно кричали, ребята не могли слышать. Их нашел в километре от деревни житель Герасимовки охотник Шатраков.

Через несколько часов Морозовых и Кулоканова арестовали. Пока вели их к амбару, где они сидели до отправки в Тавду, односельчане кричали вслед:

— Изверги, душегубы!

Пионерка Мария Ефимова слышала, как дед Мороз разговаривал с бабкой, сидя в амбаре:

— Я говорила, надо сжечь их, — шептала бабка.

— А тебе говорено было, старая, нож бросить, а ты за божницу его положила.

Похоронили братьев на месте, где они были убиты. На могиле своего товарища пионеры Герасимовки дали клятву быть такими же, как Павлик...

Сравнились с землей могилы убийц Павлика Морозова — деда и бабки Морозовых, Кулоканова, Данилки, расстрелянных пролетарским судом за зверское убийство пионера-героя, а слава о молодом патриоте нашей родины будет жить вечно.

Дорога к могилам Павла и Федора Морозовых никогда не зарастет травой. Сюда приезжают со всех

концов Советского Союза, маленькие и взрослые, чтобы отдать долг юному герою. Герасимовские ребята каждое лето украшают могилы венками из цветов. Вокруг памятника на могиле Павлика Морозова шумят высокие сосны, шуршат листьями березы. Только та сосна, за которой пряталась бабка, словно от стыда, высохла и зачерствела.

В тайге

Урал. Зима.

Поезд вез меня куда-то в неведомые края. По сторонам железнодорожного полотна тянулся лес, иногда мелькали поляны, запорошенные снегом, и лишь изредка, далеко на горизонте, вырисовывались неясные очертания гор.

Мне казалось, что не поезд идет, а бежит вперед сама земля, раскрывая передо мной край нетронутых богатств.

В вагоне шла обычная жизнь. На станциях входили и выходили люди, они кричали и спорили.

— Михаил, скоро приедем? — спросил я брата.

— Скоро.

Я снова отвернулся к окну. Но смотреть мне не давали. Какой-то толстый лысый мужчина со множеством мешков, мешочков и чемоданов спорил со своим соседом:

— Я сам там был! Понимаете, был! — кричал он изо всех сил.

Его сосед возражал спокойно:

— Ну и что же?

— А то, что, кроме леса да нескольких бараков, там ничего нет.

— А вы приезжайте годков через пять — сами в цехе работать будете.

— Ну уж, извините, — снова закричал толстяк. — Это дети наши, может, доживут, а не мы...

— Дяденька, а школа там есть? — обратился я к спорящим.

— Вот, — снова загорячился толстый, — зачем он едет туда?

И он для убедительности ткнул в меня своим пальцем.

— Я с братом.

— С братом... — передразнил он.

— Брат работать, а я учиться.

— Брось спорить, — остановил меня Михаил. Я отошел и лег спать. «Зачем же мы едем туда, — думалось сквозь сон. — Вот тот говорит, что даже дети и те, может, не увидят завода»...

Поезд мчался вперед, вагон качало.

Очнулся я от сильного толчка.

— Вставай, — говорил Михаил, — приехали!

Я посмотрел в окно. На невысокой насыпи справа стояло небольшое здание. «Вагонзавод» — крупными буквами было написано вверху.

— Станция! — догадался я.

— Пойдем, — торопил брат, — поезд стоит несколько минут.

Вышли из вагона, перешли несколько линий, овражек и по едва заметной тропинке пошли к «вокзалу».

Кругом стоял лес. Только впереди маячили низенькие длинные белые домики, сливаясь со снегом.

Брат сказал, что это временные заводские бараки.

— А где же завод?

— Вон там...

Я осмотрелся кругом, но кроме высоких деревьев ничего не увидел.

— За лесом, — добавил брат. — Завтра я пойду на работу и возьму тебя, а сейчас пойдем устраиваться.

На следующее утро брат собрался на завод и взял меня с собой.

Площадка стройки была не особенно далеко. Мы прошли небольшой лесок, и перед нами раскинулось все строительство. Везде копошились люди. Несколько гусеничных тракторов валили деревья и расчищали площадку. Кое-где высились здания, некоторые из них были еще окружены строительными лесами.

— Это будущие цеха, — пояснил Михаил.

Чуть дальше бригада землекопов копала землю. Возле людей возвышались груды мерзлой земли.

— Это котлованы, — опять пояснил Михаил. — Ну, ты тут осматривай, а мне надо итти.

Что такое котлованы и для чего они, я так и не понял, хотел спросить, но брат был уже далеко.

Долго бродил я по грудам мерзлой земли, обходил сваленные деревья и пни. Стоял мороз, но людям было жарко.

«А толстый зря говорил, что не построят. Обязательно построят», — подумал я, и мне почему-то стало радостно.

Сотни лет стояла ты, тайга, одна-одинешенька, и человек боялся сюда ходить. Но вот пришли люди, которых нельзя победить, и они покорят тебя, тайга.

Это было в 1933 году.

Последние два года я не был на Вагонке и теперь снова ехал туда. Наступал 1940 год..

«Как-то там?» — думалось мне. Когда я уезжал, завод только что строился. В 1935 году был пущен крупнейший в мире электросталелитейный цех вагоностроительного комбината.

— Вот тебе и дети не увидят, — вспомнил я.

В окне замелькали знакомые места, и поезд остановился...

Когда я вышел из вагона, первое, что бросилось мне в глаза, — это новенькие вагоны, стоящие на путях.

«Уралвагонзавод», — прочитал я.

— Вот оно!

Кто-то удивленно обернулся, но я уже бежал вперед, туда, где вздымались в небо огромные трубы.

Лес раздался и уступил место строениям. Впереди, обрамленный густыми побежденными лесами, виднелся завод. Мой завод, который рождался у меня на глазах!

...Прошло несколько дней, и однажды вечером Михаил, вернувшись с работы, сказал мне:

— Завтра у меня свободное время, и я могу тебе кое-что показать.

Утром ярко светило солнце. Мы пошли.

Перед нами раскинулся завод. Влево, далеко-далеко он упирался в лес. Вправо же строения и цеха сливались с горизонтом.

Чуть правее завода раскинулся поселок. Симметрично расположенные белые домики были хорошо видны. А совсем рядом с заводом высилось здание Теплоэлектроцентрали.

— ТЭЦ, — сказал брат, — дает заводу электроэнергию, воздух и воду.

— Для чего же воздух?

— Сильная струя воздуха нужна в некоторых цехах для того, чтобы сдувать с детали окалину.

— А знаешь, — я указал на завод, — не верится! Всего несколько лет назад здесь был лес! А сейчас и заблудиться можно среди цехов.

— Не только среди, — перебил меня Михаил, — а даже в самом цехе. Недавно приехала из деревни на завод колхозница. Назначили ее к нам в цех. Как только кончается смена, выходит она из цеха и не знает, куда идти. Большинство рабочих идет на Вагонку, ну, и она с ними, хотя ей нужно совсем в другую сторону. Кое-как привыкла.

Незаметно подошли к первым цехам.

Внезапно перед одной из железнодорожных линий на невысоком столбе справа зеленый цвет сменился красным, и зазвенел звонок.

— Стоп!

— Что это? Семафор!

— Да, своего рода семафор. Ты видишь, сколько здесь линий. Шофер автомашины, да и рабочие могут иногда не заметить паровоз. А тут сразу видно: красный цвет — путь закрыт.

Пропустив поезд, пошли дальше.

Цехи делятся на несколько групп. Мы идем к литейной группе.

— Заглянем в цех колес Гриффина, — говорит брат. — А вон там дальше фасонно-литейный, мартеновский, цех мелкого литья — все они тоже относятся к литейным. Вторая группа — вагоносборочные цеха. К ним относятся цех гондол, крытых вагонов, платформ и другие. Есть еще заготовительные цехи, но подробно об этом я тебе расскажу дома.

Мы подходили к цеху колес Гриффина. Из трех невысоких, но широких труб изредка вырывалось пламя. Из цеха доносился шум и грохот. С обеих сторон в цех входили железнодорожные пути, на них

стояли готовые скаты колес. Тут же пыхтел подъемный кран, захватывая сразу по два колеса, и подавал их на платформу.

Колеса были цельнолитые, а не со спицами, как я видел у старых вагонов.

— В том-то их и ценность, они прочнее и лучше старых колес, — ответил Михаил на мой вопрос. — Цех колес, как и остальные цехи, построен по последнему слову техники. Колеса здесь отливаются или, как говорят, формуются.

Мы подошли к самому цеху.

— Давай зайдем не надолго.

Грохот окружил нас. Везде копошились люди. Над головой появился электрокран, таща колесо в другой конец здания.

— А вдруг оборвется?

Но колесо не оборвалось. Я расхрабрился и сделал еще несколько шагов вперед. Расплавленный металл, ослепительно блестя, лился в огромный ковш. Тысячи золотистых брызг поднимаются вверх и падают к ногам. Лавиной надвигается конвейер с готовыми формами.

Михаил что-то говорит, но слов его не слышно. Лишь по движению губ я догадываюсь, что он зовет меня обратно.

На улице сразу становится тихо.

Когда мы отошли от цеха, я вспомнил, что позабыл спросить, почему цех называется цехом колес Гриффина.

— По фамилии изобретателя этих колес, — говорит брат.

Мы свернули вправо и по широкому асфальтированному шоссе пошли дальше. Мимо нас пробежали автомашины. Сбоку от шоссе, высоко над землей, повисли широкие трубы. На высоких железных стойках они подходили к каждому цеху, а затем убегали еще куда-то. Невозможно было уследить, где их начало и где конец.

— Что это?

— По этим трубам идет газ из газогенераторной станции. Вот, например, цех крупного литья. Он отливает для вагонов самые крупные детали. Но чтобы плавить металл, ты ведь знаешь, нужна очень высокая температура. Этот газ сжигают в особых печах и получают нужную температуру.

Мы вступили во власть цехов. Длинные и высокие, они стояли справа и слева, спереди и сзади. Некоторые стены были сплошь из стекла. Большинство крыш были также стеклянные.

— Сейчас мы пойдем к вагоноборочным цехам — сердцу завода. Из этих цехов выходят готовые вагоны.

Вскоре мы подошли к широкому и высокому цеху. Я взглянул, где же конец его, но конца не было видно.

Вагоноборочные цехи завершают всю работу завода. Каждый цех делает определенную деталь, а здесь они собираются, и готовый вагон стоит только отвезти в малярный цех, покрасить, высушить и все.

Посередине огромного цеха шел сплошной конвейер вагонов.

Сначала делается рама, которую сваривают электросварщики. Ее ставят на тележку, и она идет по конвейеру, а в это время к раме приделывают нужные детали.

Последние слова Михаила прервал пронзительный свисток паровоза, маневрирующего по путям.

— Да ведь это сегодня!

— Ну, да. Что ж тут удивительного?! И это только часть.

Новые вагоны очень отличались от всех виденных мною до сих пор товарных вагонов.

— Смотри, — указал брат, — если такую гондолу нагрузить торфом, то разгружать ее нужно много времени. А у этого вагона стоит только открыть борт, и торф высыплется сам.

Отличались эти вагоны и сцепкой. Расцепить их нет ничего хитрого: подошел и повернул ручку.

— Пойдем к кузнечно-пружинному цеху. Не устал?

Я устал, но не сознавался, и мы отправились дальше.

Как и все цехи, кузнечно-пружинный заполнен грохотом. Разлетается в стороны окалина от тяжелых ударов молота, хлопают прессы, штампующие и выгибающие детали, гудят печи, и трещит электросварка, рассыпая вокруг себя тысячи золотистых искр.

Загудел гудок.

— Мне пора на смену, а ты иди домой, — и брат скрылся в толпе рабочих.

Наступил вечер, а я все еще ходил по улицам города. Домой идти не хотелось. Город сильно изменился. Рядом с низенькими домиками выросли большие каменные дома со множеством квартир. Друг против друга стоят две огромные четырехэтажные школы, недалеко парк, клубы. Улицы города залиты асфальтом; весело позванивая, бежит трамвай.

А всего несколько лет назад здесь стояла вековая тайга, в которую даже охотники боялись ходить в одиночку.

Родина заводов

Родина заводов

Я жила в деревне. Было мне около шести лет. Я любила играть с подругой Валею в куклы и строить домики из песка и щепок.

Валя построила у забора много домиков и сказала:

— Смотри, какой у меня город!

— Разве ты знаешь, какой бывает город? — удивилась я. — Это деревня.

— Знаю, какой бывает город. Мы с мамой ездили. Там дома большие, в магазинах много игрушек, а по улицам не бегают собаки. Их там нет.

Мне стало обидно, что Валя была в городе, а я нет. Но все же мы с ней не ссорились и играли вместе. Осенью мама сказала:

— Нюра, ты хочешь в город?

— Очень. Возьми меня с собой.

— Скоро все поедет. И совсем жить в городе останемся.

Я побежала на улицу рассказать Вале об этом и добавила:

— Там у меня будет много красивых игрушек.

— Я к тебе приеду в гости, — ответила подруга.

И вот мы приехали в «город»: густой, густой лес стоял возле нашего костра.

— Где же город? — спросила я.

— Мы в городе, дочка, — ответила мама.

— Только города еще нет, — смеясь добавил отец, — но он скоро будет. Вот погоди мы его строить начнем.

Вот тебе и город! Вот и большие дома, и красивые игрушки! Хорошо, что Валя ничего не знает.

Жили мы в маленькой избушке, которую папа срубил сам. Рядом с нашим домиком построил землянку папа Гали Никоновой, поселилась Валя Филинкова с родителями, Эся Иофина и Люда Батрунова. Новым подругам было также по шести лет. Еще были у нас две знакомые девочки; одну ввали Маня, она растила косы и заплетала в них желтые ленточки, а другую — Женя, нос у нее был курносый и около него веснушки.

Стали мы дружно жить. Играли вместе возле землянок, а в лес ходить боялись. Да и ходить туда было незачем: ягоды, грибы, дрова — все рядом было. Надо на завтрак грибов — побежишь за сто шагов и собирай сколько хочешь. А ягоды к чаю мы прямо с кустов рвали. Но даже недалеко от домиков страшно было в лесу.

Однажды пришли ко мне девочки и позвали в лес за «настоящими» грибами.

— Пойдем, Нюра, подальше.

Мы взяли корзинки и побежали. Грибов и ягод в лесу было так много, что мы не заметили, как далеко отошли от домов. Видим, у свалившегося дерева что-то черное лежит и шевелится. Мы испугались, но Женя смелая, она потащила нас к бревну. Подошли тихонечко поближе и увидели маленького медвежонка. Медвежонок смешно карабкался на бревно и падал с него вниз головой. Потом он рассердился и закричал. Мы испугались, а вдруг медведица близко.

— Бежим скорее! — крикнула я, и мы побежали. Вдруг видим, — под ногами болото: вода проступает, и почва мягкая. Скоро увязли в болоте чуть не по пояс. Испугались мы и закричали. Недалеко рабочие везли на строительство кирпич, они услышали крики и вытащили нас.

Дома испугались, увидев нас грязными и мокрыми.

— Засосало бы вас в болото. Не ходите больше.

Зимой совсем страшно было: ночи темные, снегу наметывало много, и волки ходят близко. Они даже днем подходили к нашим домикам. Наши родители решили постоянно жечь костры, чтобы волки боялись. Так и сделали. Отцы напасли дров, и, когда уходили на работу, матери жгли костры.

Однажды, когда все спать легли, костры потухли. Волки осмелели, окружили «город» и начали выть. Мы сидели, в землянках и дрожали. Папа Гали Никоновой взял ружье, приоткрыл немного дверь и выстрелил. Волки разбежались, но потом опять пришли и целую ночь были подле домов.

Часто шел снег. Так бывало завалит, что выйти нельзя — дверь не откроешь. Выйдут рабочие на улицу и не знают, как до строительной площадки добраться. Потом придумали. Запрягут лошадь в розвальни и пустят по снегу. Подвода пройдет, снег утопчет, а вслед за ней рабочие идут, землекопы, плотники, столяры каменщики, служащие, а нередко так и сам директор. Надо же строить завод!

На следующую весну «город» стал больше походить на город. Правда, завода и больших домов еще не было, но народу прибавилось.

Решили нас отдать на детскую площадку.

Площадка находилась недалеко от бараков в лесу. В первый день меня посадили за сколоченный столик, дали краски и сказали, что нужно что-нибудь нарисовать. Я сидела рядом с Паней — новой подружкой. Она нарисовала красивую собаку с большими ушами. Я же, как ни старалась, не могла нарисовать ничего хорошего. А тут еще на мой рисунок упала капелька дождя. Я хотела вытереть ее платком, но размазала весь рисунок. Я заплакала, мне стало обидно. Но тут с потолка потекли ручьи на рисунки других ребят, и я успокоилась. Теперь не обидно — у всех плохо. Оказывается, пошел дождь.

Через несколько минут он разошелся, и мы вымокли, словно и не были под крышей. Ребята перепугались, закричали, полезли под стол и лавки. Руководительница металась по комнате, не зная, как успокоить нас: укрыться было негде, а о том, чтобы распустить по домам и думать было нечего: кругом нарыты были канавы, и в них бурными потоками неслась мутная вода. Пришлось вызвать лошадь, на ней и развели нас по домам. Вот какой у нас тогда был город!

Как-то руководительница; повела нас на прогулку собирать ягоды. Пошли в лес, где сейчас

асфальтовая площадь, поликлиника, кинотеатр и другие здания. В рабочем поселке возле продуктового ларька стояла толпа.

— Вскрывай, товарищ продавец, — кричали рабочие. — Мы подтвердим, что ларек обокрали.

Оказывается, ночью в ларек забрались воры. Продавец, придя утром на работу, увидел, что из стены ларька были выворочены две доски. Только он распахнул дверь, как на него бросился огромный медведь, сбил его с ног и кинулся наутек.

— Лови вора!

— Ай да воришка, — кричали рабочие.

Медведь удрал в лес. Испуганный продавец поднялся на ноги и сказал:

— Только вчера привез мед из Свердловска, а он уже унюхал.

После этого случая я пришла домой и сказала маме:

— Зачем ты меня обманула? В город, говорила, поедem жить, а тут в магазинах, вместо игрушек, живые медведи живут.

Прошло девять лет. Я учусь в седьмом классе 80-й школы Уральского ордена Ленина завода тяжелого машиностроения. Мои подруги учатся тоже в седьмых классах.

Недавно мы вместе вышли из школы, и я, остановив девочек, спросила:

— Помните, как мы вот на этом самом месте грибы собирали и от медвежонка удирали?

— Да, — ответила Паня, — а теперь здесь наш красивый город. Родной город!

— А мы недавно на экскурсии в заводе были, Паня, — сказали девочки.

— Счастливые, — вздохнула она, — я не могла, болела. Расскажите хотя бы, что видели.

— Видели много, целый день ходили, так и не обошли завод! Времени нехватит обо всем рассказать. Одним словом, наш завод — родина заводов. Отец заводов.

— Как так?

— Очень просто: наш завод рождает другие заводы, делает оборудование для них, машины, все, все. Вот какой у нас завод.

Прогудело пять часов.

— Хочешь, Паня, пойдем в садик, встретим братишку? — предложила я.

— Пойдем, — согласилась Паня.

Мы миновали площадь, обошли огромную клумбу с портретом товарища Сталина из цветов, пробежали сквером к резному забору и через калитку вошли на зеленую площадку. Много клумб с красивыми цветами, беседки, увитые плющом и зеленью. Мы поднялись на крыльцо двухэтажного дома и, открыв дверь, услышали звонкие голоса октябрят. Вошли в чистую комнату, где стояли два дивана, столик, и на нем аквариум с золотыми рыбками.

— Какой сад, — удивилась Паня. — Помнишь наш?

Братишка прибежал, держа в руках заводную мышь.

— Смотри! — радостно крикнул он, пугая нас «зверем». Мы засмеялись.

В царстве Али-Бабы

Много миллионов лет назад на месте Уральских гор было древнее соленое море. Сильно пекло солнце, и вода из лагун быстро испарялась. На ее место с моря приходила новая вода. Так продолжалось долго. На дне росли слои отложений соли. Иногда эти пласты достигали шестисот метров высоты.

Море отступало. Пласты соли со временем покрылись наносами и опустились в глубь земли.

Долго лежала драгоценная соль в земле, никто о ней не знал. В начале XV века в верховьях реки Камы купцы Строгановы построили солеварни — первые соляные варницы на Руси. При Петре I соляной промысел был объявлен государственной монополией. На месте первых варниц вырос город Соликамск (от слов Соли Камские). Петр I отправил в верховья Камы пленных шведов для работ на промыслах и для постройки церквей.

Долгое время никто и не подозревал, что в недрах Прикамья хранится еще более ценное полезное ископаемое. В 1916 году техник солеваренного завода Рязанцев достал из скважины кусочек соли бурого цвета. Ученые установили, что бурая соль это сильвинит, или калийная соль. Однако находку «не заметили».

После Великой Октябрьской социалистической революции разведка калийных солей была продолжена. В течение короткого времени разведкой было установлено, что калийных солей здесь так много, что даже сосчитать их запасы трудно. Все, даже самые смелые, перспективные планы оказались недостаточными. Колоссальная мощность залежей и их протяженность не укладывались в обычное представление о месторождении. По самым скромным подсчетам, количество калия в Прикамье (только лишь на исследованной площади в шестьсот квадратных километров) в три раза превышает запасы всех, вместе взятых, известных в настоящее время месторождений во всем мире.

Профессору Преображенскому, производившему разведку на калийные соли, а затем на нефть в районе Верхней Камы, надоело «открывать» залежи соли. Уж очень ее много было.

Профессор пошел к югу, закладывая скважины через каждые пять километров. Пласт становился мощнее. Удивленный профессор попробовал бурить через десять километров. Пласт еще богаче. Тогда геолог в надежде найти «край» пласта, пропустил 25 километров и снова заложил скважину. Пласт еще толще и богаче!

Сбитый с толку исследователь начал рыть через пятьдесят километров. И у Чусовских Городков открыл месторождение знаменитой уральской нефти.

Открытие калийных солей имеет для нашей страны огромное значение. Калий — это высокие урожаи, это — сочная трава на лугах. Калийные соли и сопровождающие их подземные спутники служат сырьем для химической промышленности. Из них можно получить поташ, соду, селитру, бром, потазот.

Недалеко от старого строгановского города Соликамска на многие километры вширь и вглубь раскинулся Калийный комбинат.

Как чудесно спуститься под землю, на дно древнего моря! Широкие, без всяких креплений проходы, штреки, потолки, пол — все раскрашено разноцветными красками блестящих камней, изрезано причудливыми, прихотливыми рисунками. Кажется, что ты попадаешь в сказочный Сезам разбойника Али-Бабы, где собраны несметные богатства. Все как будто покрыто дорогими коврами, сотканными искусными мастерицами Востока. С потолка спускаются хрустальные люстры — сосульки калийной соли. Пол, отшлифованный врубовой машиной, гладок, как асфальт.

Калийные соли встречаются здесь в трех видах: самая богатая — сильвин, содержащая наполовину калий. Сильвинит (соединение хлористого калия с хлористым натрием) — это лучшая после сильвина соль. Сильвинит бывает яркокрасного и молочнобелого цвета. Встречается и карналит — соединение хлористого калия с хлористым магнием, оранжевого цвета. Кроме того, в шахтах Соликамска можно найти прозрачную каменную соль, мутную, серую, голубую, розовую, синюю.

Когда спустишься в шахту, кто бы ты ни был, то начинаешь любить камни. Из шахты неизбежно выходишь с карманами, полными камешков всех цветов. Так и хочется забрать с собой все сказочное богатство Али-Бабы.

В забоях шахт работают громадные врубовые машины. Железное чудовище разрушает прекрасную драгоценную стену крепкими стальными зубами, скрипит, режет, грохочет. Глыба соли, блестя в свете электрических ламп сотнями разноцветных искр, медленно отделяется от стены и с грохотом падает.

В этом сказочном царстве работает много шахтеров. Они подбегают к обрушенной глыбе, разбивают ее и бросают в жолоб, подвешенный на проводе посередине шахты. Воздушный конвейер подает куски соли к выходу.

Когда мчишься по подземному царству на электровозе, чудится: вот здесь собраны малахиты со всего света; этот зал топазовый; вот промелькнули рубиновые гроты; миновали яшмовый дворец; спустились на дно голубого моря; побывали в бриллиантовых кладовых. Так и хочется крикнуть:

— Сезам! Отворись!

Но посмотришь, как работают шахтеры, улыбнешься и вспомнишь — этот Сезам уже открылся и отдает родине свои драгоценные богатства.

Красная шапочка

Кто из нас не читал сказку «Красная шапочка», кто не переживал вместе с Красной шапочкой ужаса перед серым волком?! Но здесь, когда нам сказали, что мы идем на Красную шапочку, разговор шел не о сказке.

Что же это за новая Красная шапочка?

Эдику рассказали, что растет там сосна, которая на самом деле похожа на шапочку. Но тогда это была бы зеленая, а не красная шапочка. Нет, из-за этой сосны не могли назвать бокситовый рудник Красной шапочкой.

Сторож у пожарной каланчи уверял Юру, что куча красного боксита, наваленная рядом с каланчой, послужила причиной названия.

Задачу мы решили сами, только что вступив в полосу месторождения бокситов. Еще далеко до рудника нам стали попадаться странные камни: круглые, красного цвета, величиной со страусовые яйца.

На руднике мы встретили геолога Кержавина, который открыл эти залежи боксита. Конечно, мы спросили:

— Почему же называли серовские бокситы Красной шапочкой?

— Вокруг рудника находят много красных крупных шаров из боксита. Я сам однажды нашел шар диаметром больше полметра. Шары напоминают шапочку. Вероятно, поэтому геологи и назвали наш рудник таким сказочным именем.

На берегу реки Ваграны, выплывавая пар, пыхтит электростанция, за ней целая гряда отвесных неприступных скал.

— Мы стоим на вершине скалы Грюнвальда, — сказал наш «историк» Юра.

— Грюнвальда? Что это за название, — удивился Шурик.

— Это значит скала зеленого леса, — пояснила ему Вера. — И называли ее так, видимо, потому, что на месте рудника, на вершинах скал и гор когда-то зеленел густой лес. Об этом говорят пни, на которых мы сидим и которые встречаются всюду.

Действительно, пней много. Они торчат даже на улицах поселка, а чуть подальше от домов — их множество, как будто они нарочно насажены. Не трудно представить, какой здесь был раньше лес.

— Важнее не красивое название скалы, а то, что рядом с ней имеется выход пласта бокситов, — и рукояткой геологического молотка Юра указал на середину крутого, склона.

Земля там была бурой, а местами яркокоричневая.

Мы пошли к руднику. От Грюнвальда на север протянулась цепь огромных котлованов, окаймленных

валом из глины и взорванных известняков.

— Какие красивые пласты! — воскликнула Маня, добежав до края котлована. — Смотрите: красные, вишневые, желтые, розовые. Это не залежи боксита, а шоколадный торт.

— Попробуй, откуси, — посмеялись над Маней «геологи» Сережа и Юра. — Шоколадный торт с алюминиевой начинкой! Зубы сломать можно.

Бокситовый пласт лежит на розовом известняке. Сверху его прикрывают черные битуминозные известняки. А между известняками лентами легли бокситы: красные, зеленовато-серые, желтые, вишнево-красные, яшмовидные, белые и множество других.

Казалось, что какой-то неведомой силой сняли с неба разноцветную радугу и запрятали в землю.

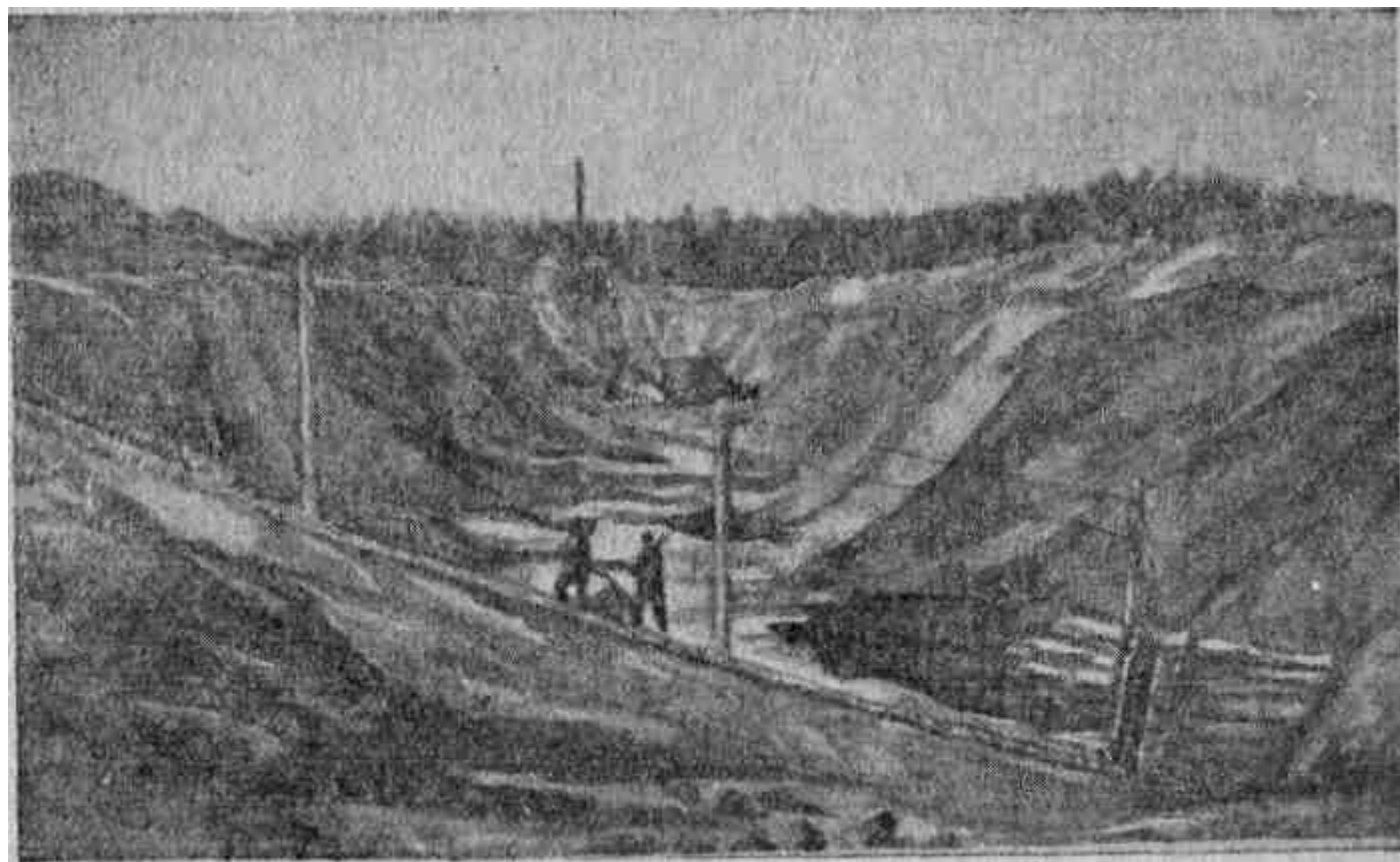
Самый распространенный и богатый по содержанию алюминия вишнево-красный боксит. Он очень некрепкий, пылит, пачкает руки, одежду. Из него-то и состоят шапочки-валуны, попадающиеся на поверхности земли. Местное население еще задолго до открытия месторождения боксита употребляло оолитовый боксит для окраски крыш, не подозревая, что это алюминиевая руда.

Мы присели на груды известняков. Во все стороны, куда ни посмотри, раскинулся богатейший рудник. Чуть поодаль от котлованов — буровая выемка. Около нее лежит множество труб и ящиков. В ящиках собраны белые цилиндры породы.

В боках котлованов чернели отверстия шахт и штолен. По узкоколейной дороге вагонетки возили боксит. Временами из черных отверстий выходили шахтеры, с ног до головы покрытые красной пылью.

В одном из котлованов скрежетал экскаватор, подхватывал породу и отбрасывал в сторону. Открывались оранжевые пласты боксита.

На обнаженный боксит шли рабочие, ломami и кирками отламывали глыбу, дробили и лопатами грузили на автомобиль. Загруженные машины осторожно выезжали со дна ямы наверх.

Разработка боксита ведется большей частью открытым методом и частично шахтами. Чем дальше на север от скалы Грюнвальда, тем глубже уходит в землю пласт. На глубине 95 метров добыча бокситовой руды невозможна из-за грунтовых вод. Тогда с водой начинает бороться техника. Но земля цепко держится за боксит, ставя перед упорными людьми преграду за преградой. На руднике есть шахты, в которые нельзя войти сразу: под землей большое давление воздуха. В такие шахты рабочих опускают так же как водолазов на дно моря: постепенно увеличивая давление. Спуск в шахту продолжается два часа. Только три часа шахтеры работают в забоях, а затем на протяжении двух часов поднимаются вверх, постепенно понижая давление до нормального. Такие шахтеры называются кессонщиками.

— А где применяется боксит? — задал вопрос Эдик.

— Не знаешь, где применяется боксит? — засмеялись ребята.

— А алюминий знаешь? — спросила его Маня. На помощь Эдику пришел Сережа.

— Ничего смешного нет. Из боксита получают не только алюминий. Боксит применяется для изготовления так называемых абразивных материалов.

— Какие такие абразивы?

— Наждак, карборунд — абразивные материалы. Они употребляются для обработки твердых металлов, например, стали. Очень нужен боксит и в некоторых металлургических процессах. Так что смеяться нужно было Эдику, а не вам, — закончил Сережа.

Юра и Сережа тут же сделали анализ оранжевому бокситу: в нем оказалась треть алюминия.

Пора двигаться в обратный путь. Мы решили сократить дорогу, взобравшись от котлованов прямо на скалы. Достигнув вершины, остановились в последний раз взглянуть на рудник, где добывается один из легчайших металлов в мире.

— Посмотрите, какая красивая дорога, вся красная, — воскликнул Юра.

От котлованов убегала в лес удивительная огненная дорога. Мельчайшие красные пылинки боксита покрыли землю, травы, деревья, дома. Высокие сосны и ели утратили свой зеленый наряд и, казалось, пылали под лучами яркого солнца.

Домик на краю дороги горел точно груда углей. Не одну тысячу раз проехал по дороге автомобиль с бокситом, оставляя за собой облако красной пыли.

— А что если бы весь боксит расплавить, отнять от него кислород? — проговорил Юра.

— О, было бы чудесно!

— Все было бы как в сказке, — продолжал Юра. — Вместе с кислородом улетучился бы яркий цвет боксита, и там, где сейчас мы видим красное, остался бы серебряный блеск алюминия. Мы очутились бы в сказочном царстве. Серебром сверкает дорога, возле нее стоят покрытые серебром деревья, и маленький домик казался бы сделанным целиком из серебра.

— И мы поехали бы на серебряной автомашине, — восторгались ребята.

— И шахтеры были бы серебряные!

— Но это только мечты, — разочаровал нас Юра. — Алюминий крепко держит кислород. Больше двух тысяч градусов тепла нужно, чтобы расплавить боксит. — И прежде чем мы очутились бы в серебряном царстве, и дом сгорел бы, и лес завял, и мы превратились бы в пепел. А боксит останется красным.

— Ну, если не состоялось переселение в серебряное царство, идем купаться, — предложил Эдик, и мы пошли к реке.

На вид речушка ничем не отличалась от других северных рек. Узкая, но глубокая. В некоторых местах через нее можно было перепрыгнуть.

Выкупавшись в холодной воде, направились вниз по течению.

Речушка все время кидалась из стороны в сторону, сворачивая от гор и камней. Кусты преграждали нам путь, но с ними мы не считались, только с шиповником обходились поласковее.

За железнодорожным полотном берега дно речушки стало каменистым.

— Ура! — кричали впереди, — пропала!

— Река пропала!

— Обманывают мальчишки, — не верила Вера. — Наверно, «засаду» устроили за скалой.

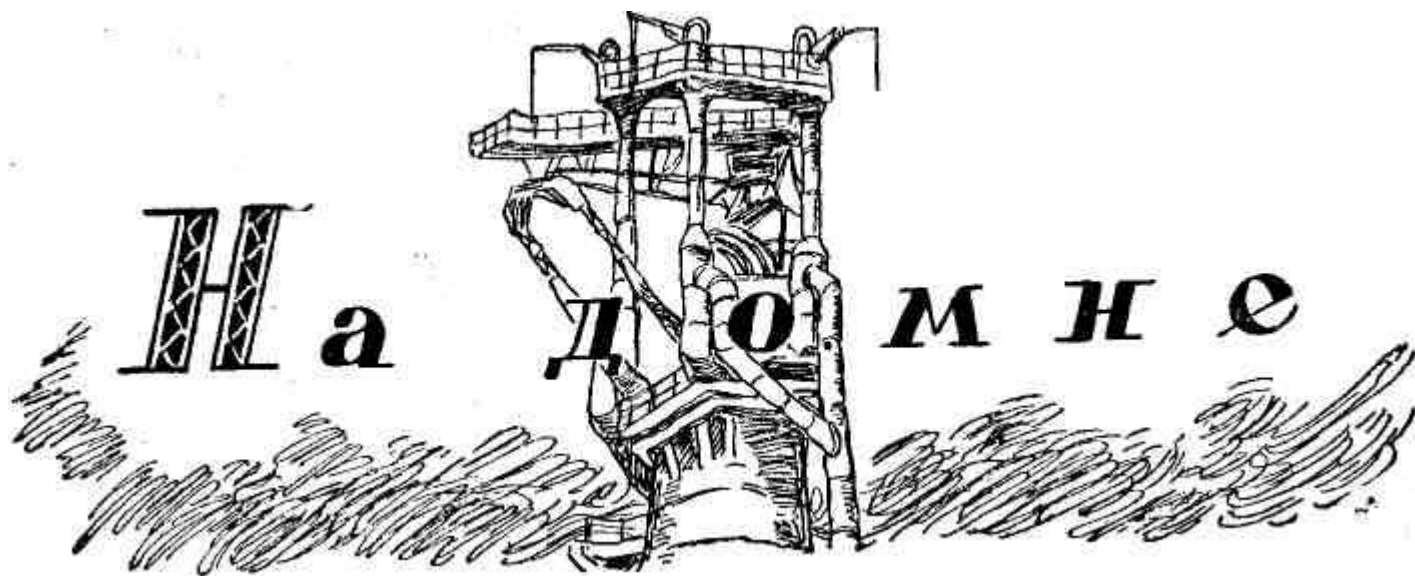
Но у небольшого камня река, действительно, исчезла; на камне сидел Шурик и пел похоронный марш, а Эдик палкой нащупывал подземное русло.

— Спи спокойно, река Сарайная, — шутили ребята.

— Река размыла известняки и ушла в пласт под землю, — предположил Сережа.

— Как бы дорога наша не ушла в известняки, — шутил Эдик. Но в город мы вернулись благополучно. Дорога, на которую мы вышли, не исчезла под землю.

На домне

Давно мы мечтали побывать наверху домны. Как, должно быть, страшно стоять на каменной домне, зная, что под тобой кипит, как вода, расплавленный чугун! Взбирались мы на домну по лестнице, обвитой вокруг железного квадратного столба шириной метров семи, по которому в клетях на домну подается руда. Столб этот с земли кажется очень высоким, верхушка как будто уперлась в небо.

Последние ступеньки. Еле-еле передвигаем ноги. Взглянуть вниз — страшно. Люди кажутся букашками, поезд с вагонами — игрушечным.

Лестница кончается длинным коридором, по которому проложены рельсы. Вагонетки с рудой, поднятые наверх, устанавливаются на рельсы и подаются к отверстию домны.

Итти по коридору было не страшно; но как только сквозь щель в стене промелькнет клочок неба, — высота дает себя знать.

Мы вышли на площадку, где останавливаются вагонетки с рудой. Двое рабочих подтолкнули вагончик к решетке и опрокинули руду на решетку из железных прутьев. Один из рабочих взялся за рычаг и потянул его на себя. Руда с решетки упала вниз, в жерло домны. Оттуда взметнулся синеватый столб огня и растаял в воздухе.

На земле чувствуешь себя увереннее. Мы проходили возле каких-то круглых железных башен. Оказалось, это — каупера. Они выложены внутри кирпичом. В них происходит нагревание воздуха, который идет в домны.

У основания домны — горна — собирается жидкий чугун и шлак. Когда плавка заканчивается, горновые бьют летку — отверстие в домне, и оттуда по канавке, выложенной песком, стремительно бежит жидкий чугун. Рабочие в брезентовых костюмах близко подходят к огненному ручью и помогают продвижению чугуна. Из каждой плавки прямо из-под домны в маленький ковш берется немного металла. Его несут в лабораторию для пробы.

Жидкий чугун бежит по канавке. Он совсем не страшен. Вот один из рабочих опустил синие очки на глаза, взял в руки длинную кочергу и ткнул ею в чугун. Яркий веер искр брызнул вверх. Наконец, чугун дополз до литейного двора. Сноп искр снова сверкнул вверх и погас.

Чугун пошел в обработку.

В подземном городке

60 лет назад на том месте, где сейчас расположен наш город, шумел сосновый лес. Его разрывала на две части узкая, сверкающая полоска реки Бобровки, а на берегу длинным рядом старых изб примостилось село Егоршино.

Тихо текла жизнь в Егоршино. Но однажды копали крестьяне у богатого мужика колодец и вырыли большой черный камень. «Тяжелый, — подумали они, — пуда на два будет». Черный камень не имел ничего привлекательного, но землекопы решили достать его из колодца не разбивая. На диковинный камень сходились смотреть со всего села.

Дошел слух о черном камне и до заводчиков Демидовых. В селе появились, незнакомые люди, осмотрели камень, вымеряли колодец, расспросили и уехали. Вскоре появились они опять и построили на том месте, где колодец был, небольшую шахту. Крестьянам они сказали:

— Каменный уголь это. Заводам он страсть как нужен.

С той поры и стали люди знать о каменном угле в селе Егоршино. Лет через десять начали строить другую шахту, больше первой. Назвали ее Бурсункой в честь речки, которая протекала возле.

Редел лес вокруг села, уступая место шурфам да уклонам, грудам черной угольной породы.

Разведки угля не приостанавливаются и сейчас.

Везде можно видеть следы недавнего бурения. Вышки появились даже на улицах города. Когда все кругом засыпает, тишину улиц спугивает шум бурильных машин. С каждым годом разведчики угля открывают новые и новые запасы топлива в земле. Сейчас начата постройка нескольких крупных шахт.

Мы решили сходить на шахту № 1. Она на окраине города своим черным копром возвышается над домами и заметна издали. Во дворе шахты нас встретил ни на секунду не прекращающийся шум машин.

— Что это так шумит? — спросила Роза.

— Компрессорная машина, — указал Коля Осипов на небольшой домик.

Заходим в подъемный цех. Шум здесь еще больше: работает машина с двумя большими барабанами. Перед машиной на площадке управления, удобно усевшись в кресло, сидит машинист. Его ноги лежат на педалях, в руке рычаг. Он смотрит на приборы, расположенные перед ним. Вот по циферблату круглого прибора быстро бежит стрелка. Почти незаметное движение руки, и бег стрелки замедляется. Одновременно замедляют вращение и барабаны.

Это подъемочный агрегат. Он поднимает из шахты людей и грузы. На барабанах канаты, которые тянут клеть. Когда барабан пустой, клеть от него уходит вниз. А на другом намотан черный канат — клеть стоит наверху.

— А как же канаты движутся по стволу шахты? — спросила Роза.

— Канаты спускают и поднимают клетки по блокам. Эти блоки вы потом увидите.

Перед машинистом тревожно мигнула несколько раз лампочка. Машинист нажал рычаг, и сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее начали вращаться барабаны. Все меньше и меньше становилось каната на одном барабане, а на другой набегали черные кольца.

— А вон они и блоки, — угадал Коля (приспособление для подъема и спуска клетки).

— Ой, да они маленькие, — удивился кто-то из нас.

— Это только так кажется, а на самом деле они раза в два больше человека, — ответил механик.

В компрессорной происходит сжатие воздуха, который затем по трубам подают в шахты для работы отбойных молотков. Воздух для дыхания людей подается также из компрессорной, но он менее сжатый.

Осмотрев компрессорную, мы поднялись в копер. Здесь нас ждала клеть.

— Смотрите, как движутся канаты! — закричала Роза.

Над темным четырехугольным отверстием ствола, чуть вздрагивая, вверх и вниз двигались канаты. Скоро внизу послышался легкий шорох, и из темноты медленно выплыла клеть; легкий металлический щелк, — и клеть остановилась. Стволовой быстро открыл клеть. Рабочие подхватили вагонетку, и она, звонко стуча по железным плитам, выкатилась из подъемной машины. Вагонетка с верхом была заполнена углем. Рабочий покати ее вдоль низкого коридора, а другой так же быстро вкатил в машину порожнюю вагонетку. Стволовой снова закрыл клеть и несколько раз нажал кнопку электрического сигнала. Клеть вздрогнула, звякнула и медленно скрылась вниз.

Мы пошли по рельсовому пути, который шел от стволовой площадки в другую сторону копра. Он привел нас к отверстию, над которым находилось нечто вроде бочки без дна и крышки, а вместе боков было несколько железных прутьев. Приспособление это походило на физкультурное колесо. Внутри вдоль этого колеса были проложены рельсы. Вот вагонетка с шумом вкатилась в колесо и оказалась в «ловушке», ее нельзя повернуть ни туда, ни сюда. Шахтера потянул за прут, повернул колесо, а вместе с ним и вагонетку. Уголь высыпался в отверстие под колесом. Шахтер снова поворачивает колесо, и опорожненная вагонетка стоит в прежнем положении.

— Простая, а хитрая техника, — восхищался Коля. — А теперь что будет с этим углем?

— А вон смотрите.

Теперь уголь упал на наклонный жолоб и по нему покатился на транспортер — движущуюся ленту. Лента эта все время в движении, она ссыпает уголь в специальные приспособления, из которых уголь идет в железнодорожные вагоны.

Когда мы вернулись в горную, из шахты поднималась первая смена. В горной сидели рабочие второй смены.

— Куда же вы такие чистые? — спросил нас начальник шахты, заметив Валю Саукову в ярком сарафане.

— А что?

— Да замараетесь в шахте.

— Ну, это не беда, — весело ответила Валя.

Проводником в шахту нам дали молодого десятника. Он предложил спуститься в шахту по уклону, а обратно подняться в клеть. Мы согласились. В ламповой каждый из нас получил аккумуляторную лампочку

с маленьким светлым язычком пламени. Проводник имел при себе еще и керосиновую лампу «Вольфа».

С лампочками в руках, как настоящие шахтеры, мы направились к уклону. Он находился недалеко от шахты среди куч угольной породы. Это был широкий длинный проход, полого уходящий вниз. Стены его были укреплены толстыми бревнами. Первую часть уклона занимали узкие сходни, а слева пролегла вагонеточная линия, которой сейчас уже не пользовались.

Вереницей один за другим мы начали спускаться по скользким сырým сходням.

— А прохладно здесь, — заметил кто-то из ребят.

— Погодите, жарко будет, — пообещал проводник.

Чем дальше мы спускались, тем темнее становилось. Вначале мы видели маленький квадрат голубого неба, но уже скоро уклон пошел вниз круче, и мы простились с земным светом.

— Здесь осторожно, ребята, а то, того и гляди, скатимся, — предупреждал Коля Осипов, дойдя до места, где поручни были сорваны.

Из-под ног вырываются куски земли и угля и с легким шорохом скатываются вниз. Чем глубже в шахту, тем жарче становилось. На глубине 100 метров стало до того «тепло», что мы вспотели. Сходни неожиданно кончились, и Лева, потеряв под ногами опору, покатился по сырому мелкому углю, едва удержавшись за стойку крепления.

— Придется, ребята, на рельсовку перейти, там лучше, — сказал проводник, и мы перебрались на левую сторону.

По шпалам пошли свободней, но рельсовый путь скоро кончился, и мы очутились на площадке перед кучами угля, среди которых темнел проход.

— Проход в шахту. Он был завален обвалом, но теперь его прочистили, — сказал проводник.

Мы прошли проходом в длинный подземный коридор. Под ногами хрустели камешки и уголь. Вначале можно было идти не сгибаясь, но потом потолок понизился, и пришлось наклоняться.

— Это старая выработка, сейчас в ней не работают, — говорил десятник, пуская светлый зайчик фонаря по темным стенам и бревенчатому потолку.

Мы примолкли. Ведь это та самая шахта, о которой мы столько читали и слышали. Всем наверное хочется послушать, почувствовать дыхание жизни «подземного городка». Но здесь его однообразные темные «улицы» пустынные и тихи.

— Ну как, тепло здесь?

— Сейчас ничего, тепло, — ответил за всех Вова Бабошин, размазывая по лицу вместе с потом угольную пыль, — а вот зимой как?

— Как сейчас, так и зимой будет. Температура почти не меняется, — ответил десятник.

— Действительно, температура ничего, — ворчат сзади ребята, мокрые, как мыши.

Скоро однообразный коридор кончился, выведя нас в просторную выработку.

Старый забой.

Забой был не укреплен, черные стены блестели жирными слитками породы.

— Интересно, под каким местом на земле мы теперь находимся? — спросила Роза.

Десятник назвал улицу: мы находились под центром города.

— А для чего у вас две лампочки?

— Аккумуляторной лампочкой я пользуюсь для освещения, а керосиновая служит для другой цели. В шахте выделяется вредный газ метан, и обнаружить его можно пламенем огня.

Мы направились в небольшой проход. Итти приходилось, сильно согнувшись, по мелкому рассыпающемуся углю. Проводник объяснил, что этот участок имеет уголь с большой зольностью и его пришлось оставить. В некоторых местах приходилось переползать на коленях, в ботинки набивался угольный порошок. Издали доносились слабые удары.

— Вот и рабочие выработки слышно.

Шум не умолкал, было похоже, как будто кто-то встряхивает угли, собираясь поставить самовар. Совсем рядом, у стены мы слышали легкое шипение. Здесь шла металлическая труба, покрытая росистыми капельками, чуть ниже тянулся раздутый прорезиненный мешок. Лева Белов тронул его рукой: мешок был упруг, доотказа наполненный воздухом.

— Посмотрите, как здорово бьет! — закричал Коля, обнаружив в месте соединения двух труб струю воздуха.

Ладонь, поставленная под струю, отбрасывалась в сторону.

— Кто скажет, для чего воздух пускается по двум трубам? — задал вопрос проводник.

— В одной трубе идет сжатый воздух для отбойного молотка, а по другой для дыхания. По-моему, так, — ответил Коля.

— Верно.

Мы снова зашагали по подземному царству угля. Шум становился сильнее. Вот показались две женщины, работающие на навалке угля в жолоб. Жолоб был подвешен к потолку на железных балках неритмично подергивался взад и вперед, проталкивая уголь вниз.

— Что это за штука такая?

— Трясучка, трясучка! — закричала Роза.

Так мы и прозвали рештак «трясучкой».

— А кто ее двигает? — спросил Коля.

— Электромотор. Вот видите два каната, они соединены с приводным механизмом. Они и дергают жолоб.

Мы спустились немного ниже. Здесь проходила узкоколейная линия, на которой стояла вагонетка, и «трясучка» сыпала в нее уголь. Вдруг сзади нас раздался лязг рельс.

— Сойдите с рельс, ребята.

Из-за поворота показался огонек. Это была вагонетка, впереди которой висела лампочка.

— Как дела, Борис? — спросил каталья десятник, когда вагонетка поровнялась с нами.

— Известно, как сажа бела, — ответил тот, улыбаясь, и белые зубы сверкнули на его черном лице. — По-стахановски идут дела.

Мы направились по рельсовому пути. Свернули вправо и прошли в небольшой тупик. Здесь стояла точно такая же «трясучка», какую мы уже видели. В конце этого коридора были небольшие квадратные отверстия, которые уходили вверх. Шахтеры называют их гезенками. Они служат для доставки леса и переброски угля из одной этажной выработки в другую. Мы полезли вверх по гладкому жолобу. Выработка

была настолько узка, что пройти между стеной и жолобом не было возможности.

— По гезенку, ребята, осторожней, не спустите сверху уголь, — предупредил проводник, первый скрываясь в темном колодце.

За ним двигались ребята. Лев Белов и Володя Бабошин были последними. Обождав, пока все забрались в проход, они хотели подойти к гезенку, как вдруг сверху посыпался сначала мелкий уголь, а затем полетели крупные куски. Лев и Владимир прижались к холодной стене, со страхом глядя, как перед ними в тучах пыли падали на железо большие куски антрацита. Вот сейчас один из кусков, который покрупнее, повернет в их сторону и ударит. Когда все стихло, ребята поползли по выработке.

— Ну как, живы? — встретили-их наверху.

— Кто это из вас так постарался страху нам напустить? — спросили ребята.

— Колю Антонова благодарите, — ответила Роза.

В выработке работали женщины. Они сгребали уголь к гезенку, чтобы затем спустить его на «трясучку». Пройдя несколько метров вдоль выработки, мы услышали стук отбойного молотка. А вот и сам шахтер. Весь черный, он сливался с темной стеной угля, и только отбойный молоток, которым он ловко орудовал, блестел металлом. Забойщик, слегка наклонившись вперед, откалывал куски угля. Молоток дрожал и сердито шипел.

Когда мы подошли, забойщик выключил молоток.

— Что, шахтеры, пришли? — спросил он, улыбаясь.

— А вы нас научите, мы пойдем, — за всех ответил Коля Антонов.

— Научить? Это быстро можно. Бери, — сказал забойщик и протянул молоток.

Коля взял молоток и подошел к угольной стене забоя.

— А теперь жми, — учил его шахтер. — Жми!

Собрав все силы, Коля налег на молоток, тот зашипел и всей пикой ушел в мягкий уголь, так что его еле вытащили.

— Нет, ты, брат, не так. Ты не силой, а хваткой бери, — сказала ему шахтер и, взяв молоток, начал бурить. Уголь шумным потоком посыпался к его ногам. — А теперь ты попробуй.

На этот раз у Коли получилось лучше.

— Из тебя хороший шахтер выйдет, — похвалил шахтер. — Кончай школу и валяй в шахту.

Каждый из нас по очереди попробовал бурить отбойным молотком. С первого раза, конечно, не получалось.

Из забоя мы через темный проход вышли в широкий, освещенный электрическими лампочками коридор. Выработка была просторная, со сплошным креплением. Проводник сказал:

— Это главный квершлаг.

— А это что такое?

— Выработка, идущая вдоль угольного пласта.

Мы не дошли до конца квершлага и свернули в наклонно спускающуюся выработку. Это был штрек — выработка, прорезывающая угольный пласт. Мы свободно спускались по широким сходням. Все залито светом, и трудно было представить, что мы находимся под землей в шахте.

На нижнем квершлагe кто-то из ребят крикнул:

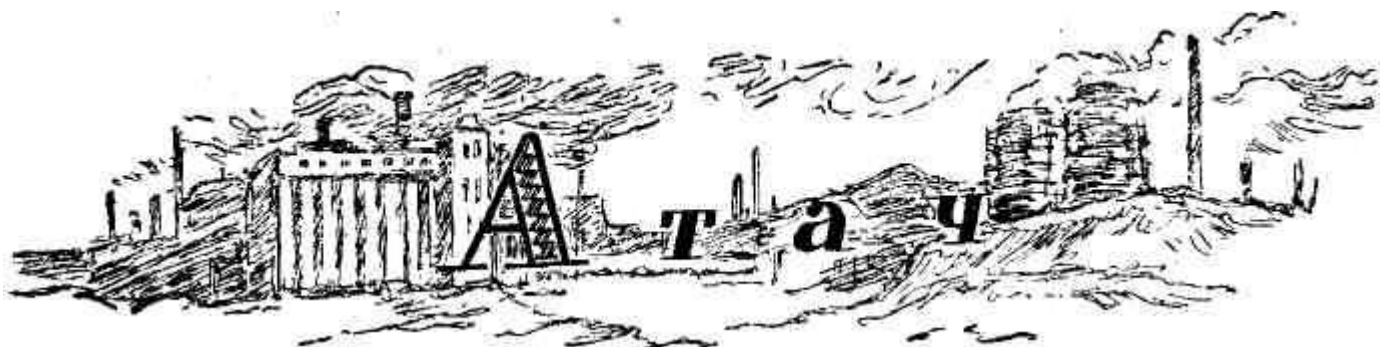
— Ребята, лошади.

— Где? Какие лошади?

В стене забоя помещалась конюшня, в которой стояло несколько лошадей. Лошади жевали сено.

Из шахты мы выбрались к вечеру.

Атач

Кто не знает гору Магнитную? Она прославилась на весь мир, когда впервые к ее подножью пришли строители Магнитогорского металлургического комбината. Точно в сказке, за несколько лет в сухой степи, у горы Магнитной вырос огромный завод и большой красивый город.

Горы Магнитной, как таковой, нет. Но есть три горы — Атач, Узьянка и Дальняя. Их-то и прозвали горой Магнитной.

Обогнув агломерационную фабрику, начинаешь подъем на Атач. Здесь расположены разработки руды для завода.

Вступив на гору, очутишься среди шума машин, журчания буров, стука электрических молотков, визга экскаваторов. Рудники Атача работают день и ночь. Тяжело громяхая, мимо промчался электровоз с вагончиками, наполненными доверху рудой. Скоро из этой руды в домнах и мартенах люди получают чугун и сталь.

С горы Магнитогорский комбинат виден, как на ладони. Отсюда до завода далеко. Шума его не слышно. Только над высокими трубами собираются белые и черные облака дыма. За комбинатом блестит на солнце перегороженная, взятая в плен плотиной, Урал-река, которую в старину казаки называли Яиком. Еще дальше, за синей цепью поднялся Уральский хребет.

Гора Атач совсем не походит на гору. От подножья до вершины она изрезана экскаваторами, которые оставили на ней уступы и террасы. Эти уступы похожи на огромную лестницу, по которой великаны поднимаются на гору. Сейчас гора походит на незаконченную пирамиду, воздвигаемую каким-нибудь фараоном.

На каждом уступе работает экскаватор. Он вырывает уступ в десять метров высотой. Не на всех террасах работают одинаковые электрические экскаваторы. Самые мощные экскаваторы, марки «Би-120». Они могут брать в ковш сразу три кубических метра руды. На некоторых уступах работают экскаваторы марки «Марион». Вагонетку электровоза экскаватор нагружает в пять минут, а раньше восемь рабочих грузили за восемь часов работы. На горе Атач стахановцы-экскаваторщики нагружают за смену до сотни вагонов. Если перевести эту погрузку на ручной труд, то потребовалось бы восемьсот рабочих и двадцать пять дней круглосуточной работы.

В рудниках добывают руду неодинаковой полезности. Самая богатая руда содержит железа до семидесяти процентов.

Запасы руды на горе Атач настолько велики, что сейчас в переработку берут только мартеновскую и доменную руды. Остальные руды, в которых железа содержится меньше, чем наполовину, сваливаются в отвалы. Отвалы эти походят на большие горы.

Вон на угоре стоит канатно-ударный станок. Эти станки похожи на подъемный кран. Только он поднимает и опускает штангу на длинном тросе. Этой штангой станок бурит землю. Когда штанга пробьет отверстие в десять метров глубины, в выдолбленные дыры закладывается аммонал. Подготовка к массовому взрыву руды проходит долго, а когда подходит момент взрыва, гора Атач пустеет, с нее снимают даже железнодорожные пути, и город Магнитогорск дрожит от гулких и сильных взрывов.

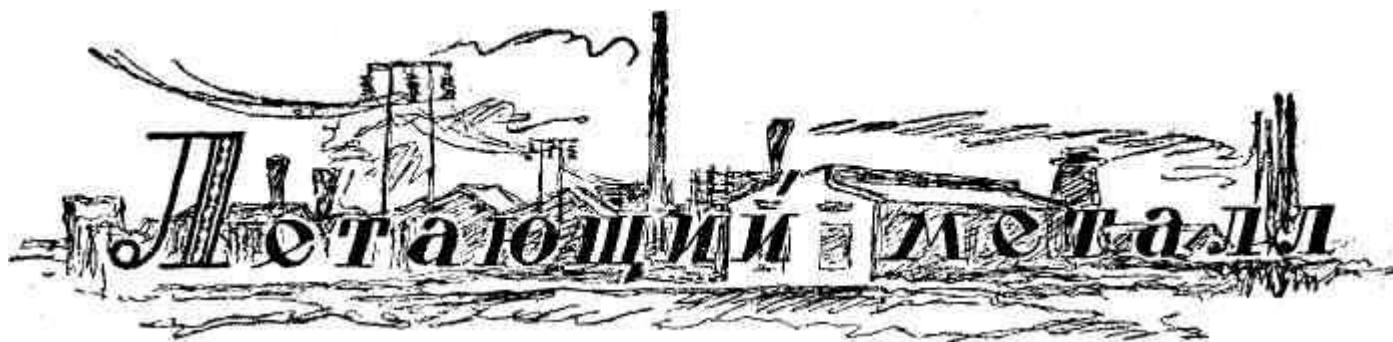
Не успеют затихнуть последние взрывы, как на гору снова ползут экскаваторы, расчищают уступы и террасы. Вслед за ними выходят электровозы, укладывается рельсовый путь, и руда в саморазгружающихся вагонетках непрерывным потоком направляется к дробильной фабрике. Здесь руда сортируется на три сорта. Мелочь отправляется на аглофабрику, где измельченная руда спекается в большие глыбы. День и ночь к домнам и мартенам комбината от аглофабрики и с дробилки мчатся паровозы с большими составами хоперов, нагруженных рудой.

Много лет работает гора. Тысячи тонн своего тела теряет она в сутки, а незаметно, чтобы гора стала меньше!

Жарким степным летом и холодной уральской зимой оживленна и шумна Атач. Везде, куда ни помотришь, — гудит, трещит, шумит. Кажется, словно не гора это, а большой муравейник.

Был вечер. Глухие взрывы на Атач не прекращались ни на минуту. Солнце село за горы, и землю окутал полумрак. Неожиданно небо вспыхнуло красным заревом. Это на комбинате после плавок сливали шлак в реку Урал.

Летающий металл

Вагоны, тяжело нагруженные красным бокситом, движутся по железным дорогам Урала, направляясь в город, где рождается металл, летающий в воздухе — алюминий.

Состав подается в крытую биржу глиноземного цеха. Отсюда начинается удивительное путешествие красных бокситов. В глиноземном цехе есть чему удивляться, есть чего смотреть. Но чтобы посмотреть все, нужно много времени. Сколько интересных механизмов, предназначенных для обработки бокситов, расположено под гигантской крышей глиноземного цеха алюминиевого завода! А цех занимает площадь в шесть гектаров.

Из вагонов бокситы попадают на сушку. Здесь из них изгоняется влага. Затем оранжевые куски алюминиевой руды в больших цилиндрических печах-барабанах и на машинах-дробилках размалываются в мельчайшие частицы. Отсюда красная мука попадает в закрытые котлы — автоклавы, где ее нагревают паром и при помощи раствора едкого натра отделяют глинозем — вещество, содержащее в себе большой процент будущего металла.

В глиноземном цехе можно пройти несколько сот метров под «потолком», взобравшись по крутой лестнице вверх высоких огромных чанов, в которых переливается, журчит и клоочет растворенный боксит. После долгих мытарств красный поток подается на фильтропрессы, где он пропускается через сложную машину, отделяющую алюминат от красного шлака.

На этом не кончается путешествие боксита. С прессов он подается насосами в осадительные чаны. Внутри такого чана можно поместить большой дом, театр вместе со сценой и зрительным залом! В чанах происходит гидролизный процесс, во время которого алюминат разлагается и дает гидрат окиси алюминия.

Путешествие боксита «на красной стороне» продолжается шесть дней. На всем протяжении сложного оборудования гигантского глиноземного цеха механизмы, машины, люди, лестницы, одежда — все покрыто налетом красной пыли. Оттого глиноземщики и называли первичную стадию обработки бокситов — «красной стороной».

Из чанов получается белый порошок, похожий на крупчатку. Это и есть глинозем — окись алюминия. С этого момента в процессе работы начинается «белая сторона».

Глинозем отправляется на прокалку. Представляете ли вы котел диаметром в несколько метров и протяжением на восемьдесят метров? В таких котлах, нагретых до температуры плавления, глинозем окончательно освобождается от влаги. Котлы медленно вращаются, гудят, скрежещут, дышат жаром, а внутри их, пересыпаясь, сохнет глинозем. Возле котлов прокалки стоять страшно. Что, если сорвется эта громадина весом в несколько сот тонн и упадет?

Окончательный процесс получения алюминия из белого глинозема происходит в электролитных

ваннах. Он называется электролизом.

Электролитные ванны походят на железные ящики, выложенные внутри угольной массой. Когда загружают глинозем, в ванны пускают электрический ток. Глинозем плавится, и через определенное время электролизники производят отлив готового алюминия. Легкий, белый металл наливается в ковши и отвозится к разливочной машине. Через полчаса из разливочной машины со звоном падают на чугунный пол длинные слитки летающего металла. Если слиток белый, значит алюминий первого сорта, если же он отливают голубым цветом, искрится, — высший сорт.

В уральском лесу

В уральском лесу

За пригорком тонет
Рудничный поселок,
Лишь оттуда вьется
Сизый дым.
По лесной дороге
Я иду веселый
И люблюсь лесом молодым.
Этот лес кудрявый.
Ветер и покосы.
Залитые блеском
Солнечных лучей,
За веселый гомон,
Шум разноголосый
Я люблю, как близких
Дорогих друзей!
Зашныряет по лесу
Шустрая кедровка,
Сядет на вершину
Темного кедра...
Там, в лесу дремучем,
Лесозаготовка
Закипает с самого утра.
Утром перебранку
Начинают пилы,
И друг другу звонко
Вторят топоры,
И не помнят даже
Наши старожилы
Краше этой радостной
Солнечной поры.
Слышу, как щебечут
Радостные птицы,
Вижу я подсочку
На стволах сосны:
— Это добывают
Липкую живицу
Для заводов нашей
Боевой страны.

Вода-шахтер

Бушевала метель.

— Погодка! — ворчал возница, помогая родителям Вити Дубова укладывать вещи в сани.

В Дегтярку приехали поздно ночью. Кругом множество огней, да порой при свете прожекторов проступают из мрака силуэты рудничных построек, копры шахт.

Наутро Витя решил осматривать местность. Он увидел высокие горы, крутые лога, лес.

— Вот здесь я покатаюсь на лыжах.

Ребята, в обществе которых Витя отправился на лыжную прогулку, увидели, что их новый товарищ — хороший лыжник.

— А на коньках умеешь? — спросили они.

— Где у вас каток?

— Пойдем с нами.

Около шахты протекала какая-то речушка, на ее льду и катались ребята.

Надев «гагены», Витя отправился с товарищами на ледянку.

Поздно вечером, вернувшись с катка, Витя сделал дома «открытие», которое его немало удивило. Обтирая тряпкой коньки, он заметил, что лезвия, до этого сверкавшие никелем, стали медными.

— Что такое? Неужели я отбил никель на льду? Не может быть. Да и коньки не делают из меди?

Витя провел напильником по лезвию, и странное дело: от него отделились узенькие оранжевые полоски. Витя поднес их к свету и долго разглядывал: медь, тоненькая пленочка меди.

Откуда же она появилась? Не могла же она прилипнуть к конькам.

Так Витя и не смог объяснить, в чем тут дело.

Он укладывался спать, когда с работы пришел отец. Витя рассказал случай с коньками.

— А ты где катался? — спросил отец и, получив ответ, сказал:

— Это вода из шахты, попала в речушку и покрыла медью твои коньки. Дело в том, что подземные воды, просачиваясь в медоносной породе, размывают ее, образуя раствор медного купороса. Когда эта медесодержащая вода вступает в соприкосновение с железом, происходит химическая реакция — замена железа медью. Железо растворяется, образуя железный купорос, а медь осаждается на освободившемся месте.

Отец вынул из кармана перочинный ножик.

— Вот посмотри. Я взял нож в шахту, попал он в мокрое место, и вот что случилось с ним.

Ножик был покрыт тонким слоем меди.

— Вот что творит медесодержащая вода, — продолжал отец. — Зловредная вода. Нам, шахтерам, она доставляет немало хлопот. Спецодежду, которой обычно хватает на год, мы, работающие в сырых медных рудниках, изнашиваем за полгода. Ведь эта же вода, по сути дела, — раствор серной кислоты. Слабый только. Да что там одежду: железные части насосов, рудничное оборудование из железа, все растворяет.

— Действительно, зловредная вода, — согласился Виктор.

Но спустя некоторое время ему пришлось составить себе другое мнение о меденосной воде.

В зимние каникулы Витя поехал в Свердловск и в поезде услышал разговор двух пассажиров. Разговор очень его заинтересовал.

Соседи по купе беседовали о рудничной воде.

— Сколько этой воды, откачиваемой из шахт, без пользы пропадает в болотах, куда она стекает! Миллионы, если подсчитать, выброшены на ветер, — говорил один из пассажиров.

Вите не удалось дослушать беседу до конца, но определенная догадка зародилась у него в голове.

«Вероятно, речь шла о добыче меди из рудничной воды».

Предположение оказалось правильным. Осенью все стало ясно.

Ежедневно, направляясь в школу, Витя перепрыгивал через канаву, по которой текла вода, откачиваемая из шахты.

Однажды вместо канавы он увидел длинные желоба, наполненные доверху железными обрезками. Витя догадался, для чего протянули желоба, здесь начали добывать медь из воды. И каждый раз, проходя мимо желобов, он с интересом наблюдал, как вода омывала обрезки, покрывая их пленкой меди.

Как же все-таки собирают медь? Наверно, где-нибудь установлены машины. Вот бы посмотреть.

Он решил сходить на гидроустановку.

«Вот, вероятно, в этих строениях находятся механизмы», — подумал Витя, придя на установку. Но строения — небольшие деревянные бараки — оказались служебными помещениями, никаких машин здесь не было. Техник, работающий на установке, улыбнулся на его вопрос.

— Где же механизмы?

— Вот все тут.

Он показал на желоба, наполненные железными обрезками.

Около желобов стояли рабочие и ломиками ворошили обрезки. Техник повел его на плотину, отгораживающую небольшой прудок. Все производство отсюда было видно, как на ладони. Вдали за насыпью железной дороги возвышались металлические копры шахт.

Из шахты откачивается медесодержащая вода, которая раньше уходила в речку неиспользованной. В каждом литре этой воды в среднем полтора грамма чистой меди в растворенном состоянии. За час из шахты откачивается сто пятьдесят кубометров воды. Сколько тонн меди терялось зря!

Вода из шахт, напитавшись медью, откачивается в пруд, а отсюда ее направляют по желобам, наполненным обрезками железа. Обрезки эти называются с к р а п о м.

В желобах, между медью и железом, происходит реакция замещения. Медь выпадает в осадок на железо, а железо растворяется в воде.

Частички меди отрываются от железа и уносятся водой. Но медь теперь уже никуда не уйдет. Вдоль желобов устроены маленькие прудки — отстойники. Вода в прудках течет медленно, и тяжелые частицы меди оседают на дно. Те, что не успели осесть, вновь проходят в жолоб и остаются или в жолобе на железе, или оседают в следующем отстойнике.

Время от времени вода из прудков откачивается, и медный осадок выбирается из отстоя лопатой. Это и есть почти чистая, девяностотрехпроцентная медь. И без всяких машин, без затраты какой-либо энергии, топлива. Это совершенно бесплатный дар природы. Тут все делает вода. Она — разведчик меди, она строитель шахты; она — шахтер; она — клеть, поставляющая руду на-гора! Она — металлург; она — инженер-химик; она — все! Вода доставляет чистейшую медь.

Удивительный завод! Удивительная промышленность. И называется она удивительно: гидрометаллургия. Вода и жар. Подземная холодная вода и жар домны, где плавятся металлы.

Товарищу

Мой товарищ! Ты вспомнил, наверно,
Как мы вместе ходили гулять,
Как алела заря постепенно
Перед тем, как светилу пылать.

Как текла бархатистая Кама,
Как скрывал нас таинственный лес,
Как тропинка взбиралась упрямо,
Забега под купол небес.

Как стихи мы с тобою писали
Вечерком у большого костра,
Как мы парус с тобой подымали,
И качала нас Кама-река.

Глава четвертая

В НЕДРАХ ГОР

Походная

Походная

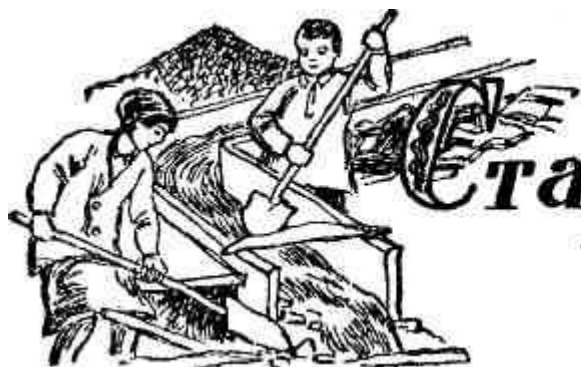
Идем, изучая природу,
Сбирая уральский фольклор.
Уходим в большие походы
К лесам и хребтам дальних гор.

Нас встретят поля и поляны,
Отроги скалистые гор,
И пламенем вспыхнет багряным
В лесу на привале костер.

И все, что увидим, услышим,
О всем, что придется встречать,
В тетради, блокноты запишем.
Узнаем, что можно узнать.

Обшарим гранитные скалы,
Породу попробуем рыть
И в трещинах гор минералы
Сумеем найти и добыть.

Старатели платины

Старатели платины

На прииске Сольва, заброшенном в глухой тайге Северного Урала, добывают редкий, дорогой металл — платину.

Мы, группа ребят из серовского Дома пионеров, пришли на платиновый прииск посмотреть и, если можно, самим попытаться — попробовать добыть платину. В геологической коллекции у нас не было ни платины, ни золота.

Десятник старателей, выслушав нас, с улыбкой сказал:

— Что же, это можно. Сегодня одна бригада выходная — вставайте вместо нее, промойте сотню тачек породы, а что добудете — ваше будет.

Ребята запротестовали:

— Чего там сотню тачек! Мало! Тачек триста надо промыть.

Десятник остановил:

— Не горячитесь. Начните, а там видно будет, на сколько вас хватит. А только сдаюсь мне, что и сто тачек вам, пожалуй, не осилить.

— Нет, нет! Сто тачек минимум!

— Ну хорошо. Сколько вас «старателей»?

— Тринадцать. Четыре девочки, остальные мальчики.

— Девочки пойдут на промывку в вашгерте, двое ребят в верхний забой, четверо в нижний, а трое будут подвозить тачки.

В верхнем забое — «вскрыша» — снимают пустую породу с пласта, в котором обнаружено присутствие благородного металла. Пустую породу в тачках отвозят на отвал.

В нижнем забое, в платиноносном пласте, грузились тачки, порода отвозилась и сваливалась в люк, где постоянно течет вода. Сильные струи ее размывают землю, размельчают комья, уносят глину и наиболее легкие породы.

Из люка промывальщики проталкивают породу к металлической решетке с бортами — вашгерту. Здесь промывка кончается. Из вашгерта водой уносятся все посторонние примеси. Здесь же окончательно обмываются камни, которые выбрасываются в отвал.

Через решетки в нижнее отделение вашгерта просачивается тяжелый черный песок — шлих — спутник платины. Где-то в нем прячутся крупинки ценного металла. Но пока в шлихе платины не видно.

Всем хотелось быть поближе к месту, где появится платина. Особенно неохотно шли ребята в верхний

забой.

— Подумаешь, возить пустую землю, зная, что там ничего хорошего нет. Очень интересно!

На вскрышу отобрали самых крепких, здоровых.

Неудачи начались с вскрыши. Наш «силач» Валя Селиваненко, нагрузив тяжелую тачку, бойко повез ее по узким сходням, перекинутым над нижним забоем. На середине сходен тачка опрокинулась, рукоятка ее толкнула Валью в бок, и он полетел вниз с четырехметровой высоты.

Валя упал на мягкий песок и ничуть не пострадал, но рвение его заметно понизилось.

Потом стал «бузить» нижний забой. Вася Бабинцев, поработав кайлом около большого куска крепкой породы, сел отдохнуть и влил в бригаду первую капельку яда:

— Может, не стоит сто тачек мыть, ребята? Зачем нам такая уйма платины? Для коллекции и полграмма хватит. Что мы, Рокфеллеры, что ли? Не будем жадными.

«Женская» бригада на промывке, ворочая землю лопатами, сначала смеялась над «забойщиками» и «отвальщиками».

— Отстаете, работнички, — кричали ребятам Вера и Тамара, работавшие у люка.

— Забойщики, подтянитесь! — вторили от вашгерта.

Но их хватило не надолго. Когда Валя привез сорок пятую тачку, в «женской» бригаде был прорыв: земля завалила люк. На помощь девочкам встал десятник.

Вот промыта последняя тачка. Мы сгрудились возле вашгерта. Десятник, занялся вторым помещением вашгерта, где на наклонных досках, перегороженных брусьями, собрался шлих. Наступил самый интересный и трудный этап работы — доводка.

Десятник уменьшил доступ воды на доски и сгреб щеточкой весь шлих в одну кучу. Среди черного песка искрились неуловимым цветом дорогие крупинки платины.

На шлих снова была направлена тонкая струя воды. Песок под напором струи уносился с досок, а тяжелая платина оставалась. Эта операция продолжалась томительно долго. Нам казалось, что мы вообще зря промывали землю, так как на досках почти ничего не осталось.

Наконец, доводка закончена. Особым совиком десятник собрал наши труды. Многие из нас не знали даже цвета платины. Некоторые думали, что она светлая как стекло, блестящая как зеркало, а другие представляли ее желтой как золото, только немного покраснее.

Все мы ошибались. В совике лежала маленькая грудка серого, как сталь, металла.

— Ничего примечательного, верно? — засмеялся десятник. — Серенькая, как железо. А дороже золота. Знаете, ребята, если бы платины в земле было много, ее бы употребляли для всевозможных поделок. Платина очень тягучая и ковкая. Из одного грамма платины можно вытянуть провод длиной в несколько метров. Пойду, взвешу итог вашей работы, — закончил он.

За четыре часа промывки мы добыли 2,4 грамма платины!

Ну и добыча! А перед началом работы нам казалось, что мы непременно найдем такой же самородок, какой нашли несколько лет назад старатели в том самом месте, где мы работали. Самородок весил больше килограмма. Правда, это было золото, но сейчас, огорченные малым количеством добытой платины, мы взяли бы и золото.

Вернулся десятник; он принес в ватке маленькие самородки платины и золота для нашей коллекции.

Волшебный камень

Мы идем из села Воскресенского на озеро Аракуль. Позади остались добрых тридцать километров пути, но Аракуля все еще не было.

Скоро попались горы. Поднявшись на одну из вершин, полюбовавшись чудесным видом пестрых вершин Уральского хребта и озер Зауралья, мы стали спускаться по крутому склону.

Наткнулись на россыпь кусков слюды черного цвета. Немного подальше вместо россыпи стали попадаться огромные черные глыбы необыкновенной слюды.

Мы устали. Где это Аракуль и что за горы, в которые мы попали? Да не все ли равно. Теперь нам хотелось только отдохнуть и покусать.

Солнце было уже над горизонтом, и дневная жара спала. Решили развести костер. Пошарив на всякий случай еще раз по карманам, мы не нашли ни куска хлеба. А есть хотелось. Разговор не получался.

Шурик схватил с досады маленький кусочек той самой слюды, что мы видели, спускаясь с горы, и бросил в костер.

— Чудно! Какая-то черная слюда, — равнодушно сказал он.

Слюда шлепнулась в середину огня, подняв искры.

— Я скоро буду грызть ботинки, — опять проговорил Шурик.

— Зажарь на костре — вкуснее будут, — попробовал пошутить я.

Но тут я взглянул на огонь, и слава застряла у меня в горле. Маленький кусочек слюды ожил, зашевелился и стал медленно увеличиваться.

— Что за штука! — закричал я. — Почему он дышит?

Шурик взглянул на костер, и я увидел, как глаза его стали тоже расширяться.

Черная слюда продолжала надуваться.

Тут мы словно сговорились, враз начали отступление от костра. Конечно, это слюда, она не взорвется, но кто ее знает...

Отползли. Сидим за камнями, наблюдаем.

Кусок слюды продолжал шириться и раздуваться, вытесняя из костра головни и угли.

— Как на хорошей опаре!

— И когда его разорвет? — отозвался Шурик. — Смотри, как раздуло!

— Раз в десять увеличился. Ну, и камень!

Спустя некоторое время мы осмелели! Страх прошел. Да и кусок больше уже не увеличивался.

Вытащили его из костра. Огромный камень оказался легким, как перо. Из черной слюда стала ярко-золотистой.

— Вот штука!

— С чего бы это она?

— Давай еще попробуем?

Мы бросили в костер еще несколько кусков. Результат тот же: камни растут, как на дрожжах.

В суматохе забыли про еду и про усталость.

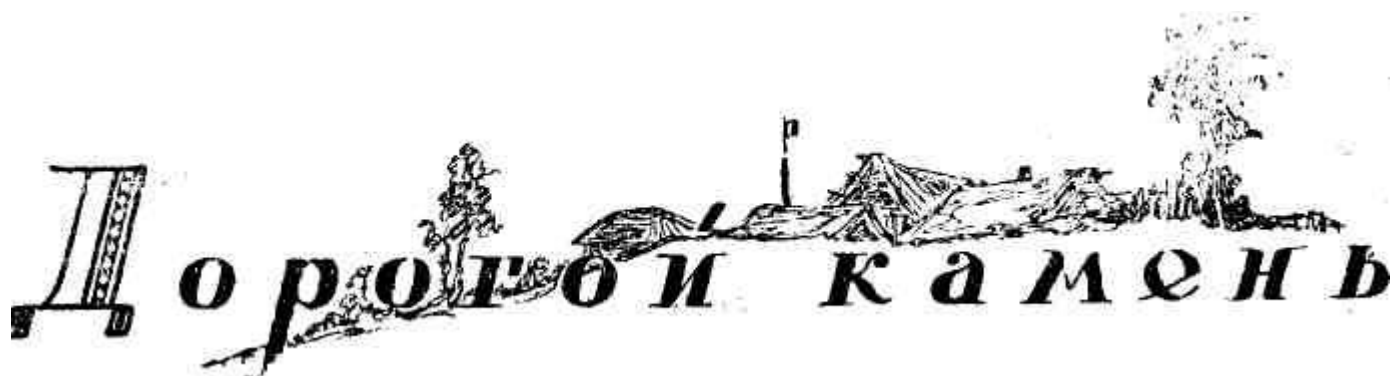
Сбегали вверх, скатили большую глыбу и поместили ее на костер. Вскоре глыба стала больше, как баня.

Насытившись необыкновенным зрелищем, мы принялись исследовать, где и в каком количестве залегает волшебная слюда. Оказалось, что такой слюды здесь очень много, залегает она под тонким слоем земли, а местами выходит на поверхность.

Уже потом мы узнали, что горы, где мы плутали, входят в хребет Вишневых гор, а черная слюда, которая так хорошо и необычайно жарилась на костре, называется *в е р м и к у л и т о м*. Из этой слюды делают «золотые» и «серебряные» порошки, которыми украшают елочные игрушки. Из нее же делают электроизоляционные плиты.

Дорогой камень

Возле дороги тянется лес. Но вот он расступается, и перед нами высокий копер главной шахты и поселок Изумруд. Мы там, где добывают самый прекрасный в мире камень, о котором в старину говорили, что «никакая вещь зеленее не зеленеет».

Спускаемся в шахту. При свете электрических ламп блестят мокрые стены. Под ногами хлюпает вода. По шахте разносятся мерные удары поршней и клапанов насосов, откачивающих воду.

Поднимаемся по лестнице, сворачиваем в какой-то ход. Темно. Показывается огонек. Мы в забое. Оглушительно трещит пневматический отбойный молоток. Забойщик вгрызается им в толщу породы.

— Вот в этих слюдянистых сланцах, — говорит забойщик, показывая на глыбы камней, — и содержится изумруд.

— А много ли его вот в этой глыбе? — вырывается у кого-то наивный вопрос.

Забойщик улыбается.

— Немало породы приходится переверотить, чтобы найти драгоценные кристаллы. И в этой глыбе, что я обуриваю, они есть. Но как я богат — не знаю. Камни эти оттого и драгоценными слывут, что мало их, да и прячутся они от человека хорошо. Тайный камень.

Мы осматриваем куски породы. В них вкраплены зеленые камешки.

— Изумруды!

— Это берилл, ребята! Изумруд — тот же берилл, но только красивее. Прозрачные, а не мутные кристаллы берилла — драгоценные камни.

Вдалеке гремят взрывы. Это динамитом рвут породу.

Мы садимся в клеть и поднимаемся вверх. Теперь нам остается проследить дальнейший путь изумруда.

Поднятые из шахты вагонетки с породой идут на обогатительную фабрику; подземная жизнь драгоценного камня окончилась.

На фабрике порода поступает в дробилку, а затем ее перемывают в бутарах — в круглых железных цилиндрах, которые вращаются в кожухах, омываемые все время водой.

Очищенные от слюды куски породы попадают на наклонные столы, по которым они движутся, увлекаемые струями воды. За столами сидят женщины-отборщицы. Они разбирают породу лопатками: в одну сторону — сланцевую, пустую породу, в другую — зеленую, берилловую и изумрудную. Отобранные самоцветы затем тщательно просматриваются контролерами.

Знатоки самоцветов — контролеры — щипчиками откусывают мутнозеленые кристаллы, выбирая из них драгоценное зерно, отбрасывая ненужную «зелень».

На гранильной фабрике над станками склонились мастера. Вращая ручку на правой стороне станка, гранильщики приводят в движение небольшой диск, похожий на патефонную пластинку.

Вот мастер, прикрепив сургучом кристалл изумруда к деревянной «шпильке», подносит ее к диску.

Одна за другой наносятся на камень безукоризненно правильные грани. Изумруд получает окончательную форму.

Побывав в искусных руках мастера, он ожил, засверкал, заискрился. Теперь он стал драгоценным камнем.

Изумрудные копи на Урале открыты больше ста лет. В 1831 году белоярский крестьянин-смолокур, Максим Кожевников бродил по тайге в поисках смолистых пней и валежника. В корнях вывороченного ветром дерева он нашел несколько зеленых, чистых кристаллов.

«Баские какие, — подумал Кожевников и сунул камешки в карман. — Снесу ребятишкам. Пускай играют».

Случилось проезжать через деревню, в которой жил Кожевников, знатоку самоцветов.

Прогуливаясь по деревне, проезжий увидел на окне одной избы маленькие зеленые камешки. Под окнами дети играли такими же камнями. Проезжий осмотрел камни и ахнул: оборванные ребятишки играли драгоценными изумрудами.

— Где вы взяли эти камни? — спросил проезжий.

— Тятка из лесу принес.

Проезжий вызвал Кожевникова, расспросил, где он нашел «баские» камни.

— Продай мне эти камни.

Удивился смолокур: барин давал за них большие деньги. И, продав свою находку, Максим долго смотрел вслед чудному барину, купившему эти немудреные камешки.

Через некоторое время изумруд, найденный смолокуром, попал к начальнику Екатеринбургской гранильной фабрики. Он убедился, что в его руках чистейший изумруд, и немедленно поехал с партией рабочих на место находки. Начали бить шурфы и нашли изумрудную жилу. Так было открыто величайшее в мире месторождение изумрудов.

Возвращаясь с копей, мы несли в карманах пригоршни мутных зеленоватых камешков, набранных в шахте. Это берилл. Может быть, из тысячи таких невзрачных камешков на коях выбрали одно-два зернышка изумруда, а остальную «зелень» выбросили.

Но скоро и она пойдет в дело. Нашей промышленности для легких и прочных сплавов нужен металл бериллий.

А его можно добывать из берилла — этого «негодного изумрудного сырья», которое до сих пор шло в отвал.

ДЖИГИТОВКА.

Скульптура ученика 6 кл. О. Посохина (г. Молотов).

Гранит или аметист?

Жарким выдалось лето 1937 года.

Я и мой друг Петя Васильев отправились на сушилку колхоза имени Свердлова — снести матери обед. Пыльная дорога накалилась горячим солнцем. Знойно и душно. Нас обгоняет лошадь, запряженная в телегу. Я рассеянно смотрю под колеса, поднимающие облака пыли. Вдруг из-под колымаги, сверкнув необыкновенным светом, отскочил маленький камешек. Я поднял его с земли.

— Петька! Что это? Гляди.

— Гляди за каждым камнем, — отозвался мой друг, — их тут видимо-невидимо. За каждым не углядишь. А ну, дай погляжу.

Я протянул находку. Он не стал разглядывать камень, размахнулся, подпрыгнул и швырнул на кладбище.

— Ну, и иди теперь один на сушилку.

— А ты?

— Я за камнем.

Необыкновенный камень искал я долго. К вечеру я нашел его возле братской могилы и второй раз взял в руки. Такой камень стоило искать: теплый, фиолетовый. Так светит синяя лампочка. Казалось, что, поместившись на ладони, он грел ее.

Так я нашел первый камень для своей коллекции. Но как он назывался, — я не знал. В то время я думал, что самый драгоценный камень — гранит, он тоже красивый, и решил назвать свой камень гранитом.

Принес его домой и наклеил этикетку: «гранит, найден 12 июля 1937 г., с. Черемисское».

Однажды к папе приехал работник бокситового рудника — Федор Игнатьевич Пилипченко. Он хорошо знал минералогию и мог определять камни. Узнав, что я собираю коллекцию, он попросил:

— А ну, Доля, покажи свои богатства?

Я притащил ящик. Вынув фиолетовый «гранит», он опросил меня:

— Что это за минерал?

— Гранит, — неуверенно ответил я.

— Нет, этот камень подороже стоит. Называется он аметист.

— А куда он годен?

Федор Игнатьевич рассказал, куда идут аметисты, изумруды, рубины и другие драгоценные камни.

— Ты про рубиновые звезды Кремля слышал? Так вот их из уральских камней делали. Камни нашли в земле, а гранильщики в Свердловске обточили их в звезды.

Рассказал мне Федор Игнатьевич много интересных историй о драгоценных камнях, о погоне людей за ними.

Особенно запомнилась мне одна история, случившаяся на Урале давным-давно.

Жил в Свердловске скупщик драгоценных камней Ульянов. Слава о нем, как о знатоке дорогого камня, далеко шла. К нему приходили все, кто находил аметисты, изумруды, топазы, аквамарины.

Пришел однажды крестьянин из села Баженово и показал изумруд, который он нашел во время вспашки огорода. Изумруд был редкой красоты и необычайной величины: в половину спичечной коробки. Крестьянин не понимал толку в камнях, и Ульянов обманул его.

— Не чистый камень. Хочешь, дам восемьдесят рублей.

Крестьянин согласился. Через несколько дней Ульянов показал камень известному в то время екатеринбургскому гранильщику Решетникову.

— Продай, — попросил Решетников.

— Восемьсот рублей.

— Через пять дней получишь деньги, — ответил Решетников и забрал камень.

В тот же день он огранил его на фабрике, и гранильщики предложили за изумруд семь тысяч рублей. Решетников не согласился, зная настоящую цену камню. Он поехал в Петербург и продал изумруд купчихе Берг за двенадцать тысяч рублей. На этом не закончилась история уральского изумруда. Через год купчиха Берг продала изумруд во Францию за тридцать пять тысяч рублей.

Вот какие истории скрываются иногда за маленьким камнем.

Прошло около года. Я продолжал пополнять свою коллекцию, часто отправлялся искать минералы. Но правильно говорят искатели драгоценных камней, что счастье приходит внезапно и не там, где ты его ищешь. В своем дворе около бани я нашел второй аметист. Он был меньше первого, но гораздо красивее, стенки его были кристаллизированы. О находке я сообщил в Свердловск, и в конце лета в Глинское приезжали геологи на поиски драгоценных камней.

С каждым годом росла моя коллекция. Теперь у меня около пятидесяти интересных и редких минералов: горный хрусталь, аметисты, опал, дымчатый топаз, розовый мрамор и много других.

Сейчас мне двенадцать лет. Но я уже выбрал профессию — обязательно буду геологоразведчиком.

Придет время, и я возьму геологический молоток, рюкзак и пойду изучать недра родного Урала.

В разведках

Лет семь назад я познакомился с известным знатоком Уральских гор Данилом Кондратьевичем Зверевым. Таких людей на Урале называют горщиками. Удивительно рассказывал старый горщик о камнях.

— Ты думаешь, земля мертвая? — оживлялся он. — Нет, живая она. Вот как-нибудь подойди к горе да сядь смирненько и слушай: шепчется, зовет она. Каждый камень, если ты умеешь понимать его, расскажет тебе много былей и сказок. Вот смотри, — и дед вынимал из кармана чистый, сиреневого цвета камешек. — Спроси у него, откуда он взялся? Он скажет.

Я смотрел на сиреневый камень. Он лежал на руке у Данилы Кондратьевича и весело поблескивал.

— Ничего ты знать не можешь, — сокрушенно говорил старик. — Есть один человек, который лучше меня камень знает, слышит его. Помню, приехал он на Урал, и захотелось ему в горах побывать. Звался он ученым человеком, Ферсман по фамилии. Водил я его и сам слышал, как он говорил с камнями.

Беседы с горщиком увлекали меня. Чувство недоверия к его рассказам сменилось необычайным интересом. Свободное время я стал проводить в походах. Множество минералов побывало у меня в руках. За четыре года я узнал многое из того, что скрывают недра Уральских гор. Старик оказался прав. Горы, о которых мы привыкли думать, как о мертвых, и в самом деле умеют рассказывать о себе.

Подойдешь к горе, взглядишься и видишь, что это за гора, откуда взялась, чем богата она.

Мне хотелось быть не только любителем-геологом, но таким, как горщик Зверев.

Летом 1937 года я пришел в Уральское геологическое управление и попросился в разведочную партию. Меня взяли. За два года работы коллектором в геологической партии на разведке меди, вольфрама, молибдена и других полезных ископаемых я обошел Северный, Средний и Южный Урал. Я побывал в ущельях высоких гор, на заливных лугах быстрых уральских рек, в степях Южного Зауралья. Вот тут-то и пришла настоящая любовь к камню. Теперь я понимаю старого горщика Данилу Кондратьевича — знатока Уральских гор.

Год назад детская туристская станция поручила мне вести геологический кружок. В кружок пришли серьезные ребята. На лето мы намечали большой поход на поиски полезных ископаемых.

Я снова пришел в Геологическое управление и спросил:

— В чем сейчас самая большая нужда? Что нужно искать на Урале?

В управлении сказали:

— На Южном Урале в некоторых местах мы подозреваем присутствие олова. Вот тебе маршрут. Если

найдешь — большое спасибо скажем тебе от лица всей страны.

И мы пошли.

Ночь... Бесшумно течет широкая река Белая. В прибрежных кустах сверкает пара огоньков. Это волк. Вот раздался крик совы, и опять все тихо. Наши палатки разбиты под двумя высокими елями. Ребята спят. Я сижу у костра, заряженная берданка лежит около меня. Сегодня мы много прошагали. Прошли широкую равнину, усеянную огромными, в несколько тонн, валунами. Грозные каменные потоки протекали когда-то по долине. Древний ледник без труда снял эти глыбы с вершин гор и отложил здесь у своего окончания. Днем нам попали на глаза «железные шляпы» — как называют геологи ложную форму лимонита (бурого железняка). На поверхности «шляпы» обнаруживаются почвой, окрашенной в желтый цвет. Мы начали копать и наткнулись на «шляпы».

Нашли гранаты, взяли несколько образцов. На речке Светлянке я взял пробу на золото и другие тяжелые металлы.

Ребята впервые видели, как берут шлик — пробу. Лагерь разбили на горе, висящей над Белой.

Вокруг костра темно. Клонит ко сну. Я подбросил хвороста в огонь и встал. До рассвета оставалось недолго.

Утром геологический лагерь начал свой трудовой день. В шлихе, взятом на одной из речушек, я обнаружил корунд, гранат, топаз и турмалин. Ребята нашли коренной выход хлоритовых сланцев с черным турмалином.

Вечером отправились за шлихами на речку Липовку. В шлихе, взятом у берега, обнаружили шеелит. Нас не интересовал шеелит, но словно кто-то подтолкнул меня взять несколько образцов и унести в лагерь.

Ребята легли спать. Я вынул шлихи и стал рассматривать их под лупой. Вот попало маленькое невзрачное коричневое зернышко. Оно меня заинтересовало. Я стал осматривать остальные пробы, но другого такого зернышка не находил. Из шести проб незнакомое зернышко оказалось только в одной.

Снова под лупу положено коричневое зернышко. Несколько минут я внимательно разглядывал его, пока, наконец, не убедился в том, что под стеклом лежит маленький комочек того, что мы ищем.

— Касситерит! Вот оно, — закричал я.

— Чего ты кричишь? Волки? — опросили меня прибежавшие ребята.

— Какие там волки. Касситерит!

— А что это?

— Ребята, это — олово.

Тут же я подверг найденное зернышко простой реакции на олово — попробовал получить оловянное зеркало. Реакция удалась.

Без сомнения, это была оловянная руда — касситерит.

Мы искали оловянную руду долго-долго. И мы ее нашли. В Геологическом управлении подвергли проверке нашу находку. Придирчивые лаборанты после долгих опытов оказали нам:

— Двести лет люди думали, что на Урале олова нет. Вы, ребята, разбили эту теорию. Олово на Урале, есть.

Сейчас мы готовимся к новому походу на разведку полезных ископаемых. Нам поручено другое ответственное государственной важности задание. И мы его выполним.

Драга

Д **р** **а** **г** **а**

На поляне, ровной словно полог,
Окруженной топями низин,
Вырос дражный небольшой поселок,
Школа, клуб, контора, магазин.

По краям глубокого оврага —
Мох, шиповник, белый строй берез.
В стороне грызет породу драга,
А за ней раскинулся покос.

По утрам прохладой дышит
Эта топь желтеющих болот,
Дым колеблется над дражной крышей,
По низам прозрачный пар ползет.

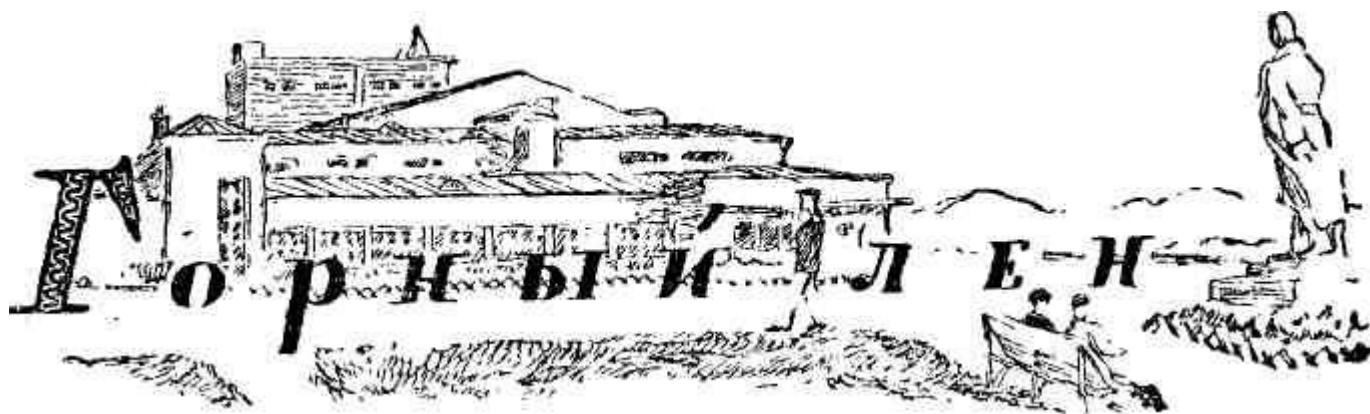
Драга — золотое судно на причале,
Загудит, как будто пароход.
И взлетает песня о металле
Над корявой желтизной болот.

Все поют: масленщики, матросы,
Машинист, драгеры, кочегар,
И веселый ветер вдаль относит
Песен звон и чувств горячих жар.

И когда б сюда я ни приехал,
Знойным летом, в зимний ли мороз,
Тут раскаты радостного смеха
Вечно бьют, как волны об утес.

Вижу я улыбку кочегара
И картуз засаленный на нем,
Слышу стук, гудки, шипенье пара,
Вижу вечно мутный водоем.

Горный лен

В одном городе в театре возник пожар, на сцене загорелись декорации.

— Пожар! — пронеслось по зрительному залу.

Закрыли занавес. Со всех сторон языки огня лизали его, пытаюсь пробраться в зрительный зал, но занавес не поддавался и преграждал дорогу огню.

Приехали пожарные. Они бесстрашно полезли в огонь. Вот-вот, казалось, воспламенится их одежда. Но нет, она не только не вспыхнула, но даже не почернела, и в бессилии лизали ее огненные языки.

Вы уже, наверное, догадались, что и занавес и костюмы пожарных не загорались потому, что были сделаны из асбеста.

Асбест — греческое слово, по-русски означает — несгораемый. У асбеста немало и других чудесных свойств. Он исключительно прочен, плохо проводит тепло, противостоит действию не только огня, но и кислот, щелочей.

Где только не применяется асбест!

На паровозостроительных заводах из асбеста делают прокладки для котлов. В электростроении асбест употребляется при изготовлении распределительных щитов. В химической промышленности асбест, как кислотоупорный материал, применяется для фильтрования кислот.

Из асбеста делают тормозные ленты для автомобилей.

Особенно широко применяется «горный лен», как еще называют асбест, в строительной промышленности. Из него делают водопроводные трубы, кровельную черепицу, штукатурку для стен и многое другое.

Камень не камень? Софрон с любопытством вертел в руках свою находку. Он еще не видывал такого камня, который легко распадался на тончайшие волокна.

— Прямо кудель, каменная кудель! — проговорил Софрон.

Так в 1720 году демидовский крепостной рудознатец Софрон Сорга, производя разведки руд по реке Тагилке, наткнулся на асбест.

О находке доложили Никите Демидову.

Он решил пустить в дело каменную кудельку. Стали готовить из нее пряжу, «а из оной полотно, колпаки, перчатки, мешочки и пр., а также бумагу».

От зари до зари сидели за прялками крепостные девушки. Ночью пряли они при свете лучины.

Одна девушка, — рассказывает уральская быль, — утомившись, заснула. Догорающая лучина упала на распущенную кудель. Подруги испугались: сгорит кудель — не сдобровать бедняжке. Лют приказчик — цепным псом сторожит он хозяйское добро.

Но к удивлению прях кудель не загорелась. Смолистая лучина трещала в пушистом ворохе, а куделька и не думала вспыхивать. Стали пряжи нарочно поджигать нитки — не боялась огня каменная кудель.

Демидов, узнав о том, велел связать из этой чудесной кудели сумочки и при первой же поездке в Петербург увез их с собой, чтобы хвастнуть перед царицей.

Вначале Демидову не поверили, что подаренные им сумочки можно смело бросать в огонь и они останутся невредимыми. Но когда попробовали, — убедились.

И что еще больше удивило всех — металлические пудреницы, что лежали в сумочках, побывавших в огне камина, не нагрелись даже сколько-нибудь.

Асбестовая фабрика Демидова просуществовала недолго. Спрос на пряжу из каменной кудельки был невелик. Придворные дамы позабавились диковинными сумочками и забросили их. Рукавицы, фартуки, наколенники для горнозаводских рабочих шли туго.

В 1885 году на Урале снова нашли асбест. К тому времени заводов стало больше, и появилась нужда в каменной кудельке. В таежную болотистую глушь пришли с кайлами и лопатами угрюмые «зимогоры».

Город сверкает множеством огней. Мы сидим и готовим уроки. Вдруг где-то вдалеке грохочет взрыв, да такой сильный, что в оконных рамах дрожат стекла и позвякивает посуда на полке.

Затем другой взрыв, третий...

Мы привыкли к ночным взрывам. Это аммоналом рвут породу в разрезах.

Асбест добывается так.

В толщах змеевика заключен жилами и прожилками этот волокнистый минерал белого, желтого или зеленого цвета. Поверх асбестоносных пород обыкновенно лежат пласты глины, торфа. Надо убрать их. За это берутся экскаваторы. Черпаками они сдирают верхние глинистые или торфяные породы и грузят их в вагоны, которые отправляются на отвал.

Месторождение вскрыто. Как будто забойщикам можно приступить к добыче асбеста: порода, содержащая его, обнажена. Но нет, не скоро ее возьмешь кайлом. Крепка она. На помощь приходит аммонал. В породе просверливают скважины и закладывают в них взрывчатое вещество. Грохочут, сотрясая землю, взрывы.

Раздробленная на большие куски, как будто лопнувшая от сырости, порода в беспорядке лежит кругом. Некоторые куски отброшены совсем далеко.

Экскаватор грузит породу в вагоны. Сзади него остается широкий след, глубиной около метра.

Свисток паровоза, погрузка окончена. Набирая скорость, паровоз уводит состав.

Другой паровоз подкатывает порожняк. Снова начинается погрузка. Экскаватор повертывается, спускает ковш, и погрузка продолжается. Камень покоряется силе машины. Ковш, как огромная рука великана, подняв руду вверх, задерживается над вагонеткой. Зашумела зубчатая передача, и ковш раскрывается. Из него сыплется руда.

Вагоны с рудой идут на обогатительную фабрику. Забойщик хотя и отбрасывал в сторону пустую

породу, но все же горная куделька в вагонах не совсем отделена от змеевика. Вот это и сделают на обогатительной фабрике. Раньше отделение асбеста от змеевика производилось примитивным способом. В забое вручную разбирали асбестоносную породу, сортировали ее, вывозили на поверхность и в специальных помещениях тоже вручную окончательно сортировали «кудельку».

А руду с меньшим содержанием асбеста отправляли на обогатительную фабрику.

Но что это была за фабрика! Руду сваливали в колоды и дробили деревянными пестами, приводимыми в движение конным приводом. Затем раздробленную руду сортировали в шестигранных барабанах, обтянутых проволоочной сеткой. Барабан приводился в движение вручную.

Теперь в городе Асбесте есть обогатительная фабрика № 3 — самая большая асбестовая фабрика в мире.

Шум и грохот огромных машин царит здесь. Вот поезд с рудой подошел к двум громадным железным ящикам и вывалил в них руду. Мощные дробилки измельчили куски «горного льна», и он по движущимся лентам — транспортерам направился в сушильные барабаны.

В огромных железных цилиндрах руду продувают струи горячего воздуха. После просушки транспортеры унесли руду в сушильный склад.

Но на этом путешествие асбестовой руды не кончилось. Пропущенную руду дробят еще раз. Руда превращается в массу, похожую на вату, смешанную с песком.

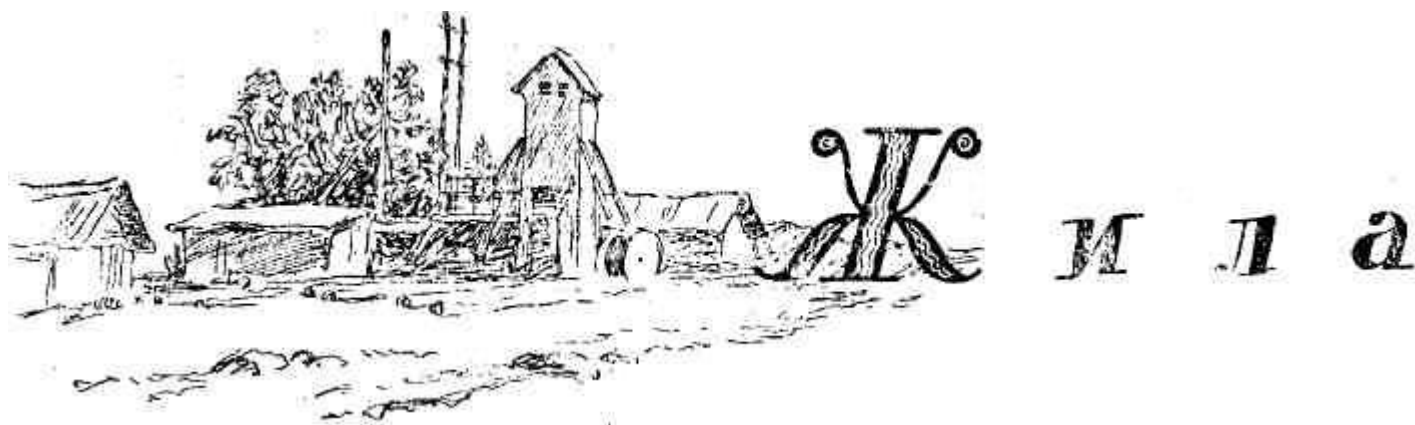
«Вата» — это пушистые клочья «горного льна», а песок — размолотая крупа змеевика.

«Вата» легче песка. Мощные вентиляторы-отсасыватели втягивают ее в себя и гонят по трубам в специальные резервуары. Здесь волокна разделяются по сортам, освобождаются от пыли.

Начинается самое увлекательное путешествие «горного льна» по заводам, фабрикам, городам и селам Советского Союза. Где только он не побывает! И на земле, и в небесах, и в море, и под водой...

Он помчится в паровозах и автомобилях, он будет хранить наши жилища от огня, он будет служить химикам и строителям, водолазам и горновым, трактористам и водопроводчикам, — людям самых разнообразных профессии, всему огромному хозяйству нашей родины — этот горный лен, «уральский хлопок».

Жила

Нас приняли в партию геологов. Работали мы на вышке, где была установлена бурильная машина. Однажды получилось так, что нас с приятелем оставили у буре. Старший первой смены написал рапорт и сказал:

— Ну, ребята, сегодня одни работайте. Глядите в оба, поосторожнее. Счастливого поработать, орлы! Смена ушла.

Мой приятель забрался по лестнице наверх вышки и прислушался: двигатель тяжело вздыхал.

— Ну, что, Глеб, готов? — крикнул он мне.

— Готов! — ответил я, и колонковая труба медленно поползла в круглое черное отверстие скважины. Через несколько минут я услышал, как бур дошел до конца скважины.

— Готово! Забой! Давай, Андрюша, дробь спускать будем!

Несколько минут снаряд вращался на одном месте, а затем медленно пошел в забой.

— Бурить начали, — спокойным голосом сказал Андрей. — Станок и двигатель работают на полном.

Время летело быстро. Начинало светать, отдельные предметы отчетливо выступали из темноты. На востоке, отодвинув ночные черные тучи, появилась полоса чистого светлого неба. Мы, конечно, не спали всю ночь, хлопотали у машин. Андрей то и дело спрашивал:

— Ну, как идет?

— Как в репу лезет.

— Сколько прошли?

— Девяносто пять.

— А сколько еще до смены успеем?

— Если так пойдем, так и двадцать проскочим. Только знаешь, Андрюша, я думаю, не жила ли это? Вот здорово было бы!

— Ясное дело. Только если это жила, то керн надо обязательно достать.

В утреннем густом тумане запели птицы. На небе заиграли лучи солнца. До смены оставался час. Нам очень не хотелось начинать подъем, но делать было нечего.

— Так бы и побурил еще, здорово пошло, — жалел я.

Начали подъем. Андрей опять забрался наверх, отвинчивая колена труб. Кончили подъем как раз в тот момент, когда подошла смена.

— Ну, как, ребята, поработали? — с тревогой спросил старший.

— Мало-помалу, — ответили мы враз.

Из скважины потянулась последняя колонковая труба. Не чувствуя усталости, Андрей прижал ее к груди и потянул в сторону. Отвинтили коронку и стали вынимать керн. Андрей радостно вскрикнул:

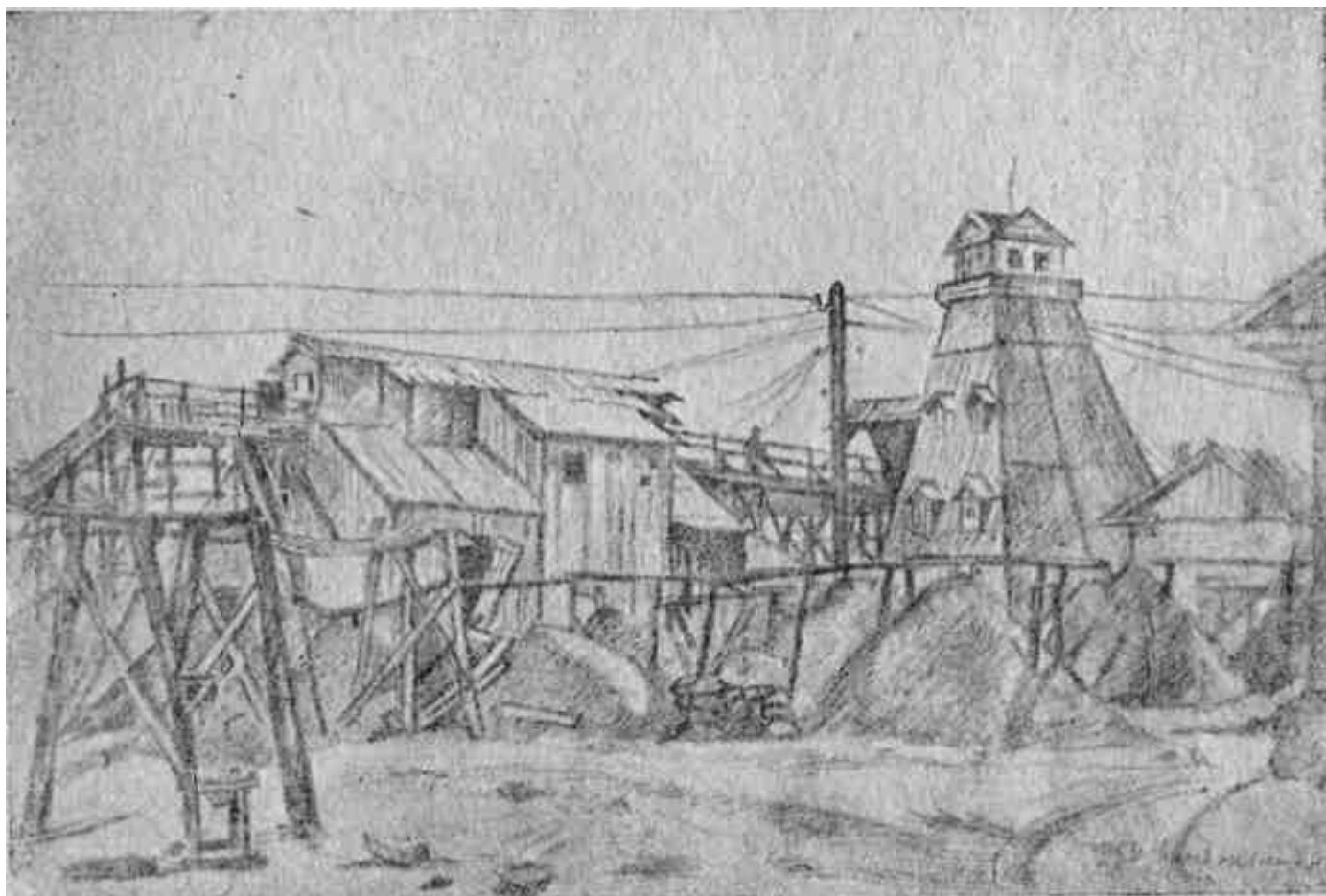
— Смотри, Глеб, жила!

В синеватом столбике керна ясно вырисовывался белый слой кварца.

Это была золотоносная жила.

— И впрямь жила! — удивился мастер. — Вот где она попалась. Пойду звонить в управление, доложу, что скважина закончена, золотоносная жила подсечена. Молодцы, орлы.

На следующий день мы получили благодарность от управления прииска. Подсеченная нами жила содержала большое количество золота.

ШАХТА ЗОЛОТОГО ПРИИСКА.

Рис. ученика 8 кл. И. Пиньженина.

Гидравлика

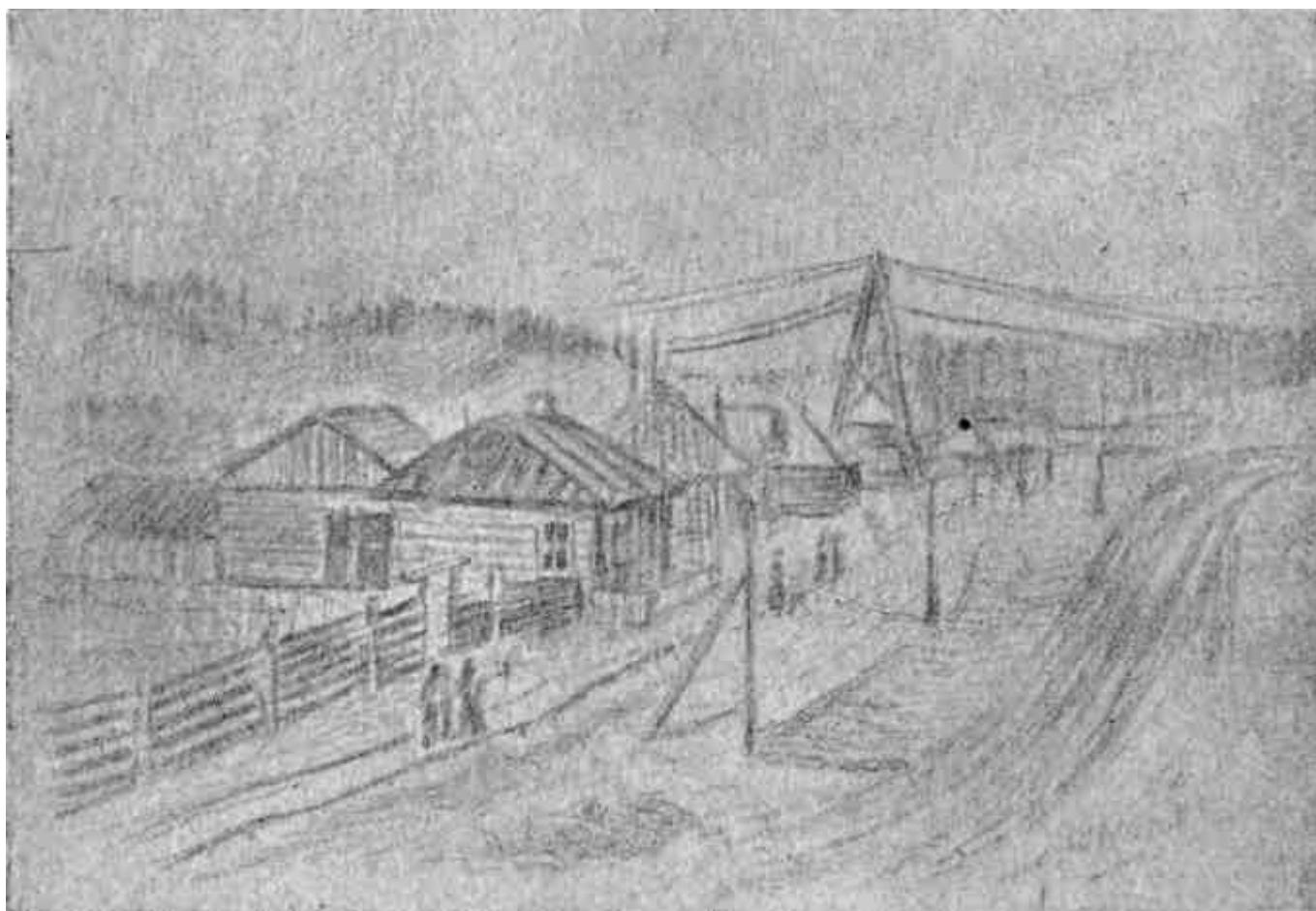

Мой отец бригадир-старатель. Много видела я всяких старательских работ, крупных и мелких. Видела и драгу-толчею на Масловском перекате, а такой работы, где работает сейчас мой отец, еще не видела. Придет он домой с Песчаного прииска и рассказывает:

— Вот, дочка, додумались люди: вода золото сама добывает. И как добывает! За один день целую гору промыть может. Это тебе не руками мутить.

Захотелось мне приехать к нему и посмотреть работу необыкновенного «старателя».

Приехала я на Песчаный и удивилась. Сейчас расскажу, как там все устроено.

Работы начинаются с плотины, где накапливается много воды. Возле пруда стоят тракторы. Они приводят в движение насосы, при помощи которых вода подается по трубам на монитор. Монитор — это

огромный брандспойт, какие бывают у пожарных. Только приисковый монитор намного больше: диаметр выбросной трубы бывает больше метра. Когда вода в трубах, соединяющих монитор с водохранилищем, накопится, то давит с такой силой, что струя из монитора выбрасывается очень далеко и разрушает все, что ей попадает на пути.

Берут такой монитор и направляют на гору, в которой содержится золото. Мощная струя бьет, подкашивает, размывает гору. Отмытые куски породы вместе с водой подаются на шлюзы, где и происходит отделение драгоценных металлов.

При мне мониторщики взялись рушить гору. Они направили струю сначала на подножье горы, подмыли ее, и она стала рушиться огромными глыбами. Мониторщики направляли струю на глыбу, и через минуту она переставала существовать.

Ильментау

И л ь м е н т а у

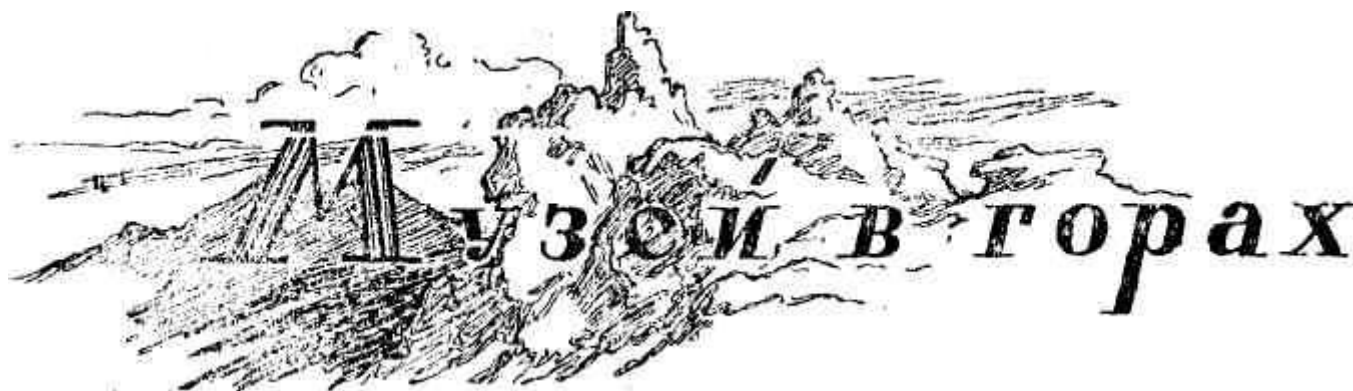
Гей, турист, подтянись!
На гору Ильментау взберись,
А теперь осмотри горизонт
И кругом поскорей оглянись.

Да не жмурь от восторга глаза!
Видишь, дремлют седые хребты,
Видишь, спят великаны леса,
Зеленеют в обрывах кусты.

А за морем лохматых вершин
Легким призраком с края небес,
Гордо вскинув вершины свои,
Изгибается главный хребет.

Оглянись и назад посмотри
На дрожащий лазурный узор:
По равнине кругом разлились
Зеркала зауральских озер.

Музей в горах

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Куда пойти? Карта, устаревшая через три месяца. Где скопились минералы? В уральскую Швейцарию. Искатели золота и приключений. Миассовская лихорадка. Музей в лесу. Ямы-витрины. Всемирный путешественник на Урале. Минерал-обманка. Радиевый минерал. Камень с цветом воды Амазонки. На дне озера. Искатели камней. Камень геолога Самарского. Горная порода-летопись. Кварц запекается в хлебе. Ягодный океан. Птица, пойманная руками. Там, где гнездятся гордые птицы. Ночь на берегу Ильмен.

Мы старательно изучали большую карту Урала, разложив на полу, водили пальцами по горам и рекам, но не могли найти места, куда бы направиться путешествовать. Маршрута не находилось.

Мы искали места «малодоступные» и «интересные». Мы попадали на хребты, на реки и везде натыкались на черные точки, буквы, прямоугольники, треугольники и другие знаки, обозначающие открытые месторождения. Оpoznательные знаки были всюду, куда ни ткни пальцем. И это еще не все. Этой карте нельзя было верить, так как она существует уже год. А геологический год на Урале это — целая эпоха открытий.

Бывает и так — карта, выпущенная летом, стареет к зиме, через три-четыре месяца со дня своего рождения. Это, конечно, не вина трудолюбивых картографов. Превращение совсем еще молодой карты в «старушку» делается геологоразведочными партиями. За лето они нанесли на карту десятки новых открытых точек, изменив облик геологического Урала.

Урал богат полезными ископаемыми, как никакой другой хребет в мире. И несмотря на то, что добыча «камней» идет более двухсот лет, он до сих пор хранит в своих замечательных недрах огромные богатства.

Мы искали места, где больше всего скопилось минералов, чтобы увидеть огромный наш край в миниатюре.

Мы мысленно переносились в просторные степи Южного Урала, и наши ботинки, подбитые железными гвоздями, «прилипали» к серым с блестками камням горы Магнитной; мы видели курящиеся трубы бесчисленных заводов и фабрик Среднего Урала; мы ползали, цепляясь за мох, по скользким скалам северной части гор.

— Ребята! — воскликнул Володя Авдонин. — Ребята! И как это мы раньше не догадывались! Поедем... Ну, и растяпы мы! Поедем в Ильмены, — и стал пальцем искать небольшой хребет, один из тех, что составляют, как говорят, «охвостья» южноуральских гор.

— Музей мира! — продолжал кричать Володя.

Друзья долго молча рассматривали маленький хребет Ильменских гор.

— Едем туда, — наконец, проговорил Володя Гилев, поднимая от карты голову. — Едем в Ильмены.

— Это место, где скопились минералы, — сказал Коля.

— Решили. Едем, — согласился Станислав.

На следующий день поезд мчал нас на юг от Свердловска, в уральскую Швейцарию, как обычно называют Южный Урал. Мимо промелькнули леса, скалы и высокие горы, поезд ворвался в челябинскую степь.

В Челябинске пересадка. Через несколько часов мы выскакиваем из вагона перед маленьким серым зданием, сдавленным со всех сторон горами. На здании вывеска: «Миасс».

Миасс — город золота. Горы, окружающие его со всех сторон, в 20-х годах прошлого столетия наделали много шума по всей земле. Удачники-старатели, случайно зашедшие в эти места, нашли богатейшие золотые россыпи. Весть об уральском Клондайке быстро облетела Россию. Старатели, жаждущие легкой наживы, купцы, торгаши, как коршуны, слетелись на берега реки Миасс. Многим «фартило». Счастливыцы настроили дворцы в глухой тайге. Так образовался этот город. Некоторые старатели, собрав сливки золотой россыпи, набив кожаные мешки песком и самородками, пытались

покинуть это гнилое, гиблое место, где во-всю орудовали обиралы-скупщики и притонодержатели. Но им не удавалось унести счастье. В лесах Чашковского хребта, по краям больших дорог бродили шайки разбойников. Эти сухопутные пираты нападали на разбогатевших старателей и отбирали у них «желтый дьявольский металл».

Но золото точно захотело посмеяться над обезумевшими старателями. Оно вдруг исчезло, а с ним исчезла и миассовская лихорадка. А городок Миасс остался как памятник о «золотом веке».

Мы не знали, куда итти. Какой-то прохожий шел навстречу.

— Скажите, — спросили мы, — где тут находится Ильменский заповедник?

— А вот, — махнул рукой прохожий на мохнатую веселенькую горку, — по, дороге, вдоль озера идите.

У многих представление о заповеднике сводится к запрету охотиться на зверей или истреблять вид какой-нибудь растительности. А слышали ли вы о заповеднике камней? Такой необычайный заповедник находится у нас на Урале. На его маленькой территории нашли уже свыше 120 различных минералов. Такое место — единственное на земном шаре.

Мы шли по каменистой дороге. Озеро Ильмень было спокойно, на середине его тянулась светлокоричневая полоса водорослей. Вот это озеро, нежно напоминавшее о знаменитом Ильмене под Ленинградом.

Мы остановились у дерева с набитой на нем дощечкой: «В заповедник». Лиственный лес сомкнулся над нами и зашумел. Мы направились по тропинке. Скоро лес, выпустил нас из своего плена, и мы увидели двухэтажные домики. Навстречу вышли люди.

— Туристы? — спросил человек средних лет в белой украинской рубаше.

— Да, — ответил Володя Авдонин, самый старший из нас и выбранный начальником.

— Откуда?

— Из Свердловска.

— Ну, проходите, гости дорогие, — и он провел нас в деревянный дом.

В, маленькой комнатке, уставленной образцами минералов, мы рассказали о том, что хотели бы посмотреть заповедник. Человек, встретивший нас, выслушал и сказал:

— Ладно, я вам все покажу...

— О, нет, — возразил Виктор. — Мы хотели бы одни побродить. Можно?

— Ведь у нас, ребята, заповедник. Впрочем, я вам дам проводника, — и, улыбаясь, добавил: — хорошего проводника. Останетесь довольны. Только дайте слово не нарушать правила заповедника: минералы можно брать в небольшом количестве.

— Честное пионерское, — пообещали мы.

— Ну, ну, верю, — улыбнулся геолог.

В этот же день мы решили осмотреть часть Ильмен. Проводником у нас оказался Володя, — юный геолог, активист заповедника.

Скажите, вы представляете музей в блеске залитых солнцем стеклянных витрин, в ковровых дорожках, картинах и множестве документов? Ничего подобного в музее, в который мы пришли, не было. Он находился в дремучем лесу. Вместо застекленных витрин и бумажек-документов — ямы. «Ямы-витрины», как в шутку прозвали мы копи.

Мы подошли к яме-витрине № 6. Она расположена на лесной лужайке. Груды камней окружали края ее, Это отвалы. Копь № 6 разрабатывалась давно, она знаменита, главным образом, минералом-обманкой — апатитом. Апто — по-гречески обманываю. Назвали его так потому, что апатит часто путают с другими минералами. Апатит бывает всевозможных цветов: зеленый, желто-зеленый, оливково-зеленый, бурый, красный и даже белый.

Копь № 6 в 1829 году посетил путешественник Александр Гумбольдт. Где он только не побывал на своем веку! Пересекал Атлантический океан, видел тропические леса Бразилии и в Южной Америке наблюдал метеорный дождь. С волнением подходил ученый к шестой копии и с трепетом завертывал кристалл желтоватого цвета с округлыми краями, а в это время его спутник, ученый Г. Розе, записывал в своем дневнике:

Борис нагнулся к черному камню, выглядывавшему из-под земли! Слюда! Слюда-биотит! Совершенно непрозрачная от большого содержания железа и поэтому непригодная для изоляции.

В последнее время биотит стали употреблять как удобрение для почвы.

Останавливаемся около длинной копии и спускаемся на дно ее. На массе белого полевого шпата и миаскита то тут, то там виднеются черные точки и полосы.

— Посмотрите, что я нашел! — кричал Коля.

В руке он держит правильный кристалл смоляно-черного цвета.

— Что это? — спросил он.

— Не знаем, — сознались мы.

Наш проводник Володя объяснил:

— Пирохлор, — радиоактивный минерал.

— Как радиоактивный? — удивленно вскричал Станислав. — Ведь радий очень ценят, во всем мире его добыто столько, сколько поместилось бы в коробке из-под конфет!

— Да, да, — подтвердил Володя. — В пирохлоре содержится до двадцати различных элементов. 122

— 20 элементов? Здорово! — воскликнул Коля и торжественно положил находку в самый глубокий карман.

На выступе скалы Володя Авдонин обнаружил маленькое зерновидное пятнышко. Что это? Неужели циркон. Да!

Замечательный минерал, имеющий индусское название, лежал у него на ладони. Он был цвета крепкого чая. Впервые циркон был найден в Индии и ценился как драгоценный камень, там он и получил свое загадочное название.

Мы бы еще долго лазили в этой копии, если бы Володя не запротестовал:

— Идемте, ребята. Если мы так долго будем сидеть в каждой копии, — многого не увидим.

Мы пошли по дороге, окруженной лесом. Володя свернул с нее и углубился в заросли. Следуя за ним, мы недоумевали, зачем он повел нас в эту чащу? А ветки больно хлестали по лицу, высокая крапива обжигала ноги. Мы чуть было не свалились в большую выемку, заглянули в нее и ахнули: дно выемки было голубое. Вода! Нет. Это нежноголубого цвета камень, «Камень поэтов» — амазонит. Цвет его можно сравнить только с водами великой южноамериканской реки Амазонки, где впервые и был найден этот камень. Стены выемки были тоже из амазонита. И чем дальше от дна, голубой минерал постепенно переходил в темнозеленый цвет и сливался с молодой нетронутой травой, растущей по краям копии.

Вдоволь налюбовавшись замечательным безводным голубым озером, пошли дальше. Володя опять свернул с дороги, ноги глубоко погружались в мягкую, как губка, массу. Мы были на бывшем дне Ильменского озера. Теперь здесь большой торфяник. Пока шли к следующей копи, Володя рассказал, как в далекие времена селившиеся по Уралу башкиры-звероловы искали в Ильменах красивые камни. Находка сбывалась богатым баям. Нередко камни применялись и для других целей. В стихах башкирского поэта Мадшита Гафури говорится:

Возьми с Урала камень голубой
И наточи ты саблю об него,
И в дивный час предутренних ветров
Спеши прогнать врагов до одного.

Не об амазоните ли говорит башкирский поэт?

Мы подходили к копи, носившей название Блюмовской. Эта копь — старушка. Более ста лет прошло с тех пор, как горный инженер Блюм сделал здесь первую «закопушку», положив начало знаменитейшей копи заповедника.

— Посмотрим, что здесь за минералы, — крикнули мы, спрыгивая в копь.

— Здесь их очень много, — откликнулся Володя, — и почти все редкие.

Борис первым отколол породу: в ней прятался и весело улыбался какой-то камешек. Это был берилл, ценный минерал, из которого добывают металл бериллий — один из самых легких металлов, почти в четыре раза легче алюминия. Если бы из чистого бериллия сделать самолет, как легко бы он летал! Более темнозеленые образцы берилла называются изумрудами.

Борис был доволен находкой и нехотя стал разбивать камни, помня мудрый совет старых горщиков: один раз повезло — другой не повезет.

Но этот совет неприменим к Ильменским копиям. Скоро Володе Гилеву попалась горная порода — летопись или письменный гранит. На розовом полевопшпате узорами дымчатого раухтопаза были разбросаны непонятные письмена, напоминающие восточную клинопись. Говорят, что один ученый прочитал на письменном граните слово на древнееврейском языке. С тех пор письменному граниту прибавили еще одно название — еврейский камень. С письменным гранитом всегда связаны лучшие глубинные минералы. И если найти письменный гранит, то в этой породе наверняка можно отыскать и топаз, и аквамарин, и берилл, и много других драгоценных камней.

Везет всем. Стасик нашел радиоактивный минерал и, задыхаясь от радости, сбивчиво говорит:

— Нашел камень геолога Самарского. Он еще более радиоактивен.

— Идите сюда, — Откуда-то кричит Коля. — Раухтопаз нашел! Всем достанется! Поделить можем раухтопаз!

Но мы не видим Коли.

— Где ты?

— Николай, наверное, во второй выработке, — говорит Володя. — Идем к нему.

— Бежим! — восклицает Володя Авдонин и, сделав прыжок, кубарем катится под гору. Он свалился в так называемый Академический ход, сделанный в 1911—1917 годах радиевой экспедицией Академии наук. Вовка потирает ушибленное плечо, со злобой отбрасывает подвернувшийся под руку камень, и... что-то голубое мелькнуло от него, отбившись об острый угол скалы. Володя поднимает осколок. В руке, лежит голубой, просвечивающий топаз.

Поднявшись по шатающейся деревянной лестнице наверх, он спустился к нам во вторую выработку. Ребята рассказали ему, что нашли топазы в «занорышах» — небольших пустотках в стенах копи.

Раухтопаз или дымчатый кварц имеет очень красивый «дымный» цвет, но старые горщики знают способ, от которого кварц становится еще более красивым. Они запекают его в хлеб, от чего раухтопаз покрывается золотистой пленочкой.

Топаз, камень геолога Самарского, берилл, письменный гранит — и все это в одной копи! А сколько еще минералов мы не нашли, сколько их таится в коях и шурфах?!

Каждая копь заповедника имеет свою историю. Блюмовская, шестая, амазонита — все это копи-старушки, а есть и совсем молодые, некоторым из них всего несколько месяцев или даже дней. Эти копи открыты советскими людьми.

— Идемте. Что так долго засиделись. Впереди много интересного, — зовет Володя.

Он хорошо знает заповедник и ведет уверенно. Выходим на поляну. Вдруг Володя, шедший впереди, падает на колени. За ним Стась, Коля, Борис. Что такое? Ягода! Сочная спелая земляника, которой ничто здесь не мешает созреть, покрыла всю землю. Мы ползали на коленях, ели горстями, но ее словно становилось еще больше. Тут был настоящий ягодный заказник.

Наконец, земляника нам опротивела.

— Володя, — взмолились мы, — выведи ты нас из этого океана ягод, итти невозможно, жалко давить спелую землянику.

И наш штурман вывел нас. Мы пошли по редкому лесу с невысокими развесистыми соснами. Из-за куста вылетела птица и, низко пролетев над землей, упала в траву. Ваня подбежал к ней, и она позволила взять себя в руки. Это был тетерев, глупо смотревший на нас.

— Брось его, — посоветовал Володя, — ишь, дурак, знает, что под охраной заповедника находится, в руки дается.

Ваня отпустил тетерева; тот, взмахнув крыльями, взлетел на дерево.

Мы вышли в долину и среди леса увидели скалу, напоминающую гигантский столб.

— Ну и высока! — крикнул Стась. — Мы должны штурмовать эту скалу. Не я буду, если не заберусь на нее.

— Погоди, — остановил его Володя. — Видишь, как она гладка и высока?

— Ну и что?

— Посмотри, — указал Володя на небо.

От скалы оторвалась птица и, камнем нырнув вниз, расправила крылья, паря в воздухе.

— Это сокол, — сказал Володя. — Сокол-сапсан. Соколы выбирают для гнезд неприступные места. Эта скала названа Соколиной потому, что здесь гнездятся эти птицы. Пятьдесят метров голой скалы, попробуй, заберись.

— Да, — согласился Стась, — придется полюбоваться. Но есть же на ней хоть какая-нибудь зацепинка?

— Конечно, — ответил Володя. — И не только зацепинка, а целая тропинка. Пошли!

Мы ползли на животах, цепляясь за выступы скалы, помогая друг другу.

У вершины Коля оступился, и поток камней оборвался вниз. Но, к счастью, он задержался за куст и

влез на скалу. Легкий ветерок обдувает нас. Сердце сжимается, если посмотришь вниз, где раскинулись синеватые леса...

На базу заповедника мы подошли, когда было совсем темно. Разбили палатку на берегу озера. Володя попрощался с нами, пообещав показать завтра много интересного.

Ночь темна. В сказочном молчании стоят нахмуренные сосны, отбрасывая причудливые тени. Светлая луна расстелила по озеру с берега на берег яркую дорожку. Тихо. Только хворост трещит в костре, да где-то далеко прокричала ночная птица. И опять все тихо.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Копь № 117. Старый минералог. Лобач и Повелиха — знатоки Ильмен. Бешеный спуск. Сюрприз. Московское стекло. Купец-слюдоискатель. Казак, нашедший топаз.

Утром нас разбудил Володя. В руках он держал геологический молоток с длинной ручкой.

— Куда мы сегодня? — спросил он.

— Куда поведешь, — сказали мы.

— Тогда идемте. Ну, и сюрприз приготовил я вам, ребята, — таинственно проговорил он.

Мы шли по направлению к станции. Володя подхватил на ходу какой-то камень и, умело разбив его, заявил:

— Вот камень, названный в честь Ильмен.

— Покажи, — обступили мы его.

— Что за минерал?

— Ильменит.

— А еще есть минералы, названные в честь Ильменских гор?

— Есть. Ильменорутил. Есть и горная порода, миаскитом называемая. Вот под ногами серые комочки валяются — это она. Назвали ее в честь реки Миасса, протекающей по территории заповедника. Из миаскита состоит весь Ильменский хребет.

Трава шуршит под ногами. Путь идет в гору извилистой тропинкой, между зарослями «волчьей ягоды». Лес почти кончился. Сто семнадцатая копь. Четыре выработки, но две завалены отвалами. На двух других в изобилии полевой шпат. Володя поднимает круглую галечку, стирает с нее грязь, и мы видим великолепный, голубой окраски минерал — вишневит, названный в честь Вишневых гор, служащих продолжением Ильмен. В этой же копи мы находим «облачный минерал» — нефелин (нефелис — по-гречески облако).

Эта копь — тоже старушка, ей перевалило за сотню лет. С давних пор шла на ней добыча полевого шпата. Копь была изучена в конце прошлого столетия исследователем Ильмен Шишковским, геологом-любителем. Найдя здесь новые великолепные образцы, он старался распространить славу Ильмен далеко за пределы Урала. Он обменивался коллекциями и переписывался с музеями почти всех стран, и именно благодаря его заботам камни Ильмен украшают музеи всего мира.

На 117-й копи он старался раскрыть одну из загадок природы — цвет минерала: почему одни камни белые, другие желтые, третьи — фиолетовые. Но он не хотел, чтобы его любовь к камню умерла вместе с ним. Подобрал деревенских парней, он обучал их искусству искать камень. Его ученики, Лобач и Повелиха, впоследствии стали искусными горщиками, с которыми считались крупнейшие ученые мира, приезжавшие

в Ильменские горы. Умер Шишковский в 1897 году. Наследство его было огромно, оно состояло из коллекций камней и научных трудов. Но в 1911 году город Миасс пострадал от пожара, и в огне погибли коллекции и работы К. А. Шишковского. Память об этом малоизвестном исследователе хранят копи Ильмен. Пять копей носят его имя. Володя улыбается и загадочно говорит:

— А теперь я покажу свой сюрприз! Но его нужно заработать. Бежим!

Он выпрыгнул из копи и побежал под гору. Ноги сами несли нас. Мы как в сапогах-сорокоходах летели к необычайному сюрпризу. И он представлялся нам не иначе, как кладовой, наполненной драгоценными камнями. Между сосен, наконец, появился просвет и дорога, уходящая в даль. Выбежав на нее, мы увидели новенькую черную легковую машину.

— Вот какой сюрприз у меня, — сказал Володя, прочтя радость на наших сияющих лицах. — Не ждали? Я ее сюда еще утром пригнал. Директор нам дал. Но главное еще не в этом. Главное, что машиной буду управлять я сам.

— Ты? — изумились мы.

— Садитесь.

И через несколько минут мы гнали на легковушке по дороге. Машина была с «большим газом», на пустынных дорогах заповедника можно было развивать хорошую скорость.

Резкий поворот, — и мы поехали по изрытой чебаркульской дороге. Когда-то давным-давно по краям этой дороги купец Раздершин вел поиски «оконницы» — белой прозрачной слюды, обнаруженной более двухсот лет назад у озера Чебаркуль. Раздершин посылал многочисленные отряды на разведку слюды и цветных камней. Слюда шла для окон. Она пользовалась большим спросом в богатых домах по всей Руси. Особенно много окон из слюды было в Москве. И белую слюду окрестили «московским стеклом» (отсюда и мусковит).

Мы остановились на копи. На стволе сосны висела посеревшая от времени дощечка: «Прутовская копь № 74».

— Почему она называется Прутовской? — спросил Стась у нашего проводника.

Оказалось, что в конце XVIII столетия казак чебаркульской крепости Прутов, искавший в отряде купца Раздершина «оконницу», случайно выбрал пригорок и стал шурфовать. Слюда встречалась в породе маленькими убогими жилками. «Признак есть, поглубже копань (копь) нужно сделать», — подумал Прутов и начал долбить породу. Вдруг в «отвальчике» заметил Прутов какой-то камешек, с ноготь величиной. Понравился ему камешек — прозрачный такой, любо посмотреть. Вскоре разнеслась весть, что Прутов нашел драгоценный камень — топаз. Потом на первой топазовой «копани» было найдено много топазов. Теперь их здесь нет, даже отвалы вымыты дочиста.

Есть и другие копи заповедника, слава у которых в прошлом. Они заросли травой.

Уже поздно. Солнце садится за горы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Охотники за камнями. Карандаш в земле. Лось побеждает в состязании. Растения — открыватели месторождений. Белка-летяга. Неторопливая косуля. На Ильменский Эльбрус. Места, где был Пугачев. Вода, содержащая радий. Подставка луны. Южноуральский Эверест. Прощайте, Ильменские Тау. Основателю заповедника.

Слышали ли вы об охотниках, у которых вместо ружей молотки с длинной ручкой? Слышали ли вы об

охотниках за камнями? Этих охотников можно увидеть во многих местах Урала. Зачем они ищут камни? Зачем подвергаются опасностям в горах, когда рудников и месторождений и так достаточно?

Оказывается, недостаточно. Растет мощь нашей страны. Все больше и больше требуется металла. Месторождений на Урале много, и мы обеспечены сырьем для заводов на несколько сот лет. Но одних руд мало, требуется и ильменит, и берилл, и полевой шпат, и песок, и апатит, и слюда. На Урале все это открыто. Много лет изучают Урал геологи. Что еще нужно? Нужно еще искать. Недра Урала еще недостаточно изучены.

Как только начинается лето, в хребтах Урала раздаются стуки молотков. Это геологи долбят породу, отыскивая минералы. Немало их бывает за лето и в Ильменах — величайшей сокровищнице земли.

Но Ильменский заповедник богат не только камнями. Минералы в южной части его, а в северной живут звери.

Когда Володя предложил нам поехать в северную часть, мы выкрикнули как боевой клич:

— В северные Ильмены!

Опять несемся на машине, но теперь на север, к ильменскому морю — озеру Миассову...

Посреди леса Володя остановил машину.

— Было бы ошибкой не посмотреть эту копь!

— Какую?

Он не ответил. Только у самой копи он поднял черный минерал и сказал:

— Знаете ли вы, что это такое?

Мы пожали плечами: откуда нам знать?

— Это то, с чем вы часто встречаетесь. Карандаш! Природный карандаш — графит.

Черные комочки мялись в руках и пачкали пальцы. Вася попробовал писать. Вышло даже лучше «магазинного» карандаша, так как грифели их делаются из смеси графита с глиной, а тут чистый, природный карандаш. Бери камень и пиши.

Поехали медленнее, дорога стала хуже. Приходилось выходить из машины и отбрасывать коряги. В одну из таких остановок Володя Гилев вскрикнул:

— Лось!

Посмотрели в указанную им сторону и увидели торчащие из-за кустов ветвистые рога. Лось, услышав выкрик, побежал.

— Ну, поехали! Догоняй!

Лес шел редкий, и мы в просвете опять увидели зверя. Володя нажал клаксон, лось встрепнулся и помчался вперед. Мы поехали быстрее. Зверь прижал уши и засеменил, не отбегая от дороги. Наш «шофер» захотел соревноваться с ним и погнал машину быстрее. Лось фыркнул, покосился на нашу машину и прибавил ходу. Машина летела на полный ход. Наконец, лося надоела эта гонка, он ринулся в тайгу, хворост затрещал под его копытами. Володя остановил машину, вытер пот со лба и тяжело вздохнул:

— Все же лось вышел победителем в состязании, — настоящий стаер.

Много зверей и птиц обитает в лесах и полях заповедника.

Перед нами озеро. Одна часть его похожа на бегущего кролика, а другая — на громадную руку, схватившую испуганное животное за хвост. Каменные берега как будто наступают на воду. Вдали

виднеются плоские горы, покрытые лесом. Глубоко вдающиеся заливы зацвели водорослями. Да! В этом озере есть что-то похожее на море: зеленоватая вода играет небольшими барашками волн, недалеко от берега, высоко подняв нос, несется лодка. На борту название: «Южный Урал». На корме сидит парень за рулем. Лодка поворачивает, на восток.

— В пролив поехал, — говорит Володя.

— Что за пролив? Куда пролив?

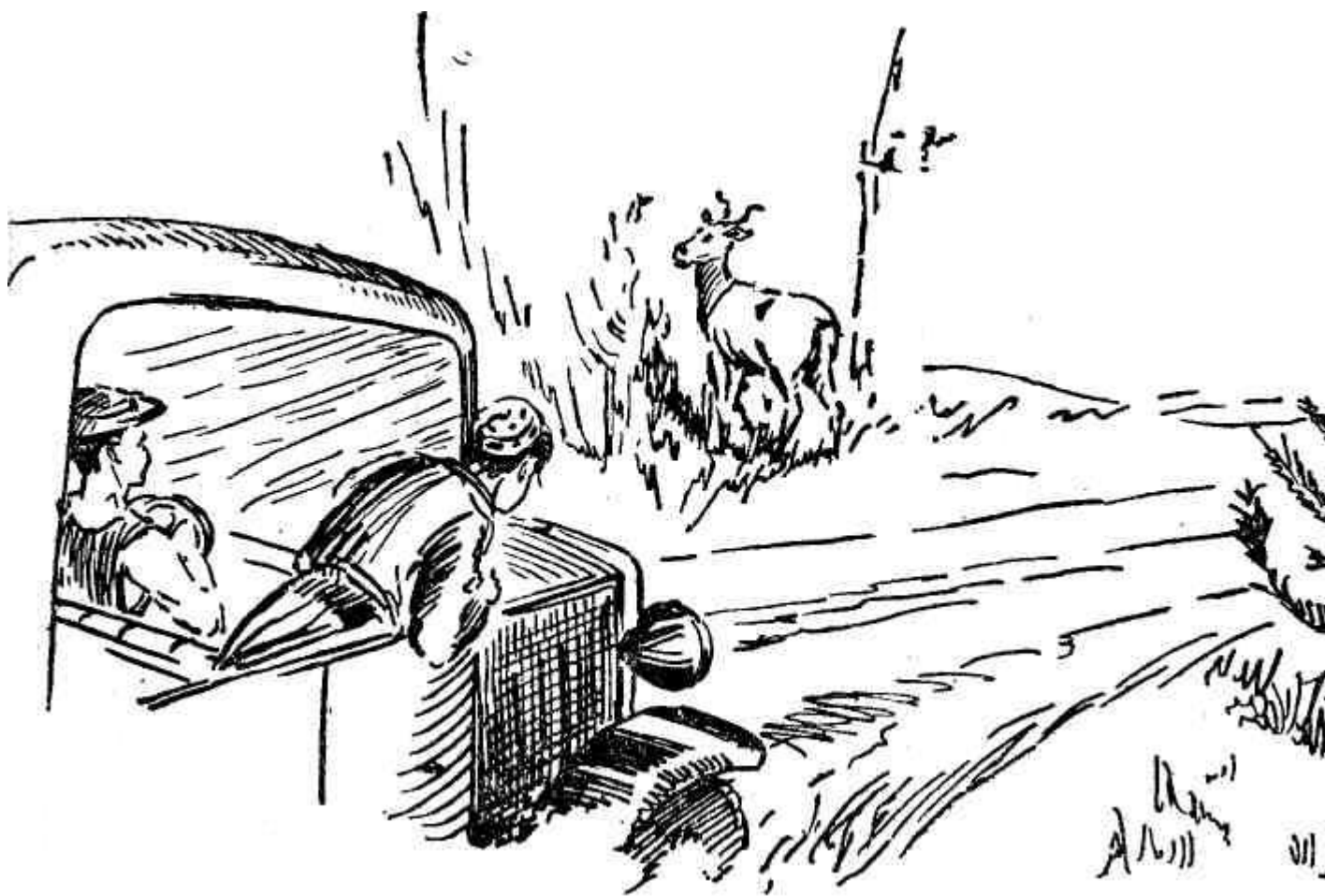
— Между озером, у которого мы сейчас стоим, и Малым Миассовым.

Машина медленно идет вдоль озера, оно медленно уплывает назад, и скоро лес скрывает его.

Неожиданно из лесу выбежала косуля, повернула красивую мордочку с черным, как пуговка, носом, насторожила уши и, сделав скачок, скрылась.

— Я читал в учебнике зоологии, что косули очень пугливы, — сообщил Коля..

— В заповеднике это свойство у них отпадает, — шутливо заметил Володя Гилев.

Машина остановилась.

— Идемте на «Ильменский Эльбрус».

«Эльбрус» был лесист. Стройные ели смешивались с развесистыми лиственными деревьями; лопухи с огромными листьями устилали землю. Взойти было нетрудно, скал не было даже на вершине. Вместо каменного выступа, обычно венчающего гору, стояла деревянная вышка.

Чудесный вид открывался с Ильмен-Тау — высшей точки Ильмен. С севера на юг протянулся отдельными вершинами Ильменский хребет. На востоке синеют озера Еланчик, Чебаркуль, Черное. К югу

точно застыло спокойное озеро Кисегач с двумя прилипшими к его зеркальной поверхности островами, совсем рядом ильменское «море» — озеро Миассово. Тут, разбивая свои волны о берег, бушует Тургояк, воды которого радиоактивны. Страшно это озеро в бурную погоду, рыбаки боятся его. На берегах Тургояка стоял некогда Емельян Пугачев. На краю горизонта синей цепью протянулся хребет Таганай. Таганай в переводе с башкирского — значит, подставка луны. Так называли этот хребет башкиры за его высоту. И, наконец, на юге, гордо подняв высокую вершину, маячит «Южноуральский Эверест» — Урал-Тау.

На следующий день мы уезжаем. Останавливаемся на прощание у шестой копи. Невдалеке от нее в скором времени будет воздвигнут памятник Владимиру Ильичу Ленину — основателю заповедника.

В тяжелый 1920 год Владимир Ильич подписал декрет об образовании на территории Ильмен минералогического заповедника. «Ввиду исключительного научного значения Ильменских гор», — говорится в декрете.

Имя великого Ленина носит заповедник Ильмен — мировой музей минералов.

Глава пятая

ИНТЕРЕСНАЯ ЖИЗНЬ

По горам и рекам

По горам и рекам

За лесным участком Баяновской мы вышли на дорогу лежневку. Дорога была сделана из поперечных бревен с набитыми толстыми досками. По этому ровному и широкому настилу легко идут нагруженные лесом автомашины.

Километров за пять от Баяновки догнали четырех ребят. Один из них, побольше других, лет 11—12, с рыжеватыми выцветшими волосами, спросил:

— Откуда, ребята?

— Из Серова, — ответили мы.

— А куда идете?

— На Кумбу.

Некоторое время шли молча, с любопытством разглядывая друг друга. Потом мальчик предложил:

— Мы вас проводим на Кумбу.

— На Кумбу? — удивились мы. — Так ведь это далеко.

— Ну и далеко.

— А вас дома не потеряют?

— Нет, какое — потеряют. Мы на Кумбу каждый день ходим.

— Интересно там?

— Чего интересного. Известно — гора. Таких гор у нас много. Мы на Кумбе запись погоды делаем.

Тут вмешался в разговор наш храбрый Эдик.

— Мальчик, — спросил Эдик, — скажи, а медведи на Кумбе есть?

— Встречаются.

— Ну, а как они, злые?

— Что? — не понял наш проводник.

— Я спрашиваю, людей они едят?

В глазах мальчика появились озорные искорки; еле сдерживая смех, он ответил:

— На Северном Урале медведи больно злые. Кого не встретят — обязательно... — И он сделал такой выразительный жест руками, точно хотел раздавить Эдика.

Ребята засмеялись. Улыбнулся и Эдик, но по его лицу видно было, что даже и шутливое сообщение на него подействовало.

— Кумба совсем близко! — закричали проводники.

Кумба появилась неожиданно, и уже можно было разглядеть отвесные скалы, высокие пики горы.

— Теперь сюда, — сказал рыжеволосый проводник и свернул с лежневки в лес на узенькую еле приметную тропинку, заметно поднимающуюся вверх.

Сосны и кедры шумят над нами, между толстыми стволами их кое-где приютились низкие рябины и березы.

Километра через два наш проводник, шедший впереди, остановился и сказал:

— Вот и родник. Ночуйте здесь, а завтра полезете на вершину.

Впереди виднелся камень метра в два высоты, из-под него бежал ручей с чистой холодной водой.

— Скоро начнет темнеть, мы пойдем домой, — сказали проводники. — Завтра придем к утру и вместе полезем.

— Обязательно приходите, ребята, — просили мы, прощаясь с новыми друзьями.

Лагерь разбили быстро. Наш повар Нина Маслова нарядила группу ребят за хворостом, Сережа Пищальников поставил палатку, а Шурик Созин, взобравшись на кедр, сбил с веток множество шишек. Расселись у костра, жарили шишки. До ночи было еще часа три. Кому-то из ребят пришла в голову мысль сегодня же отправиться на Кумбу.

Согласились все, но не нашлось охотников остаться дежурить в лагере. Предложили Эдику:

— Медведей на Кумбе — уйма, оставайся.

Но и он отказался. Бросили жребий, и троим несчастливцам волей-неволей пришлось дежурить у подножья горы. Оставили им два ружья.

Тропинка от родника круто полезла вверх. Чем выше на Кумбу, тем меньше становилось деревьев. Кедр, сосны и ели исчезли совсем, а оставшиеся березы были малы ростом и хилы. Вскоре среди каменных глыб потерялись и они. Тропа также затерялась среди хаотических нагромождений камней.

— Теперь прыгать будем, как козлы, с камня на камень, — пошутил Эдик.

Подъем становился труднее. Порой приходилось действительно как козам прыгать по камням, а иногда ползти по наклонным скалам, цепляясь за трещины и выступы.

Добрались до вершины самой низкой скалы. Кругом ее возвышались каменные стены. Недалеко стояла скала, похожая в профиль на летчика в шлеме. Вершины Кумбы еще не было видно.

Через два часа, выбиваясь из сил, мы штурмовали вершину Кумбы. Вершина горы увенчана скалой метров пятнадцать высоты, на скале двухметровая мачта.

Было очень холодно, ветер пронизывал до костей. Но мы, не обращая внимания на него, любовались чудесным видом, открывшимся со скалы.

Синий мрачный массив леса отсюда кажется мягким ковром, устилающим землю. Мачтовые сосны, высокие кедры, ели, лиственницы рождаются здесь, чтобы потом под рукой человека упасть на землю и начать интересное путешествие по Советскому Союзу. Срубленный лес по лежневкам доставляют к сплавным рекам. В половодье бревна-путешественники плывут по горным рекам, и каналам в Каму, Волгу, Москву, Астрахань, Сталинград.

С запада, юга и севера Кумба окружена каменным кольцом предгорий, сопок и ответвлений Уральского хребта. К юго-востоку, недалеко от Кумбы, стоит небольшой седловиной Золотой камень, прозванный так потому, что слюда, вкрапленная в горную породу, горит под лучами солнца точно золото. И только на востоке это горное и лесное однообразие нарушают небольшие горные озера да блестящие ленты рек. Хорошо было видно и Баяновку, откуда мы пришли, и еще какие-то маленькие поселки, вероятно, селения старателей.

Насчитали тринадцать озер. Ветер крепчал. Тучи заволокли небо, и было трудно определить — день сейчас или уже наступила ночь. Под небольшим камнем нашли тетрадь, в которой баяновские ребята записывали наблюдения за погодой. Какие они смелые и сильные!

Решили спускаться. Провели переключку, и оказалось — нет Эдика.

— Эдик! Ткаченко-ко-о! — кричали мы, но в ответ только горное эхо доносило далекий гул.

Вдруг розовый свет заходящего солнца залил всю долину между гор и камнями Кумбы. Солнце, на

минуту освобожденное из-за облаков, бросило последний раз за этот день взгляд на землю. Тайга и горы стали казаться не такими мрачными и таинственными, какими были, окутанные туманом и вечерними сумерками. А Золотой камень заискрился тысячами разноцветных огней.

Погас последний луч солнца, и землю снова окутал мрак. Взволнованные чудесным зрелищем, обеспокоенные исчезновением товарища, мы молча спустились с Кумбы.

Собака Марта, оставленная в лагере, учуяла нас первой и подняла лай. Три тени замелькали у костра, и чей-то голос выкрикнул:

— Кто идет?

Точно сговорившись, мы промолчали. «Сторожа» переглянулись и решили отступить к палатке. Но Марта, узнав нас, с радостным визгом бросилась навстречу.

— Где Эдик? Не приходил? — первое, что спросили мы у ребят.

— Вон в палатке спит, — ответили дежурные. — Часа полтора храпит, страх на весь лес нагоняет.

— Почему он убежал от нас?

— Ягод говорит объелся, брусники.

За нарушение дисциплины мы постановили наказать Эдика: разбудили, дали ружье и оставили дозорным нашего сна.

Но спать долго под охраной храброго Эдика не пришлось. Через час он ворвался в палатку:

— Вставайте, медведь напал! — кричал он.

В лесу лаяла Марта. Мы посоветовались и, вооружившись ружьями и ножами, пошли посмотреть на «гостя».

Это был барсук. Он взобрался от Марты на сосну и с любопытством разглядывал ее. Барсука убили.

Утром, не дождавшись наших проводников, мы ушли от Кумбы.

Дальше путь лежал через тайгу к реке Сосьве. В поселке Тонга мы намечали купить лодки и сплыть по неизведанной реке до железнодорожной станции Сама. А там и до Серова было совсем недалеко.

В полдень в лесу встретили двух необычайных охотников: мальчика и девочку с ружьями. Одежда незнакомцев удивила нас: палило солнце, а мальчик был одет в теплый суконный совик, который надевался прямо через голову без разреза спереди и без пуговиц. К совику были пришиты шапка-капюшон и варежки. На ногах у обоих были большие сапоги из плохо выделанной кожи с задранными кверху носками. Мальчика трудно было отличить от его подруги: у обоих длинные волосы, длинные косы. Только мальчик был, хотя и низкоросл, но широкоплеч.

Начался разговор.

— Кто вы? — спросили мы.

— Манси охотники, — ответил мальчик.

— Сколько тебе лет?

— Десять. Куда вы идете?

— В Тонгу.

— Пойдем вместе, мы туда же идем.

Пошли. Дорогой Виктор спросил мальчика:

— У тебя родители есть? Как зовут тебя?

— Есть. Яков.

— Ты учишься?

— Учился зимой во втором классе.

— А на лыжах ходить наверно умеешь?

— Могу.

— А на оленях ездить?

— Умею, у меня пять оленей, — гордо ответил Яков:

— Вот это здорово, — позавидовал Шурик. — Такой маленький, а уже своих оленей имеет.

— У моего отца 300 голов.

Незаметно дошли до Тонги — маленького приискового поселка старателей и административного центра лесоучастка. Лодок в Тонге не оказалось, плыть по Сосьве не на чем. Это известие огорчило нас. Выручил старичок лесник.

— Чего грустить, — сказал он. — Экая беда — лодок нет. А руки у вас на что? Плоты сколотите да и плывите. Чай, не маленькие. А лесу у нас много, десять бревен не разорят.

Идея понравилась. Шутка ли — самим сделать плоты! Лесник выдал пилы, топоры и повел за два километра в лес, где были подходящие лесины. Застучали топоры, завизжали пилы, и первая сухая ель с шумом рухнула на землю. За ней повалилась другая, третья. Самые младшие из нашей группы приступили к разделке сваленных деревьев: обрубали сучья, распиливали стволы на пятиметровые бревна.

Скоро заготовка леса для наших судов закончилась. На лошади перевезли бревна к реке и принялись за сборку. Плоты решили скрепить по-разному: стальными тросами, черемуховыми вицами, скобами и железными поперечными планками со шпильками. Как оказалось в конце путешествия, плот, скрепленный ветвями черемухи, несколько не уступил в крепости другим.

Простившись с гостеприимной Тонгой, отплыли. На каждом плоту был свой командный состав и матросы, орудовавшие шестами. Капитанами плотов были: Шурик Созин, Володя Шишкин, Юра Костоусов и Сережа Пищальников.

Первым отплывает плот Шурика Созина, за нам остальные.

На перекате плоты быстро набрали скорость. Вода небольшим слоем бежала по камням, но бревна задевали дно и садились на мель. Нужно было иногда прыгать в воду и сталкивать плот с мелкого места.

За вторым поворотом ожидал большой перекат. Вода текла узкой, глубокой и быстрой струей. Видно было хорошо, как вода, словно с горки, скатывалась вниз.

Рулевые наготове с шестами стоят на плотках и внимательно вглядываются вперед, ожидая подводного камня. На быстринках зевать нельзя, плот перевернет вместе с багажом и пассажирами. Перекат проехали без приключений.

Спокойное течение реки дало небольшой отдых. Шесты лежали на плоту, рулевые отдыхали, девочки запели песню, она далеко разносится по реке.

На плоты все мы сядем,
Вот так.
И себя мы привяжем,
Вот так.

Веселее, моряк,
Веселее, моряк,
Делай так.
Делай так,
И вот так.

— Подводный камень!

— Перекат!

Тревожный сигнал переносился с плота на плот. Несколько раз садились на мель и сталкивали плоты. Не заметили, как белые кучевые облака сменились черной грозовой тучей. Сильный ветер возвестил о дожде. Первые большие капли зашлепали по воде.

Плоты пристали к берегу.

После оглушительного грома полил сильный дождь.

Укрыться от него под палаткой мы не смогли: в ней были завернуты продукты. Пришлось скрываться на берегу под соснами.

Но дождь скоро прошел. И опять мы плывем.

На одном повороте Эдик радостно вскрикнул:

— Деревня!

— Это Воскресенка, — сказал топограф Толя.

Мы проплывали мимо деревни, которая красиво раскинулась на крутых берегах. «Хозяйственники» по своим делам пошли в деревню. Остальные исследовали берег. Геолог с молотком карабкался по обрыву.

— Старая шахта! — крикнул сверху Юра.

Ребята поспешили к нему. Груда породы лежала перед входом. По серебристому металлическому блеску камней узнали, что в шахте добывали медную руду. Вход в шахту забит снегом, и от него медленно поднимался пар.

— По плотам! — слышался голос дежурного.

Первый плот отплывал. С опозданием отплыли остальные. Валя Сильваненко задержался. Плот отплыл, и остановить его на перекате было невозможно. Ему пришлось берегом догнать плот далеко за перекатом.

Темнело. Признаков жилья не было, по берегу тянулся темный лес. Плыть стало трудно: ничего не видно.

Наконец, за, поворотом показалась избушка, а за ней деревня Долгая Поберега.

С утра девочки занялись собиранием малины и земляники, а остальные ремонтом «флотилии». На каждом плоту устроили возвышенности из старых досок. На этих подмостках багаж не будет подмокать.

Ремонт занял много времени, и только в три часа снялись с «якорей».

На «промысловом судне» и на «кухне» занялись рыбной ловлей. Сильно клевал чебак, но у рыболовов скоро кончились запасы кузнечиков. Пришлось пристать к берегу и заняться охотой на них. Тихие прибрежные заводи кончились, и мы взяли за шесты. Блеснула бурлящая вода перекатов, приходилось то и дело отворачивать от белой пены, образуемой подводными камнями. Но все обходится

благополучно.

Доплыли до разветвления Сосьвы на два рукава. Три плота плывут по более спокойному правому рукаву, а четвертый, желая сократить путь, плывет по левому. Течение быстрое, волны заливают плот, обдавая экипаж брызгами. В одном месте струя неслась у самого берега, с которого низко над водой свешивалась ива, ветки били по лицу. Желая уклониться от удара, Толя Мальцев схватился за ветку и повис над водой. Кое-как добравшись до берега, Толя бегом пустился догонять свое судно, весело напевая дорогой:

Ходят волны кругом вот такие,
Вот такие большие, как дом.
Мы, бесстрашные волки морские,
Смело в бурное море плывем...

Только утих смех над Толей, как произошла другая авария.

Команда на шишкинском плоту зазевалась, и он, налетев на камень, встал, как говорят, — «на-попа». От сильного толчка «медсестра» Вера вместе с аптечкой полетела в воду.

Сначала выловили Веру, а затем пустились догонять аптечку.

Впереди раздался выстрел, другой, и так один за другим — четырнадцать раз. «Промысловое судно» попало на выводок уток, и «охотники» имели богатую добычу.

За поворотом показались деревянные домики, за ними мост и остальная часть деревни Тренькиной.

В этой деревне с Эдиком случилась забавная история. Он взял ружье и пошел на охоту. Вернулся быстро — весь мокрый, грязный, с подбитым глазом.

— Что случилось, Эдик? Тебя били? Рассказывай.

Эдик рассказал:

— Убил я утку, а она в камыши, я за ней. Она в болото — я за ней. Упал в грязь, ударился лицом о кочку, подбил глаз.

— Кого же ты убил? Где утка?

— Убил я... — Эдик замялся.

— Корову, — подсказал кто-то.

— Не-ет, — со слезами на глазах проговорил злополучный охотник. — Ну, как называется мужик уток?

Тут только догадались: Эдик убил селезня.

От деревни Тренькиной перекаты пошли глубже, и плоты не стало заедать. По берегам появились красивые скалы. В самой большой скале над самой водой виднелся вход в пещеру.

В пещере было холодно, под ногами сырые комья глины. Пройдя в пещере с зажженной берестой метров двадцать, мы остановились около большой лужи. У краев вода была замерзшей, на стенах лед.

Скоро отплыли. Стали попадаться скалы, похожие на булки хлеба, лес на многих из них выгорел. Мы прозвали их ковригами. Но встречались и красивые дикие утесы: высокие, неприступные. Чем дальше по реке, тем сильнее росла в нас уверенность, что Сосьва по красоте своей не уступит признанной красавице Урала — Чусовой. С большой силой вода бьет о скалы, поднимает высокие волны. Слышны крики:

— Не зевай! Отталкивайся шестом!

Солнце скрылось за горизонтом, багровая вечерняя зорька окрасила западную часть неба. Наши

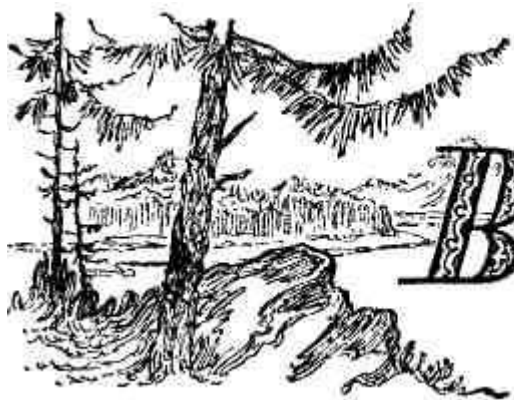
плоты стоят у Усть-Конды, пустого поселка, в котором живет только сторож.

На реке плещется рыба. Все заняты рыбалкой, и даже Тамара, не умевшая посидеть ни минуты спокойно, на этот раз тоже рыбачила. Наловили полведра рыбы и сварили уху.

Сегодня последний день пути по Сосьве. День особенно жаркий. Купаемся прямо с плотов, плавая друг к другу в гости. Сосьва прощается с нами и показывает особенно красивые скалы: похожие на древние средневековые замки с крепостными стенами и башнями.

На следующий день, пробыв в путешествии по горам и рекам Северного Урала почти месяц, мы вернулись в родной город.

В лесах Коми

В лесах Коми

Мы вышли на границу, отделяющую леса Коми АССР от Вислянской дачи. Эта граница шириной в пятнадцать метров, как огромная труба, протянулась с севера на юг. По ней мы уходили в глубь леса. Нам предстояла длинная дорога, на протяжении которой нет ни одного селения.

— А если бы мы заблудились в лесу? Стали бы нас искать? — спросил меня Костя.

— Ну, конечно, за нами послали бы самолет, — ответил я.

— Кто за нами послал бы самолет? — вступил в разговор третий наш товарищ Миша.

— Кто за челюскинцами послал, тот и за нами послал бы.

— Про нас никто не знает, что мы ушли.

— Узнали бы. Здешние жители — коми узнали бы первыми и сообщили по телефону в Гайны, а оттуда по радио в Москву. Так, мол, и так, в глухих лесах Коми-округа затерялись три юных натуралиста, которые ушли изучать малоизвестное Адово озеро. И товарищ Сталин о нас узнал бы и все время по радио спрашивал бы: «Найдены ребята или нет?» А когда бы нас нашли и мы рассказали бы ему о своей работе, он нам благодарность прислал бы.

Вдруг звонкий лай Разбоя нарушил лесную тишину. Мы остановились.

— На глухаря лает, — определил я.

— Вот и мясо на ужин будет, — обрадовался Миша.

— Нечего шкуру делить, если волк еще в лесу, — пошутил Костя.

Я проверил заряды своей двухстволки и пошел на зов собаки. Разбой стоял возле большой сосны и, подняв морду, ожесточенно лаял. На одном из сучьев сидел старый черный глухарь. Он важно шагал по сучку и, поглядывая на собаку, кричал. Я прицелился и выстрелил. Глухарь, распутив крылья, полетел вниз. Не дав ему коснуться земли, Разбой схватил его за голову. Я отнял птицу у собаки и побежал к друзьям.

— Есть один, — крикнул я, выбегая на границу.

— Я говорил, что ужин будет, — запрыгал Миша.

Солнце спустилось к горизонту, когда мы подошли к реке Утьве. Эта маленькая речушка, затерявшаяся в лесах необъятного Урала, протекает по угрюмым болотистым лесам. Нельзя найти Утьву на географических картах, но на нашем плане она нанесена от истоков до устья. Вода в ней особенно черная, и поэтому трудно разглядеть дно Утьвы. От речушки веет чем-то зловещим и страшным. Летом берега ее

густо зарастают пыреем, над водой склоняются ольхи, которые отражаются в воде, как в бездонной пропасти. В Утьве много хариусов, но еще больше вьюнов. Вьюны живут в заливах, заросших мхом и занесенных илом.

Мы решили заночевать на берегу реки. Отсюда до Адова озера оставалось двадцать километров по нехоженному лесу.

Берег оживился; я рубил деревья для шалаша, Миша зажег костер и чистил возле него глухаря, а Костя смастерил удилище и пошел рыбачить.

— Как у тебя дело с ужином? — окончив балаган, спросил я Мишу.

— Все в порядке. Глухариный суп закипает.

— А Разбоя накормил?

— Он сам о себе позаботился: зайца поймал.

— Вот молодчина! Ты ему еще кусочек сахара дай. А я пойду к Косте.

От реки поднимался густой, серый туман. Тихо журчала вода, да кое-где плескалась рыба. Костя сидел на бревне, переброшенном через речку. Одной рукой он держал удочку, а другой отгонял от себя комаров. Только подошел я к нему, как он вскочил на ноги и, не бросая удочки, выпрыгнул на берег. Лицо его побледнело.

— Чего ты?

— Вьюн, вьюн!

— Где вьюн?

— На удочке.

Я взглянул на леску и увидел, что на крючке извивался полосатый вьюн. Он разевал рот, стараясь выплюнуть удочку.

— Извивается, как гадюка. Беги, Костя, в лагерь и тащи ружье.

Прибежал Миша с ружьем, я выдернул вьюна на берег, и Михаил убил его.

После ужина забрались в шалаш. Сторожить лагерь остался Разбой. Есть ли приятнее ночлег, как летом в лесу, на душистой траве, под кудрявой ольхой? Лежишь, дышишь свежим воздухом и прислушиваешься к шептанию леса. Где-то далеко за Утьвой прокричал филин, прошуршала по ольхе шустрая белка, а потом стало тихо, только еле слышно шумел лес.

За ночь не произошло никаких приключений. После завтрака мы отправились в путь.

— Почему это озеро называют Адовым? — поинтересовался Миша.

— Знаешь у нас на участке счетовода Власова? — ответил я. — Вот я у него в тетради читал, что озеро назвали так в 1883 году. Была здесь какая-то научная экспедиция, и двое из нее утонули в этом озере. С тех пор на нем, пожалуй, никто не бывал. Вот мы и должны проверить, изучить подробно водоем, население его.

Через несколько часов забрались на невысокую тору и увидели блестящую на солнце поверхность озера. Я вытащил план.

— Мы находимся, на северной стороне озера. Единственная избушка расположена на восточном берегу. Около нее должны быть лодки. Пойдемте в обход. Избушка должна быть на берегу, и мы не проглядим ее. Сегодня все приготовим, а завтра начнем осматривать озеро. Правильно ли я говорю?

— Идет, согласны.

Метров за двести до воды лес исчезал. Дальше простиралось топкое болото, по которому нельзя было пройти. Мы отыскивали еле заметную тропинку, проложенную то ли человеком, то ли зверями, и пошли по ней. Тропа временами совершенно исчезала в болоте, но тут на помощь нам приходил Разбой. Он отыскивал тропинку и вел нас вперед.

Избушка стояла в болоте. Возле самой ее двери журчал прозрачный, холодный ручеек. Избушка была установлена на большом, сбитом, из бревен плоту. Стены местами сгнили, и вся она почернела от старости. Первым в избушку зашел Миша. В комнате пахло гнильем и сыростью, стены были покрыты толстым слоем сажи. К одной из стен прилепились дряхлые нары, в углу стояла полуразрушенная глиняная печь, а на полу лежала куча мусора ихлама. Принялись за осмотр. Взглянув под нары, Миша закричал:

— Лодки!

Под нарами виднелась лодка, а в ней другая, совсем маленькая, сделанная из бересты. Ночевать в избе нам не хотелось, и мы провели эту первую ночь на Адовом озере в лесу.

Утром занялись доставкой лодок к озеру. Сначала мы не знали, как пройти топь. Выручил Костя.

— Я видел, как ходили охотники по болоту. Они привязывали к ногам широкие доски и шли по болоту, как на лыжах. Наверное, и нам придется делать так же.

Доски мы разыскали в избушке, они были колотые и очень тяжелые. Еле-еле отрывали мы ноги от земли. Больших трудов стоило нам тащить волоком лодку до озера. Но все же, после долгих мучений, мы дотащили ее. Костя сел за весла, а я встал за руль. Поплыли.

На середине озера я отдал команду:

— Бросить весла, слушать мою команду. Миша, ты будешь сидеть с блокнотом в руках и записывать все, что я тебе буду говорить.

— Есть все записывать, — улыбнулся Миша.

— Ты, Костя, пускай из лодки дорожку и лови рыбу.

— Есть ловить рыбу.

— Пиши, Миша: вода в Адовом озере черная, дна не видно. Восточный берег подходит к воде топким болотом, по которому без специальных приспособлений пройти нельзя.

— Кто-то попал? — закричал Костя.

— Тащи.

— Это тоже писать? — смеясь, спросил Миша.

— Рыба! — снова закричал Костя.

— Какая?

— Щука.

Общими усилиями вытащили большую щуку в лодку. Щука сопротивлялась, била хвостом, извивалась, стараясь выпрыгнуть за борт.

— Руби ей голову! — скомандовал я.

Костя достал топорик и ударил щуку обухом по голове. Рыба затихла.

— Какая черная! — восхищался Миша. — Совсем не походит на наших вислянских.

— Озеро не проточное, потому и щука черная, — пояснил Костя.

— Пиши, Миша: первым обитателем озера, обнаруженным нами, была щука. В отличие от речной пойманная щука на Адовом озере — черная.

За несколько часов мы сделали подробное описание берегов, болот, лесов, окружающих озеро. Не везло нам с изучением населения озера. Косте было много работы, но вытаскивал он все время щук.

— Неужели здесь, кроме щук, никакой рыбы нет? — жаловался Костя. — Надоели они мне, ребята. Как кабаны, жирные.

— А ты брось дорожкой ловить. Вот я сейчас заброшу удочку, и мне какая-нибудь другая рыба попадет, — сказал Миша и отложил в сторону блокнот в карандаш. Он насадил кусочек хлеба на крючок и забросил удочку в воду. Поплавок моментально дернулся и пошел ко дну. Миша потянул, но удилище угрожающе согнулось. Тогда он осторожно и постепенно стал подтаскивать добычу к лодке.

— Вася, хватай за плавни, — шопотом сказал он мне.

— А кто это? Может быть, она кусается?

— А ты не за рот, а за плавни хватай.

Я опустил руки в воду.

Это был большой широкий карась.

Приближалась ночь. Костя тихонько греб к противоположному берегу. Озеро было спокойно, и только за лодкой оставался след. Вокруг нас стаями летали утки, садились недалеко от лодки, удивленно смотрели на нас.

— Как их много здесь, — с завистью сказал Миша. — Вот бы у нас на Вислянке было столько.

Курлыкая, прилетел караван гусей и плюхнулся недалеко от лодки. Мы не стали стрелять птиц.

Южный берег озера, в противоположность восточному, сух и привлекателен. Возле берега осока, широколистые лопухи и белые лилии. Попадаются островки, заросшие кустарником молодой, ольхи и цветами «кукушкиных слез».

Здесь было так приветливо, что мы стали негодовать на первых открывателей озера за их поспешное название ему. Озером рая, а не ада следовало бы назвать это озеро.

Соловей

С о л о в е й

Солнца луч скользнет на крышу,
Рано встану я,
Выйду к речке и услышу
Пенье соловья.

Переливами напевы
Льются над рекой.
Там, где виден берег левый,
Есть певец такой.

Очень маленький пернатый,
Ловок и красив,
Он поет свои сонаты
У зеленых ив.

Долго слушаю я этот
Мелодичный свист.
Над рекой широкой, светлой
Солнца луч повис.

Тихо, тихо... Над рекою
Легок чайки взлет,
Будто сердцем и душою
Соловей поет.

Маленькие брэмы

Кто из ребят не любит читать книг о жизни зверей, птиц, книг, где рассказывается о рыбах, о путешествиях, о приключениях? Кто из ребят не любит перелистывать книги с картинками из жизни природы?

Помню, когда я был совсем маленьким, у нас в доме появилась откуда-то старая-престарая книга, без корочек, с массой картинок со зверями. Наслаждением для меня было зимними вечерами перелистывать и подолгу рассматривать зверей и птиц всего земного шара.

Когда я подрос и уехал учиться в другую школу, моей книгой завладела сестренка. В прошлом году, к великой моей жалости, сестренка вырезала интересные картинки и раздала подругам в обмен на куклы и игрушки, а большую часть растеряла.

Вспомнив свой интерес к книге с картинками, я понял страсть к природе, к таинственной иногда жизни животных, которая поглощала всю жизнь моего приятеля Вилачева Аркадия.

Он был у нас в школе зачинщиком и руководителем юннатско-краеведческого движения.

Как-то однажды мы смотрели картинки в книгах Брэма. К нам подошел Вилачев, смотрел-смотрел через наши головы в книгу и говорит:

— Хорошо Брэм пишет, но о наших зверях и птицах у него мало написано.

Разгорелись споры, поднялись крики:

— Где ему, Брэму, больше Аркашки знать?

— Вилачев сам о зверях книгу пишет. У него про одного только волка сто страниц написано.

Иные ребята смеются, а кто и защищает Вилачева в спорах:

— Правда, Брэм не все знал о зверях.

Долго бы еще спорили мы, если бы в класс не заглянул директор. А директор у нас охотник, рыболов, краевед. Приоткрыв дверь, Николай Павлович спрашивает:

— О чем шумите, юные герои, что возмутило вас?

Вилачев пожаловался, что на него нападают из-за Брэма.

Узнав, в чем дело, директор спрашивает Аркашу:

— Ты сдался им в споре или продолжаешь настаивать на своем?

— Нет, не сдаюсь, — ответил Вилачев.

— Молодец, Аркаша. Защищайся, ты прав.

На этом как будто дело и кончилось; Но вскоре по школе разнесся слух, что в краеведческом кружке затевается что-то интересное, а что — толком сказать никто не мог.

По классам прошли различные слухи. Одни говорили даже, что Вилачев хочет дрессировать воробья.

А затея Вилачева Аркадия постепенно сама собою раскрывалась. Узнали, что в четвертом классе Миша Печеркин принес в школу живую сороку. А через три дня ребята-второклассники из соседней деревни Мостовой притащили в мешке сову, пойманную в амбаре.

Все заразились ловлей всякой живности. Школьный столяр прямее в учительскую большую клетку, а на другой день в ней был поселен хорек. В шестом классе «Б» в просторной стеклянной банке поселился карась.

Новости, которых так ждали от краеведов, посыпались, как горох.

В четвертом классе опять придумали шутку, распространили слух, что Вилачев за дешевку купил небольшого кита.

— Правда, правда, — настаивали ребята. — Кит сейчас в мягком вагоне сюда едет.

Вилачева у нас прозвали «Брэмом». Он ходил широкими шагами, покачиваясь. Кто-то из стариков-охотников подарил ему старый дробовик.

Однако Вилачев со своими друзьями добился, что интерес к жизни животных и к природе у ребят все рос и рос.

Начались наблюдения, начались и неудачи.

У Миши Печеркина околела сорока: кто-то из ребят расщедрился и накормил ее досыта соленым мясом. Гибель забавной сороки-стрекотуньи была прямо несчастьем для Миши. Другие ребята тоже жалели сороку. Главное, она скоро привыкла к школьникам, в классе чувствовала себя как дома.

За сорокиной бедой нагрянула новая. В школу забралась сторожихина кошка и задавила сову. Вилачев и все бюро краеведов нервничали. Они требовали от ребят новых зверей и птиц, требовали записей. А кошку они приговорили к смерти, но потом по просьбе бабушки сторожихи пощадили.

Узнаем, что в деревне Устьянке у охотника живет дикий козленок. Устьянские ребята в цене со стариком не сошлись. Тогда покупать козленка отправился сам Вилачев.

Но Аркаша опоздал: старик козла зарезал. Вилачев, приглашенный дедом обедать, говорил с дедом о козленке и хвалил жирный суп, но в душе ругал старика.

После неудачи Вилачев спал и видел одомашненного козла, волка и даже лося.

Как-то Палтусов из седьмого класса «Б» сообщил Вилачеву, что в восьми километрах от школы в бору у «Камышного» видели рысь. Бюро кружка собралось на облаву, но директор не дал разрешения.

Наконец, Аркаша добился своего. Какой-то охотник поймал в капкан козленка у стогов сена, привез домой и подарил Аркаше. Начались у Вилачева состязания с Брэмом.

Через месяц козел сделался полным хозяином двора. У собаки козел отобрал теплое гнездо в углу под крышей — сам в нем поселился. Часто начал отбирать у собаки бросаемые ей куски. А то заберется в квартиру, пройдет на кухню, найдет чашку супу — вылакает. Молоко пил, как теленок, и воровал его, как блудливая кошка. А то зайдет в квартиру, запрыгнет на кровать, свернется на одеяле калачиком и спит.

Как-то раз козел отгрыз листья у фикуса, которым так особенно гордилась перед соседками мать Аркаши. Все проделки питомца радуют Аркашу.

— Ага! У Брэма этого нет.

Аркаша показал пример, за ним потянулись другие ребята. Вот недавно четвертый класс взял на воспитание зайца. Сидит он у них в клетке, грызет морковку или капусту кочан; чистит мордочку, привык к ребятам, не боится.

С осени многие ребята взяли шефство над молодняком фермы колхоза имени Буденного.

Пернатый разбойник

Хороши места у нас в урочище Дуброва. Есть в ней просторные покосы, есть болота, густые заросли кустарников, есть красивые березовые рощи, есть и глухие места, даже непроходимые.

Всякой живности много в Дубровой: волки, дикие козы, хорьки, горностаи, глухари, рябчики, а ночью филины кричат.

Однажды мы с ребятами ходили в урочище за ягодами. Под старой осиной, в мелком молодняке осиннике, под хворостом нашли гнездо филинят. Их было три: один большой, другой поменьше, а третий совсем маленький, немного побольше кулака. Увидя нас, филинята побольше спрятали между собой малыша, а сами, тараща большие желтые глаза, зашипели и защелкали клювами.

Откуда-то неожиданно прилетел старый филин и стал кружить над нашими головами. Мы вооружились хворостинами.

Мне захотелось взять большого филиненка домой на воспитание. Эта птица давно меня интересовала, побаивался я ее мрачных криков «фугу».

В деревне у нас о филинах рассказывали всякое. Кто рассказывал о том, как филин ночью угнал далеко-далеко лошадей у пастухов; другой уверял, что филин может за человеком слова повторять, а бабка Домна упорно верила, что филин, прилетевший на избу, обязательно какое-нибудь горе несет.

Отмахиваясь хворостинами от филина-старика, мы вытащили большого филиненка из гнезда, посадили его в корзину и побежали домой. Наш пленник основательно нас всех поцарапал и поклевал, все время стараясь выбраться из корзины.

Дорогой мы долго спорили о том, почему у филина птенцы не одинаковы по росту. Только дома мой дядя-охотник сказал:

— Филин сначала кладет одно яйцо, которое высидит сам. Когда первый птенец подрастет, то под него самка несет второе яйцо, которое уже греет своим теплом первый детеныш.

Итак, у меня филин. А чем и как его кормить? Филиненок все время пищит: любому понятно, что есть просит.

Нашел я под крышей воробьиное гнездо, вытащил из него пять воробьят, подал филину одного — хватить и проглотил, второго, третьего. Всех съел!

Как будто и наелся, а все пищит. Решил попоить. Налил в бутылку воды, он открывает рот, а я ему лью, он глотает. Потом привык сам пить, как курица, из корыта.

Обжился филиненок. Накормишь досыта — молчит и дремлет, не накормишь — пищит.

Стал я думать, как назвать его. Долго выбирали с ребятами кличку и решили назвать Филькой.

Несу ему пищу, а сам все приговариваю: «Филя! Филя!» Ребята придут в гости — также кричат. Привык: как услышит свое имя, так и начнет из стороны в сторону покачиваться и пищать.

Все хорошо, но только надоело мне воробьят Фильке таскать; уж очень помногу он их в день съедал; да и дядя мой уже не один раз мне предлагал его на другую пищу перевести, а то, говорит, «вы всех воробьев в деревне изведете».

У нашей кошки как раз в то время были котята, и она каждый день с излишком таскала им крыс и мышей. Я обложил кошку данью в пользу филина. Помню, принес первую мышь Фильке, держу ее за хвост, он прицеливался-прицеливался и хап... Только хвостик мелькнул. Не отказался и от такой крупной пищи, как крыса. Иногда я крыс отбирал у кошки, а потом мы с ребятами их по несколько штук в день ловили на складах колхоза. Интересно было, как Филька справлялся с первой крысой. Обычный прием: возьмет в клюв, головой трясет, машет, покачивается из стороны в сторону, а сам глотает. Рвать пищу на куски в первое время он не умел, но ел много, по пяти-шести крыс.

Один раз я напугался. Дядя застрелил галку, я отдал ее Фильке. Он хотел сразу ее проглотить, да не удалось. Оборвал я у галки хвост, крылья, опять ему отдал, он ее проглотил, глаза зажмурил от удовольствия.

Филин рос быстро, скоро курицу догнал, обозначились уши, начал густо покрываться красивыми перьями. Ко мне и ко всему населению нашего двора совсем привык. Я стал его выпускать из клетки, и он свободно, в перевалочку с ноги на ногу, похаживал по саду и двору. Не стал бояться ни коровы, ни свиньи. Только держал себя настороже с кошкой и с собакой, с которыми у него было много ссор.

На первых порах кошка с собакой целыми часами наблюдали за Филькой; были у них попытки придушить его, но я заступался. А потом Филька и сам себя в обиду не давал. Как только собака подходит к нему, так он шипит, бьет ее клювом и царапает.

Постепенно он начал взлетать на крышу, на высокие деревья.

Вскоре обнаружилось, что он ночами летает по деревне. Пошел я в магазин, вдруг меня останавливает бабка Домна и начинает ругать:

— У тебя, сорванец, говорят, филин живет? А ты знаешь ли, что филин самая вредная птица, сколько от него народ слез пролил? Напугал он меня сегодня ночью. Проснулась от страшных криков, вышла на двор, а твой филин сидит на крыше и фугует. Не к добру это... Ты виноват во всем будешь, если беда на меня какая нагрянет.

Пришлось от бабки поспешно уходить.

Вернулся из магазина, пошел в сад Фильку журить, а он под кустом малины треплет Пимку, моего любимого котенка. Котенок пищит, а Филька распустил свои крылья, шипит, клювом щелкает. С трудом отобрал Пимку из лап разбойника.

Не успевал я записывать всякие приключения и проделки, в которых был замешан мой Филька.

Но однажды Филька сам попал в неприятную историю: медку ему захотелось. Смотрю, сел на улей.

Я подошел к Фильке и говорю:

— Что ты, большеголовый, тут делаешь? Хочешь, чтобы тебя пчелы нажалили?

Остался филин на улье, начал нос лапой чистить. Вдруг он шарахнулся, замотал головой, отпрыгнул с улья и с жалобным писком поковылял в заросли малины.

Под вечер Филька пришел к корыту пить. Я испугался: один глаз закрылся громадной красной шишкой, Филька окривел.

Я ему сказал:

— Говорили тебе добром, зачем забрался на улей?

Весь день он был вялым, даже не просил пищи, голова, видимо, болела. Долго оставался он кривым.

Когда Филька стал везде летать, то почти каждый день у нас в саду бывали птичьи скандалы. Как только филин выберется на видное место, так к нему со всех сторон летят сороки-белобоки, вороны-каркуши, галки и грачи. Поднимается гвалт. Филька сидит, вертит башкой, а они около него летают, то с боков, то сверху нападают; иногда филин сидит-сидит да и бросится на них, они от него в разные стороны.

Мы с дядей ухитрились под этот шум из укромного местечка бить галок из мелкокалиберки. Вся эта птичья кутерьма Фильке на пользу шла.

В августе Филька настоящим разбойником сделался. Он научился ощипывать и рвать на куски птиц. Захватит в лапы, как в клещи, и клювом рвет. Утрами и вечерами начал нападать на котят, на маленьких собак, на кур.

У бабки Татьяны, что живет неподалеку от нас, он петуху голову оторвал. Бабка прибежала жаловаться и ругаться к дяде. Мы ей купили петуха на птицеферме в колхозе. Успокоилась бабка; я вздохнул свободно. Но не тут-то было.

Через несколько дней, видим, бабка плетется к нам и несет подмышкой петуха.

У меня сердце екнуло, спрашиваю:

— Что, бабушка?

— Не надо мне этого петуха, давай другого. Это не петух, а воображало какой-то: ни на одну курицу и глазом не поведет.

Вот беда! Поплелся я в соседний колхоз, в котором разводились петухи другой породы — красные и большие. Обменял, два рубля приплатил, петуха выбрал на-славу: высокий, орет как паровоз.

Бабка этим петухом осталась очень довольна.

Вечером зашел в сад, Филька сидит на сосне, я погрозил ему.

— Разбойник! Идол! Из-за тебя со всеми старухами в деревне в войну вступишь.

И на самом деле. Бабка Татьяна опять пришла с петухом.

— Это не петух. Избил чисто всех. Меня бьет, кур бьет, кошку бьет... Убирай, убирай, куда знаешь. Не приму такого петуха.

Что делать? Еще раз сходил и обменял петуха!. Несу его и чуть не со слезами всю дорогу глажу по голове и упрашиваю:

— Будь, Петя, умницей, успокой ты старуху! Наведи ты у нее в курятнике порядок, измучила она меня.

Петух тот, видимо, удался, бабка больше не бывала с жалобами.

Только я уладил петушье дело, как Филька новый фокус проделал.

Мой друг Миша Коновалов кормил и дрессировал голубя. Голубь у него, как и мой филин, везде летал и никого не боялся. Миша часто хвалился передо мной:

— Из твоего филина никакого проку не выйдет, обжора и только. А мой голубь может почту носить.

Я ему сказал тогда:

— Мой сильнее твоего голубя, если попадет твой голубь моему Фильке в лапы, — конец ему будет.

Так оно и случилось. Прибежал ко мне Миша и кричит:

— Убью твоего филина! Он у меня голубя утащил.

— Ну?!

— Прилетел к нам на ворота и сидит. Я его не прогнал. А голубь его, видать, за курицу принял, не побоялся. Когда я дал корм голубю, филин подлетел на забор, потом и на землю спустился. Голубь воркует да зернышки клюет, а филин рядом сел. Я еще порадовался, что они дружить начинают. Только так подумал, а филин хап лапой голубя, да и был таков.

— Ну?!

— Не «ну», а убить твоего филина надо.

— Что толку, Миша? Дело не исправишь, ты сам виноват: должен был прогнать филина.

— А я разве знал, что он гадом окажется?

Миша порывался в сад, но я его не пустил: камнем ударит и, в самом деле, убьет.

Миша ушел от меня злой, даже калитку не прикрыл за собой. Я струсил. Друг был сильнее меня, он может со злости побить, может, конечно, и филина подшибить. Новое дело было куда серьезнее петухов.

Пошел в сад, крикнул Фильку: он откликнулся из малинника. Нашел его там, он сидит и, верно, щиплет голубя.

Решил после этого посадить его, разбойника, в клетку. Выбрал место под большим вязом, вкопал четыре столбика, обшил их тесом со щелями. Верх клетки забросал палками и соломой. Вечером подманил Фильку, поймал и — в клетку. «Сиди на гауптвахте, раз не умеешь мирно жить с деревней».

Два дня пищал, а потом привык. Нашест ему в клетке из палки сделал, он на нем все и сидел.

Начался учебный год. Часто ребята из школы собирались ко мне посмотреть филина, приносили гостинцы.

Начались холода. С деревьев падал лист, малина пригнута к земле колышками, в сад допущены куры. Они ходят и лапами ворошат желтый ковер опавших листьев.

Зашел я после занятий в сад, вижу, висит перед клеткой курица, трепещется. Подбежал, а курица без головы. Филька щелкает, в когтях держит голову курицы. Видимо, курица просунула голову к Фильке в клетку.

Досталось же мне от тетки и бабушки!

В октябре Филька ночами начал фугать. Страшно, таинственно и красиво он издавал свои «фу-гу!»

Иногда я выйду на крыльцо, крикну глухим голосом «фу-гу», а он мне отвечает: «фу-гу». Далеко крик его катится ночью по перелескам, за деревней.

Выпал снег. Куры уже не бродили по дворам и по улице. Собрался я выпустить Фильку на волю, пускай в саду живет. Пришел из школы, не заходя в квартиру, к нему.

— Филя!

Нет ответа. Что с ним? В клетке нет. Улетел? Мишка убил? Захожу в дом, еще не успел спросить никого, как маленький братишка мне все объяснил:

— Филю рюх-рюх била, рюх-рюх плакал. Во-от!..

Пришел дядя.

— Ну, брат, твой разбойник удивил весь мир. Свинью потащил под облака, но тяжела оказалась.

— Как?

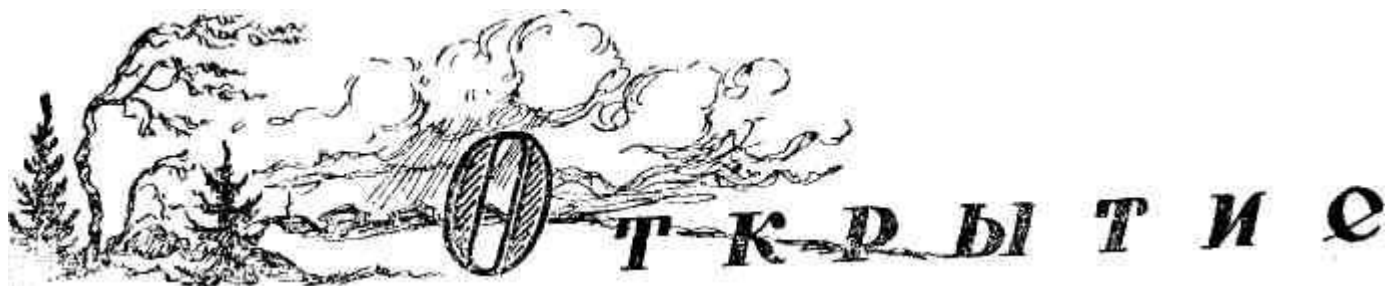
— Под крышей иди смотри, отдыхает после трудов.

Я мигом в двери и под крышу. Лежит истрепанный труп Фильки, голова в крови, одно крыло оторвано. Чуть не заплакал.

Когда я был в школе, в сад зашла свинья. Вздумала почесаться о филькину клетку, оборвала одну доску, Филька из клетки вышел. Из-за чего у них возникла ссора, неизвестно. Только вдруг завизжала свинья и ринулась бежать из сада на улицу. А на ней Филька сидит и бьет крыльями. Свинья галопом пробежала по всей деревне. Народ с гиком и свистом встретил лихого наездника. Свинья кинулась под ворота да и раздавила у досок своего храброго седока.

Так и погиб мой забавный друг.

Открытие

Звонок известил, что второй урок закончился. С шумом открываются двери классов, ребята выбегают в коридор.

Пятый «А» особенно возбужден. Оказывается, у них в классе только что была контрольная работа по географии, и никто не мог ответить на один вопрос, совсем неожиданно оказавшийся среди других вопросов контрольной работы.

Вот почему после звонка многие пятиклассники сидели за партами и перелистывали учебники географии, некоторые группами по два-три человека спорили, а Шурик Подкорытов, отличник из пятого «А», ходил около старших ребят и спрашивал:

— А разве, ребята, может быть средняя годовая температура у нашей деревни?

На другой день начали забывать вчерашнюю географическую неприятность, но на доске появилось написанное мелом объявление:

На собрании выяснялось, что каждая точка земного шара, в том числе и наше село, имеет среднюю годовую температуру. Надо только вести запись наблюдений, а потом вывести ее.

Алеша Парадеев, руководитель кружка географов, доказывал необходимость метеорологических наблюдений. Алешу поддерживал его друг, тоже ученик шестого класса, Гриша Пономарев. Собрание вынесло короткое деловое постановление: «Вести записи о погоде».

На другой день после собрания географического кружка все классы узнали, что в школе будут вестись наблюдения погоды, что данные наблюдений будут отсылаться в Свердловск и даже в Москву.

В старших классах появились добровольные группы учеников-метеорологов, начали вести календари погоды.

Ребята усваивали условные знаки, определяли силу ветра в баллах, ежедневно «фотографировали» небо, облака.

Но в первый год с затеей ничего не вышло. Подвели ребята, которые забыли вести записи о погоде во время каникул. Уже не составить выводов января, не будет их уже и за весь год.

На следующий год кружком метеорологов руководил Шурка Подкорытов. Он по-серьезному организовал наблюдения. Появились плакаты с диаграммами облачности, с «розами» ветров, завели свои календари первые, вторые, третьи и четвертые классы, начала школа заполнять специальные метеорологические, бланки и отсылать их в Свердловск.

А в конце года оказалось, что и наша деревня имеет свою среднюю годовую температуру.

От Гриши Пономарева как-то в школу пришло письмо. В письме он пишет, что служит в Красной Армии, на границе и что ему сейчас очень пригодились наблюдения за погодой и природой, которыми он,

будучи малышом, так увлекался в школе.

Глава шестая

В СТРАНЕ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Робинзоны

Р О Б И Н З О Н Ы

Павку Адоньева звали Травкой. Прозвали его так потому, что Павка очень любит природу, рыбалку, лес, травы высокие и густые.

Летом 1940 года, когда занятия в школе закончились, мы изнывали от безделья, бродили по Среднеуральску и Магнитогорску, глотали пыль. Пошли однажды купаться на Урал, который протекает возле самой Магнитки. Купаемся, брызгаемся, и никому не хочется возвращаться в пыльный город. Тут Травка и говорит:

— Ребята, чего мы сидим в пыли и ничего не делаем? Смотрите — рядом горы, лес. Приключения... Пойдем туда, облазим их, посмотрим лес, рыбу половим. А?

Мысль товарища нам понравилась. Принялись горячо обсуждать предложение. Братишка Павки Вася боялся, что его не пустят дома.

— Хорошо вам, — говорил он, — вы большие: Травка в пятом классе, Ваня в шестом, а Борис в седьмом классе. А мы с Тошкой только в четвертом.

Сговорились отпрашиваться все вместе, чтобы дома видели — идем целой гурьбой.

— А самое главное, — убеждал нас Ваня, — взять ружье, патронов побольше, капсюли, пороху, пуль и дробь.

— У меня есть самодельное ружье, — сказал Борис. — Давайте сегодня попробуем его. Если стреляет, — возьмем.

Через два дня путешественники тронулись в путь навстречу приключениям и открытиям.

За плечами у Вани самодельное ружье, из которого, как мы установили, стрелять было можно, за поясом у Травки топор, а у остальных в мешках и корзинах хлеб, лук, маленькие сети, крючки для рыбалки.

К вечеру мы дошли до Банного озера. На берегу жил дед рыбак. Он накормил нас свежей ухой и уложил спать.

На следующий день стало уже темнеть, когда мы дошли до ближней горы.

У подножья ее протекала какая-то маленькая речушка. Под самой горой на другом берегу стояла старая, заброшенная избушка. Место было хорошее: рядом горы и река, кругом лес. Решили остановиться в избушке.

Избенка оказалась необитаемой. Ни окон, ни дверей в ней не было. Зато мыши да крысы жили здесь во множестве. Ночью, когда мы улеглись вповалку на полу спать, они подняли такой визг и писк, так бегали по углам, что нам приходилось то и дело вскакивать и кричать на них. Но все же мы за ночь отдохнули.

С утра еще раз осмотрели место. Тут было очень хорошо: ягоды, грибы, дичь, рыба — все рядом. Прежде всего, взялись за хозяйство.

Боря вызвался свалить несколько деревьев, чтобы сделать стулья из чурбанов. Стол и кровать мы сколотили из тонких жердей. Пока делали мебель, Вася Адоньев таскал с берега большие тонкие плиты камня.

— Паркет делать собрался? — смеялся над Васей Борис.

— Норы крысиные затыкать будет, — дразнили мы Васятку. — Он храбрый!

Но Вася молчал и продолжал таскать плиты. Оказалось, что задумал он смастерить в избушке печь. И какая печка вышла! Как затопишь, гудит, как самовар, одно плохо — жарко, сил нет. Плиты накалятся докрасна, и дыма полно. Ну, как есть в черной бане — жарко, и глаза ест.

— На-сегодня хватит, — бросил топор Боря. — Стулья, кровать, стол и печку сделали — пошабашим. Пошли купаться.

Река текла то быстро по узким и мелким каменистым переборам, то разливалась вширь, образуя омуты и заводи. Рыбы в ней было полно. На быстринках чебак и сорога брались, а в омутах, под камнями, ютились налимы. Ваня нырнул и поймал одного руками.

— Ребята, гляньте, что я нашел, — закричал Травка. И высоко поднял над головой измятый, заржавленный, но целый котелок.

— Уху варить будем, — закричали мы.

Борис пошел выправить котелок, отбить от него ржавчину, а мы притащили сети и два раза зашли в заводи. Поймали много налимов. Рыба здесь, видать, была не пуганая, сама так и лезет в мережу.

Уха из жирных налимов оказалась вкусной. Плохо, что хлеба у нас было мало.

— Вот что, ребята, — предложил Ваня Шушарин. — Мы здесь, наверное, долго проживем?

— Конечно, долго.

— Все лето!

— Хлеб нам нужен, — продолжал Ваня. — Здесь недалеко от Банного озера мой дядя с теткой живут.

— Ну?

— Надо сходить к ним за хлебом. Кто пойдет?

Вызвались Вася и Анатолий. Паша и Борис — остались в избушке.

Прошло пять дней. Ребята не приходили. Что с ними случилось? Неужели дома не отпустили, тогда прощай задуманный поход в горы, жизнь на берегу приветливой реки!

Первые дни мы жили хорошо, не думали о зверях, которые встречались в окружающих лесах и горах, не боялись, но потом страшно стало. Боязно было особенно ночами: темными, молчаливыми. Тогда мы решили на ночь заваливать дверь чурками и жердями. Для крепости переплетали их тонкими ветками. В темноте совсем близко были волки, их горящие глаза все чаще и чаще стали показываться около избушки. Не помогали и костры. Несколько раз Борис стрелял в волков, но в ответ слышался протяжный вой.

Ребята Вернулись через десять дней.

Они привезли на двухколесной тележке восемь буханок черного хлеба и полмешка муки.

— Откуда вы это взяли? — спросили мы их. — Неужели дома дали?

— Это мы заработали, — ответили ребята. — Десять дней помогали в колхозе косить сено.

Зажили совсем хорошо. Травка был хорошим поваром. Он устраивал вкусные обеды из свежей рыбы, пробовал печь пшеничные лепешки на раскаленных камнях, да они у него все время горели. Не лепешки, а угли получались.

Однажды мы нашли в лесу старое ведро. Из него Борис сделал большой котел, и теперь ухи хватало

сразу на всех.

Через месяц развалились наши сети. Тогда Ваня сделал из них невод, и мы этим неводом ловили рыбы больше, чем сетями. Крупную рыбу мы отдавали Травке на уху, а мелкую развешивали на иголки сосен и елей, чтобы подсушить на солнце. Сушеная рыба вкусна и сытна.

— Отчего мы, ребята, никак не играем, — сказал как-то Борис.

— А во что?

— Я придумал, — ответил Борис, — Толя, пойдем мне помогать.

Они сделали городки и хорошие рюхи. А чтобы они были прочнее, Борис выдумал закалить их на огне.

Стали мы играть в городки, но скоро бросили эту игру, потому что одного человека у нас нехватало. Всегда выигрывала та партия, в которой было трое. Тогда Толя, чтобы не ссориться больше, взял да и сжег городки.

В августе мы в первый раз пошли в горы. Для случая прихватили с собой ружье. Долго карабкались на вершину высокой горы, а когда забрались на нее, — увидели свой Магнитогорск.

— Вот это гора! До Магнитогорска восемьдесят километров, а отсюда его хорошо видно.

В горах попалась нам страшная трещина, шириной четыре-пять метров. Трещина уходила в глубь земли, и конца ей не было видно.

Мы пробовали бросать камни, но так и не могли понять, есть у нее дно или нет.

— Если свалишься, — сроду не выберешься, — сказал Ваня и стали звать нас подальше от пропасти.

Только к вечеру мы возвратились в избушку. Наш знаменитый «повар» быстро испек лепешки и накормил нас. Ночью нас разбудили волки. Они были где-то совсем рядом. Как только занялся рассвет, мы решили найти место, где они могли быть. В лесу никого не было, но под сваленным деревом Вася нашел большую нору, а в ней четыре волчонка.

Долго боролись с ними, но все же забрали и отправились домой. Не успели мы пройти и ста шагов, как из кустов кинулась на нас волчиха. Пришлось отказаться от ее детенышей.

Вдруг Вася закричал:

— Смотрите, пчелы!

На дереве прилепилось пчелиное гнездо. Мы подсадили Васю на дерево, и он достал мед.

Вечером Травка испек нам лепешки с медом. Мы хвалили своего повара.

Поспели ягоды. Мы целыми днями собирали клубнику, вишню, малину. Клубнику и вишню мы сушили на солнце. А малину сушить не стали, потому что в ней много воды. И если ее высушить, то ягоды останется очень мало. А ведь жалко, малина вкусная.

Однажды Ваня нашел в лесу большой лист железа. Его, наверное, кто-нибудь потерял. Травка похвалил находку:

— Это хорошая вещь. Она мне здорово нужна. Теперь я вам новую пищу буду готовить. Идите сейчас рыбачить, а через час приходите обедать.

Мы ушли на речку, но рыбачить не могли — было любопытно, что еще выдумал Травка?

Смотрим, из избушки повалил дым, а скоро выглянул наш повар и крикнул:

— Обед готов!

Мы пришли и видим: на железном листе лежат зажаренные румяные пирожки. Попробовали — оказались с ягодами. Пирожки нам понравились. Травка сказал:

— Я их буду вам печь каждое утро. С ними хорошо чай пить.

— С Травкой нигде не пропадешь, — сказал Толя. — Надо же было придумать пирожки печь.

Потом мы решили устроить на быстринке плотину. Ваня нарубил кустов, обрубил ветки, сделал колья и полез в воду вбивать их в дно. Мы переплели колья кустами, получился плетень. А чтобы вода не сорвала нашу плотину, в середине оставили проход. Потом засыпали плетень камнями и леском. Вот тогда забурлила вода в проходе. Купаться в пенистой, бурлящей воде стало нашим любимым развлечением.

Оставалось десять дней до начала учебного года. Надо было возвращаться домой, подготовиться к занятиям в школе. Не хотелось уходить, а пришлось. Собрали мы все ягоды, которые засушили, захватили с собой и ведро и железный лист, погрузили все это на тележку и поехали. Через день мы были дома. Хорошо окрепли и многому научились мы в горах Урала.

Вдоль реки Сим

Утром я проснулся рано. Еще с вечера мы договорились с друзьями идти путешествовать по горам, вдоль реки Сим.

Через полчаса я был готов. В рюкзак уложил удочки, хлеб, топорик и другие нужные вещи. На дворе меня приветствовала Серая Шейка — сильная, высокая охотничья собака.

С собакой я направился к Феде и Шуре. Едва выйдя за ворота, я увидел их. Они шли ко мне. Федя мой, ровесник — ему пятнадцать лет. Он никогда не унывал, всегда улыбался, и с ним можно было идти хоть куда. У него, так же как и у меня, за спиной был подвязан мешок, в руках он держал ружье.

Рядом с ним шагала Александра — «любопытник», прозванная нами за свое невероятное любопытство ко всему.

— А мы думали ты проспал, — приветствовали меня ребята.

— Ну уж, проспал. Разве путешествие просыпают?

Мы двинулись к Симу.

Утро было тихое, в лощинах лежал туман. Красное солнце только что выплывало из-за вершин гор. Ничто не нарушало тишину, и только в воздухе, несмотря на раннюю пору, кружились птицы.

Вот и Сим. Плавное и величавое течение реки, а по обеим ее берегам тянутся скалы самых причудливых форм.

Перебравшись на лодке на другой берег, мы взобрались на одну из гор.

С вершины Сим казался маленьким ручьем.

— Куда же мы пойдем? — обратился я к друзьям.

— К бездонному озеру, — ответил Федя. — Я бывал уже там и вас сведу.

— А почему его называют Бездонным? — не забыл спросить Шура-любопытник.

— Опять «почему»?

— Ну, не хочешь отвечать, не надо, — обиделся Шура.

— А вы знаете, ребята, где-то тут рядом есть знаменитая Ерпеевская пещера — третья по величине пещера на Урале, — перебил разговор Федя.

— А я знаю, почему ее называют Ерпеевской, — похвастался наш любопытник.

— Эх ты, знахарь, — перебил его Федя. — Я еще когда в первом классе учился — знал. Возле пещеры

есть село Ерпеевка, вот и все.

Вскоре мы разыскали пещеру. Из темного коридора в горе на нас пахнуло сыростью и плесенью. Мы не решились зайти в пещеру, потому что ни веревки, ни огнища у нас не было. Недалеко от входа можно было прочесть написанные кем-то два слова: «Вечная память».

Километрах в трех от пещеры в Сим впадает маленькая речушка, обрываясь в реку с отвесного камня. Хоть и маленький водопад, но очень красивый.

Мы направились вверх по ее течению. Скоро добрались и до истока: река начиналась из-под земли, выбегая из маленькой пещеры у подножья одной из гор. Решили забраться на вершину этой горы.

— Вот с нее и Бездонное озеро будет видно, — сказал Федя.

И в самом деле, с горы мы увидели небольшое озеро, окруженное со всех сторон густым лесом.

— Чудное это озеро, — объяснил Федя. — Восемь вожжей связывали и с грузом спускали в воду, а дна достать не могли. Старики говорят, дна в нем вовсе нет.

— А как же без дна? — удивился Шурик. — На чем же оно держится?

— А может, вулкан раньше был, — ответил Федя.

Решили заночевать на берегу Бездонного озера, да и руки у нас чесались — хотелось измерить глубину его. Разбили лагерь и уже в сумерках стали выяснять, у кого сколько есть ниток. Набрали метров сорок лесок, веревок и решили попытать счастья — найти дно. Кстати, на берегу нашли лодку. Правда, она почти полуразвалилась, но плавать на ней кое-как можно было.

Шура и Серая Шейка остались на берегу, а мы с Федей сели в лодку и поплыли подальше от берега, чтобы опустить свой лот. Через несколько минут мы были на середине. Федя вынул моток ниток, привязал на конец железный болт и стал спускать в воду. Вот половина мотка размоталась, вот исчезли в воде и последние метры, а дна и в самом деле не было.

Тут только мы обнаружили, что, занявшись погружением лота, не заметили, как лодка наполовину наполнилась водой.

— Федя! — закричал я. — Мы же в воде сидим!

Начали искать пробоину; но очевидно их было так много, что разглядеть все было невозможно.

Мы выпрыгнули из лодки, перевернули ее вверх дном и схватились за скользкое дно.

Плыть в одежде было трудно. С трудом добрались до берега и уставшие выбрались на траву.

— На самом деле, озеро чудное, — еле шевеля губами, проговорил Федя. — Какое глубокое!

— Да и жадное, чуть нас не слопало, — согласился я.

Хорошо, что спички остались у Шурика и не намокли. Развели костер, разделись и взялись за сушку белья. Ночевать около неприветливого озера никому не хотелось. Решили возвратиться к водопаду и там провести ночь. Так и сделали. Найдя водопад, принялись за устройство шалаша. Я с ножом забрался в кустарник, чтобы нарезать прутьев для постели, а Федя взял ружье и намеревался выстрелить в цель. Случайно оглянувшись назад, я увидел большого серого зайца, который что-то копал в земле, быстро перебирая передними лапами. Крикнуть Феде было нельзя — заяц услышит.

На мое счастье, Федя взглянул в мою сторону, и я знаками позвал его к себе.

— Смотри, какой куян стоит, — шопотом сообщил я ему.

Федя увидел зайца, быстро приложился и выстрелил. Заяц высоко подпрыгнул и упал в траву.

— Молодец, метко бьешь, — похвалил я друга. — Вот и ужин нашелся.

Через полчаса и шалаш был готов, и заяц изжарился на костре, завернутый в широкие листья травы и веток.

Хорошо ночью на берегу реки. Тихо. Высокие скалы бросают на гладкую реку черные причудливые тени. Мохнатый лес отражается в воде, неподвижный и молчаливый. Изредка крикнет в камышах утка или бесшумно промелькнет над водой летучая мышь.

Я проснулся ночью и вышел из шалаша. Мои товарищи спали. Костер почти потух, и я немало повозился с ним, пока он снова не ожил.

Вдруг на той стороне реки раздался шум необыкновенной силы, как будто совсем рядом дали залп из нескольких пушек. Сим вдруг заметался, забурлил, и большие волны с шумом и шипеньем побежали на берег. Я ничего не мог понять. Федя и Шура выбежали из шалаша, осаждая меня вопросами, но я ответить ничего не смог.

Через несколько минут взрыв повторился, и потом еще долго плескалась о берег растревоженная река. До рассвета оставалось немного, и мы так и не могли уснуть. Едва засерело, мы разглядели, что метрах в ста от нас с другого берега оборвалась огромная скала и рухнула в воду. Острые серые скалы торчали из-под бурлящей воды образовавшегося порога.

— Вот хорошо, что мы не там остановились, — похвалился Федя.

— А отчего это она? — не утерпел Шурик.

— От сырости, отстань, любопытник, — заругался Федор. — Пойдемте, посмотрим обвал.

Вдвоем с Федей мы облазили все место обвала. Гора лопнула как-то наполовину: одна стена осталась стоять, а другая, словно отрезанный ломоть хлеба, отвалилась. Почти до половины реки камни запрудили русло, и вода в этом месте поднялась.

— Смотри-ка, Миша, а ведь не только в этом месте оборвалась скала. Вон и дальше видны развалины. Пойдем туда.

Мы пошли к следующему обвалу. Итти было трудно; оборвавшиеся мелкие камни засыпали весь берег. Заметив, что мы двинулись вверх по течению, Шурик собрал все наши вещи и пошел по другой стороне реки.

Вдруг мы слышим, он зовет нас:

— Ребята, идите сюда, Серая Шейка крепость нашла.

— Какую крепость?

— Под землей!

Действительно, Серая Шейка яростно лаяла возле каменного кургана. По завалу мы быстро переправились на другой берег и подбежали к кургану. Серая Шейка стояла возле отверстия, похожего на погреб, и лаяла.

— Я шел и вдруг слышу, Шейка залаяла, — рассказывал Шурик. — Подхожу, а здесь погреб. Откуда он образовался, ребята?

Федя притащил длинный шест и пытался нащупать дно. Погреб оказался очень глубокий, метра три.

— Надо слезть посмотреть, — предложил Федя. — Кто храбрый?

Пришлось мне итти на исследование диковинной пещеры. Обхватив шест руками и ногами, я стал

медленно спускаться. Пахло гнилью, я задышался. Но все же спустился до дна, достал бересту и осветил колодец. Неширокий спуск заканчивался узким коридором, уходящим под реку. Стены колодца были сложены из камня и замазаны глиной, которая кое-где развалилась. Под ногами у меня было сухо, валялись гнилые доски.

— Слезайте, ребята, страшного ничего нет.

Ребята спустились, запаслись хворостом, лучиной и решили пройти по узкому проходу. Через несколько метров проход заканчивался обширной комнатой, стены которой были сделаны также из камня.

— Здесь наверно партизаны скрывались, — с дрожью в голосе проговорил Шура.

— Смотрите, что это, — закричал вдруг Федя. В руках он держал смятую оловянную кружку.

— Шашка! Шашка!

На одном из камней висела коротенькая шпага с костяной желтой ручкой, на ручке был какой-то странный рисунок.

— Это кортик, — догадался я.

Мы долго обследовали странное жилище, но ничего больше не смогли найти. До сих пор никто из нас не знает, что за загадка скрывается в этом убежище, кто построил его и для чего?

К вечеру мы решили вернуться домой. Километрах в пятнадцати от нашего завода река Сим разделилась на два рукава, и одна часть, обойдя гору, потекла спокойно дальше, а вторая — подойдя к самой горе, вдруг исчезла под высокую скалу.

— Тут ей и капут, — обрадовался Шура.

— Нет, брат, не капут, — не согласился Федя. — Километра через два река Сим снова появляется на поверхности.

— Да это наверно не Сим, — упрямылся Шура. — Как это может река исчезнуть под землю, а потом снова появиться?

— Ну, ты и Фома неверующий, — рассердился Федя. — Если хочешь, я тебе сейчас докажу. Срежьте, ребята, свежей коры с березы.

На коре Федя нацарапал гвоздем какие-то слова, свернул ее трубочкой, бросил в воду и, когда сверток исчез под скалой, крикнул:

— Теперь за мной!

Мы бежали километра два вокруг горы. За горой из-под земли река продолжала свое течение. Мы усьелись у самого выхода необыкновенной реки.

Недолго мы сидели на берегу — из-под камня вынырнула берестяная трубочка.

— Лезь, неверя, в воду, — распорядился Федя. — Достань и читай.

Шурик достал бересто из воды, развернул его, прочитал и, смущенно улыбаясь, сказал:

— Вот теперь верю. Ну и река!

Я взял у него из рук бересту и прочитал:

— «Убедись, дурень Шурка», — было нацарапано на нем.

— Это место я хорошо знаю, — рассказывал Федя. — Проплыть бы по всему подземному течению реки. Вот бы, наверное, интересно было посмотреть — чего там под горой. И озера подземные, и дворцы

всякие, и пороги, наверное, есть.

Сумерки сгущались быстро. Мы решили построить на скорую руку плот и плыть по реке домой. Когда мы подплыли к заводу, было уже совсем темно.

ТУРГОЯК.

Рис. ученика 6 кл. Р. Стоярова (г. Челябинск).

Спит Тургояк

С п и т Т у р г о я к

Спит Тургояк.
В тумане скрыты
Гор силуэты. Тишина.
В сосновый бор,
Росой покрытый,
Глядится бледная луна.

Грядую тучи разноцветной
Плывут на запад караваном.
Блестит огнем едва заметным
Звезда, закрытая туманом.

И только озеро небрежно
Шумит тяжелою волной,
Да шелестит порою нежно
Камыш над чуткою водой.

А озеру не видно края.
Скрыл цепи гор туманный мрак,
И в нем, все больше утопая,
Спит безмятежно Тургояк.

Живая гора

В село. Говорлиовское мы пришли рано утром.

Возле избы, на которую нам показали, нас встретил бодрый старик с большой седеющей бородой.

— Где тут Трофим Бодров живет? — спросил я.

— Тот, что мастак по камням ходить... — добавил Ваня Семенов, мой приятель и заядлый путешественник.

— Я и есть, ребята, — ответил старик, глядя на нас из-под черных бровей веселыми глазами.

Мы рассказали ему о своем желании побывать на Полюде, на Говорливом и спросили о дороге.

— Это, мы можем, — ответил старик. — Хлеб-то у вас есть в дорогу?

Мы ответили, что есть:

— Ну, значит, сейчас и пойдем. Я сам вас сведу.

Дед обул лапти, снял со стены ружье, захватил котелок, и мы отправились.

До Говорливого шли часа полтора. Шли через лес, через заросли ельника, прыгали по кочкам на болоте.

Недалеко от цели нашего путешествия дед Трофим остановился и сказал:

— Чур, уговору слушаться: не моги шуметь до поры, камень может проснуться, и тогда плохо будет.

— Как камень проснуться может? — удивились мы.

— А вот так: проснется и осерчает. Беда не любит шуму, пока дремлет. Вы нишкните до поры.

Мы обещали, заинтересованные таинственностью уговора. Вот и Вишера! Как красива эта река! Многоводная, несет она свои синие холодные воды с севера в матушку-Каму. Когда-то давно эта забытая ныне река была известна не только на Руси, но и далеко в жарких странах Азии, в Персии, Византии. Сюда приезжали купцы из солнечных стран торговать «мягкую рухлядь» — пушнину. Где-то здесь у камня Говорливого, у Полюда существовала легендарная страна Биармия, завоеванная новгородцами. Где-то здесь существовали богатые города, жили люди... А теперь — куда не посмотри — леса могучие, непроходимые и голые камни.

Сколько чудес, сколько тайн скрыто на этих землях?!

Вышли к реке. В этом месте над Вишерой висели высокие темные отвесные скалы. На вершине этой

огромной каменной стены росли ели, трава и дикие цветы.

Дед Трофим знаком заставил нас молчать и, выйдя вперед, встал перед скалой, снял шапку и громко сказал:

— Здравствуй!

— Здравствуй, — ответил отчетливо чей-то голос.

Мы оцепенели.

— Проснулся? — снова спросил дед.

— Проснулся, — отозвался голос.

— Я к тебе привел ребят! — продолжал дед.

— Привел ребят! — откликнулся невидимка.

— Хорошо! Можно? — крикнул старик.

— Хорошо-о! Мож-н-но!

Дед улыбнулся и, повернувшись к нам, тихо сказал:

— Ноне не сердитый, разрешил. Только не гутарьте шибко, шопотом.

— Дедушка, кто там говорит? — еле слышно прошептал я.

— Рассаживайтесь, костер соберите, я скажу вам сказ про камень Говорливый.

Скоро закипела вода в котелке, и мы, притащив камни к огню, уселись завтракать. Говорить не хотелось, близость невидимого человека, спрятанного где-то в каменной стене, угнетала и сдерживала. Ваня все время ерзал на своей стуле — камень ему попался неровный, он с завистью поглядывал на мой камень — ровный, гладкий устойчивый.

Не успел я приподняться к котелку, чтобы налить в кружку чая, Ваня переменил наши камни. Я скоро заметил исчезновение своего камня и так же быстро обнаружил похитителя. Эх, если бы не было рядом таинственного незнакомца, всыпал бы я ему тогда. Я взглянул на дедушку. Дед поманил меня к себе и прошептал в ухо:

— А ты спроси у того, кто украл твой диван-то, он все видит и скажет все одно.

Я расхрабрился и начал кричать. Но страх не дал мне сил сразу закричать и только к концу фразы я выкрикнул слова громко:

— Кто украл мой диван?

— Иван! — громко обличил голос.

Тут Ваня не выдержал, вскочил с камня и закричал:

— Знаем мы эти штучки.

— Знаем мы эти штучки! — передразнил его голос.

— Что я выпил невзначай?

— Чай! — отгремело в горе.

— Эхо! Эхо! — догадался и я.

— Эхо! Эхо-хо-хо!

Дед Трофим засмеялся:

— Долго я вас морочил? И так все, кто сюда придет, — боятся сперва.

Мы забыли про еду и чай и принялись визжать, хохотать, кричать.

Гора ожила, захохотала, закудаhtала, запищала. Эхо умножалось и несло в леса разбойничьим криком. Тайга проснулась, словно великое нашествие неведомых чудовищ или шум кровопролитной сечи наполнил ее.

— Вот за эту болтовню и назвали его Говорливым.

— А почему назвали Полюдов камень?

— Жил, дескать, в старом камне великан-разбойник, по имени Полюд. Жил одиноко, злой был. В те времена по Вишере караваны купцы гоняли. Вот он тех купцов зорил. Из Азии ли на Русь идет купец, с Руси ли пробирается в Персию, — ему все едино. Зорил всех. Отберет богатства и бережет клады в горе. Так, пока жил, никому не открыл своих кладов. А смерть пришла, завалил Полюд вход к себе в гору глыбой да так один и умер.

— А клады?

— Клады, известно, там. Куда они денутся. Ищут их люди, которые жадные, да зря — ничего найти не могут.

Мы стали просить деда Трофима сводить нас на Полюд. Он улыбнулся и сказал:

— Видать, клады искать собираетесь?

— Нет, дедушка, мы просто так, посмотреть, — ответили мы.

— Это можно, — согласился он. — А с Говорливым наговорились досыта? Или поживем еще? Хорошо здесь.

У Говорливого камня мы прожили целый день. И все время он не уставал дразнить нас, откликаться на крик.

Казалось, что он соскучился в одиночестве и теперь не нарадуется болтовне.

Лесной пожар

Лесной пожар

Знойным летом на зеленом склоне
С кудрявым лесом вряд
Долгою дорогой утомленный
Пионерский отдыхал отряд.

И когда над нами плыл отвесно
Золоченый солнца шар,
Голосом тревожным и надтреснутым
Кто-то выкрикнул: «Пожар!»

По команде рассыпаясь цепью,
Окружили опаленный лес.
Застилал глаза горячий пепел.
Улетая в синеву небес.

Бушевал пожара злобный рокот,
Пожирал деревья на корню.
Но ребята просекой широкой
Преградили путь огню.

Потерял огонь свое величье:
Лапы цепкие тянул, но чах,
Будто зверь голодный за добычей
Рвался, бешено рыча.

И когда мгновенная тревога
Пронеслась, как вспугнутый олень,
Шел отряд обратной дорогой,
Разбирая пережитый день.

Ледяная пещера

Ледяная пещера

Кунгурская ледяная пещера находится на левом берегу реки Сылвы, в недрах горы. По преданиям, пещера эта известна была давно. В ней отдыхал со своей дружиной Ермак, направляясь на завоевание Сибири. Жители древнего города Кунгура во время осады крепости татарскими ордами прятались в глубине ледяной горы.

Мы сели отдохнуть под березой, в тени от палящего солнца. Слева от нас извивалась прозрачная Сылва. Вдоль берега тянулись холмы, круто обрывающиеся к воде громадными скалами.

Открываем деревянные двери и ныряем под землю, во мрак необыкновенного холода и льда. Только сейчас весело сияло солнце, а здесь сырость и холод. Зажгли свечи и двинулись в путь. Спустя некоторое время оказались во льдах. Экскурсовод осветил своим факелом пещеру. Над нами висели громадные сосульки, в несколько метров длиной, разрисованные тончайшими кружевами. Стены покрыты инеем. Иней блестел точно тысячи разноцветных камней.

Проходим узкими коридорами, сгибаясь так, что коленями касаемся подбородка.

Бриллиантовый грот! И действительно, он похож на грот, в котором собраны миллионы бриллиантов.

Снова идем по подземным галереям, лезем на скалы, прыгаем вниз и попадаем в Полярный грот. Дно грота покрыто толстым слоем льда, возле стен возвышаются высокие ледяные столбы, словно выточенные из белого мрамора. Груды камней целые века лежат здесь, никем не потревоженные.

Проход из Полярного грота очень труден: тропинка исчезает, круто обрываясь по ледяному скату. По ней мы не идем, а катимся вниз, в грот Дьявола.

В углу грота — громадная каменная глыба, напоминающая голову чудовища. При свете факелов чудовищная голова оживает, ухмыляется, морщится. Становится страшно.

Попадаем в грот, похожий на купол цирка. Но высота этого подземного купола намного больше циркового. На пятьдесят метров поднялся он. Какими усилиями природа создала это удивительное архитектурное сооружение? Сколько тысячелетий должно было пройти, чтобы из целого камня выточить этот грандиозный свод!

Экскурсовод предлагает замолчать, и в немой тишине мы слышим звонкую песню создателя этой пещеры:

— Кап... кап... кап...

Это капельки воды, падая с большой высоты, обточили камень. Вечная борьба происходит между водой и твердым камнем. Легкая капля падает сверху. Камень разбивает ее в пыль. Но вслед за этой маленькой каплей падают другие. И так, час за часом, день за днем, год за годом, столетие за столетием. Терпеливый, удивительный труд! В течение сотни лет вода пробивает камень на несколько сантиметров.

— Ниже головы, ниже! — кричал наш проводник.

С потолка коридора свешиваются каменные глыбы. Их называют люстрами.

В гроте Большая Помпея стоит гигантская ледяная статуя, напоминающая человеческую фигуру. Дальше идут гроты: Колизей с куполообразными сводами, где каменные обломки похожи на развалины древнего театра; Эфирный, или грот облаков, стены и потолок которого покрыты толстой корой гипса, напоминающего облака; Резной грот, где пласты гипса и известняка образовали причудливую резьбу. Мы видели ледяного медведя громадной величины. Медведь стоит на задних лапах и смотрит на людей, нарушивших его покой. Мы побывали в гроте Данте, названном в честь великого творца «Божественной» комедии».

В самом большом гроте пещеры — Титаническом — озеро с прозрачной холодной водой, в которой ни разу не играли лучи солнца. И несмотря на это, подземное озеро обитаемо. В нем живут слепые маленькие рачки. У них нет глаз, потому что в этой темноте они им не нужны. Теперь этот грот называется гротом Дружбы народов. Переименовали его по просьбе членов Международного Геологического конгресса, побывавших здесь в 1937 году.

До сих пор Кунгурская ледяная пещера целиком не исследована. На сколько километров тянется она под землей — неизвестно. Лет десять назад в пещеру впустили собаку, и она выбежала через несколько дней за тридцать пять километров от входа.

В неисследованную часть никого не пускают, потому что это опасно. Там легко заблудиться. Даже и в этой освоенной части нетрудно потерять дорогу.

Три года назад ледяная пещера чуть было не погубила троих ребят из Свердловска. Они отстали от экскурсии и плутали, пока их не разыскали. Без куска хлеба, без света прожили они несколько дней под землей.

Вот и выход. На земле нас снова встречает солнце. Зеленеют деревья, поют птицы. Чудится, что мы побывали в гостях у подземного чудовища.

Случайная находка

В наших местах, вокруг города Камышлова, живописные места: леса, луга, пашни, извилистые реки. Стоит только выйти за город или за деревенскую поскотину, — сразу очутишься на просторе уральской природы.

Однажды летом ученики Темновской школы вместе с учительницей отправились в лес. А в лесу столько интересного: ягоды, грибы, цветы. Разбрелись ребята, кто куда. Некоторые занялись сбором ягод, цветов, а другие затеяли игру: бегали, гонялись друг за другом, прятались за деревья, укрывались в траве и кустах.

Незаметно летит время. Вот и вечер близко, а домой уходить не хочется.

— Пойдемте, ребята, — настаивала учительница. — Ночь застанет в лесу — страшно будет.

— Исккупаться перед дорогой нужно, — попросили ребята.

Мигом побежали к реке Куяр, протекающей возле леса. На повороте реки выбрали удобное место и стали раздеваться.

— Смотрите, какое бревно торчит! — крикнул кто-то из ребят.

На берегу, возле самой воды, из земли выставлялся конец толстого бревна. Я подбежал к бревну и стукнул по нему палкой. Бревно гулко зазвенело. Что за история — в воде лежит и не сгнило! А на вид старое, трухлявое.

— Давайте вытащим, — предложили ребята.

Попытались вытащить бревно из земли и осмотреть, да не тут-то было: крепко присосала его река, — не оторвешь.

Решили завтра принести лопаты и откопать странное дерево.

На другой день опять пришли все ребята с лопатами, топорами, ножиками. Скоро откопали бревно. Было оно какое-то страшное: в середине как обычное бревно, а к концам становилось толще. В длину наша находка была больше четырех метров.

Пробовали мы и рубить его, поддается плохо, точно из камня. Потом кто-то из ребят догадался: — да ведь это кость, ребята!

Не поверили мы ему. Если это кость от скелета животного, так каким должен быть сам зверь?

Сбегали за учительницей. Она посмотрела находку и сказала:

— Да, ребята, это кость древнею животного — мамонта. Надо ее увезти отсюда. Это ценная находка.

Из деревни пригнали подводу, мы помогли колхознику поднять кость на телегу и отправились домой.

Потом кость сдали в музей города Камышлова, она оказалась бедром мамонта.

За рекой

З а р е к о й

Я стоял на берегу Урала,
Шевелил мне ветер прядь волос.
У горы, где речка протекала,
Был в разгаре летний сенокос.
Было слышно — тракторы гудели,
Было видно — струйкой вился дым.
Хорошо здесь было, в самом деле,
У реки, под небом голубым!
Небольшая пыльная дорога
Выбегала в поле на простор,
Там за речкой было очень много
Птичьих криков, зелени и гор.

Гора соколов

В трех километрах от нашего поселка Черное Плесо возвышаются две высокие горы — Соколиха и Гребень. Горы эти крутые и скалистые, не везде можно пробраться на вершины, того и гляди, оборвешься и скатишься вниз по острым камням и выступам.

Особенно трудно забраться на Соколиху. Снизу смотришь, ничего особенного нет, а как полезешь — страшно станет! Чем выше, тем круче и неприступнее гора. На вершине Соколихи среди камней растет несколько сосен. Как они тут растут — непонятно. Кругом камень и камень, а земли совсем нет. И все же сосны растут, цепляются за скалы, висят над кручами. Корни сосен все на виду, камень не пускает их в себя, и они расплзлись в щели и трещины в поисках земли. Оголенные корни очень походят на скрюченную когтистую лапу хищной птицы. Я долгое время думал, что люди прозвали гору Соколихой именно поэтому, но потом мой товарищ Лёса рассказал мне, откуда пошло у горы такое название.

Напротив Соколихи высится гора Гребень. Она еще выше Соколихи, но не такая крутая. Зато пещер в ней куда больше.

Между этими горами течет горная быстрая речка Куряк, и сразу же у подножья Гребня, пробежав между горами, речка впадает в другую горную реку Казамаш. По Казамашу летом сплавляют лес.

Мы шли вдоль реки, разыскивая удобное место для подъема на горы, где каждое лето бывает много малины. За проводника у нас был Лёса, который отлично знал все места вокруг нашего поселка.. Третьим был Пима — веселый и живой мальчик. Он шел далеко, впереди и во все горло пел. Возле нас, то выныривая из кустов и камней, то снова исчезая, бегал четвертый спутник — собака Малик.

Мы шли за малиной. У меня за плечами котомка с хлебом и картошкой. У Пимы за поясом кинжал, которым мы собирались отпугивать от себя опасных зверей.

Лёса хоть и самый младший из нас, но и самый бывалый. Нынче ему исполнилось только двенадцать лет, а он уж успел и на сплавах, и на обжиге угля, и на охотах побывать. Его всегда приятно слушать, когда он начинает рассказывать.

— Мне отец говорил, — начал Лёса, — когда он еще совсем молодой был, оборвалась с Соколихи большущая скала и грохнула в Казамаш.

— Ну и что?

— Испугались в поселке: среди белого дня вдруг такой гром грянул, что стекла в избах повыбило.

Побежали сплавщики к горе, глядь — река скалой запружена. А время как раз к сплаву. Бились, бились, но в тот год так и не спустили сплав, нельзя был из-за запруды.

— Куда-же запруда девалась?

— Отец рассказывал — целый год весь народ разбивал скалу и очищал русло реки. За год расчистили.

— Эй, откуда тут камни такие? — донесся крик Пимы. — Эй, ребята!

— Вот это и есть обвал, — сказал Лёса. — Бежим.

На берегу действительно было нагромождено много каменных глыб.

— Вот тут и оборвалась скала с Соколихи, — подтвердил Лёса и предложил: — Давайте купаться перед подъемом.

Искупались, посинели от холода: вода реки течет с гор и из горных ручьев, поэтому холодная, как лед. Перенесли белье на другую сторону, оделись и начали подъем на гору. Через полчаса устали, даже Пима перестал петь и смеяться и тяжело дышал, а Малик чуть не по земле волочил язык. Подъем затруднял глыбы, которые приходилось то и дело обходить. Постоянно срывались с камней и из-под ног с шумом катились оторвавшиеся мелкие камешки. Они быстро исчезали внизу, и вскоре оттуда слышался сильный шум, точно от большого обвала.

Первым не выдержал Пима:

— Отдохнем, ребята, — взмолился он. — Устал я, круто больно.

Решили отдохнуть и заодно испекли в костре по паре картошек. После отдыха идти стало еще тяжелее. Хорошо, что скоро увидели поляну, заросшую малинником. Быстро пошли к ягодам, но вдруг Лёса, шедший впереди всех, закричал:

— Змея!

Мы бросились к нему: метрах в трех, на камне лежала серая змея, в метр длиной. Она зло шипела, открыв пасть. В змею полетели камни, она юркнула за камень и исчезла. Подождав немного, мы подошли осмотреть камень и увидели нору. Малик стал было царапать нору когтями, но Пима отогнал его:

— Давайте выкурим ее из малинного места, — горячился Пима. — Чего она здесь пугает всех, ягоды стережет, что ли?

Быстро натаскали ко входу в нору сухих листьев, хворосту и подожгли. Костер получился большой и жаркий. Огонь быстро нагрел камни, и змея решила удирать. Она выскочила из норы и, попав в пламя и на горячие угли, запрыгала в костре, высоко подскакивая в пламени. Когда костер догорел, мы ничего не могли найти в нем; может быть, змея и убежала.

Неожиданная встреча с змеей испортила аппетит на малинник. Боязно было забираться в густые кусты, ничего не видя под ногами. Мы решили искать другое ягодное место. Лёса пошел впереди, еле пробираясь сквозь густой кустарник. Он хорошо умел «видеть» невидимую тропу зверя и шел не сбиваясь.

Я завидовал Лёсе: он моложе меня на два года, а горы и леса знает куда лучше. Вот и сейчас он увидел что-то на траве возле ручья, присел и внимательно разглядывал.

— Ты чего увидел, Лёса?

— Кто-то здесь недавно траву ел, — серьезно ответил он.

И верно, трава возле ручья была сглочена.

— Неужели козлы? — спросил Пима, хватаясь за кинжал.

— Вон там песок есть у воды, — ответил Лёса, направляясь под гору. — Может, там остались следы.

На песке ясно отпечатались следы: большое копыто. Малик обнюхал след и громко залаял.

— Корова. Куда забрела! — воскликнул Пима.

— Только у этой коровы копыта побольше, — сказал Лёса.

— И правда!

— Это такая корова, — продолжал Лёса, — что встречать ее без ружья нельзя — убьет. Сохатый это, а не буренка.

Так пробродили мы по Соколихе целый день. Досыта наелись и набрали в корзины малины. Жаркое солнце перестало греть, собираясь уйти спать за горизонт, а до вершины было еще далеко.

— Заночуем здесь, — предложил Лёса. — Все равно засветло не спуститься до Казамаша. А здесь хорошо!

Мы с Пимой не особенно восторженно встретили его предложение. Пима заметил:

— На камнях спать холодно...

— Знаю, почему тебе холодно, — засмеялся Лёса. — Я и сам змей боюсь. Будем спать вон там, — и он указал на деревья.

— На деревьях! Идет, согласен, — обрадовался Пима.

— А ты, Миша? — спросил меня Лёса.

— Я тоже согласен, а вот как Малик.

— Устроим и Малика. Пима, ты своим кинжалом наруби веток подлинней.

Дружно принялись за работу. Пима срезал длинные ветки с берез и осин, а мы с Лёсой, взобравшись на сосны, связывали ими ветви двух раскидистых деревьев-соседей. Малик бегал вокруг нас и звонко лаял.

Наконец, шалаш на ветвях был готов.

— Теперь надо ободрать липу и из лыка свить веревку, — распорядился Лёса. — Малика поднимем в шалаш.

Скоро была готова и веревка. Мы втащили собаку на дерево и улеглись на плетёный «матрац», пахнувший зеленью.

Ночь была темная и тихая только далеко внизу звонко билась по камням река.

Утром я проснулся первым, товарищи спали. Входило солнце, и лес наполнился пением и щебетанием птиц. Туман, точно спасаясь от солнечного тепла, густым облаком уползал вниз, к реке.

Спать не хотелось. Я разбудил ребят, и мы, спустив сначала Малика, слезли на землю. Шалаш наш за ночь нисколько не пострадал, живи в нем хоть целый год. Позавтракали картошкой с малиной и стали решать, что делать дальше.

— Полезем на Гребень, — предлагал Лёса, — там пещеры есть, а в них можно тлеющие угли найти.

— Какие угли?

— Настоящие головешки. Там, наверно, каменный уголь образуется или фосфор есть.

Горящие угли в горе нас заинтересовали, и мы согласились отправиться на Гребень.

Мы уже заканчивали сборы, как вдруг из ближайших камней показался человек с ружьем в руке. Он подошел к нам, оглядел и, заметив кинжал за поясом Пимы, улыбнулся:

— Что, на охоту, мальцы?

— Нет, мы за малиной, — ответил Лёса. — Это вы, дяденька, на охоту.

— На охоту.

— Тут сохатый ходит, — подсказал Пима.

— Нет, я не за ним иду. За барсуком я, капкан поставил, а теперь смотреть иду.

— Возьмите нас посмотреть.

— Идите, коль хочется. Да тут уж и недалеко. Вон под той скалой.

Двинулись в путь. Скала была действительно близко. Она поднималась отвесно, а под ней чернела большая дыра.

— Вон нора барсучья, — указал охотник, — там и капкан насторожен.

Малик бросился вперед и полез в нору. Но вдруг выполз из нее и визжа завертелся.

— Ага, значит, сидит. Это он собаку куснул. А ну, зови пса обратно.

— Малик! Малик!

Но Малик, разгоряченный борьбой с барсуком, снова нырнул в нору и вскоре показался, таща зверя за загривок. Барсук попался в капкан задними ногами, а капкан был привязан к камню проволокой, поэтому Малик никак не мог вытащить добычу из норы.

Малика оторвали от барсука, и тот опять спрятался в норе. Охотник выстрелил в нору и сказал:

— Вот теперь тащите его сюда.

Лёса освободил барсука из капкана и выволок наружу: зверь был жирный и длинномордый.

— Ну, я теперь один пойду, мальцы, не мешайте мне. Малины вам полные корзины, — пожелал охотник и, взвалив на плечо барсука, зашагал на подъем.

Мы отправились на Гребень. Под гору итти было легче, и мы разговорились.

— Узнать бы, почему эти горы так называют, — начал я разговор.

— Знаю я, отец мне говорил, — отозвался Лёса. — Гребнем назвали потому, что самая вершина горы походила на гребень с зубьями. Но теперь она развалилась, а название так и осталось.

— А Соколиху?

— И Соколиху не зря так назвали. Еще мой отец маленьким был, когда произошла эта история. Гора тогда вовсе неприступная для человека была. Особенно вершина. Это теперь на нее можно подняться, старая она стала, развалилась: обвалы да оползни разрушили. А раньше на этой горе соколы себе гнезда вили. И вот однажды прилетел на эту гору большой сокол и свил гнездо. А недалеко медведь в берлоге спал. Как тепло стало, проснулся медведь от спячки и начал бродить. Набрел на гнездо сокола и хотел было зорить его. Прилетел сокол и набросился на зверя: бьет его по глазам крыльями, а когда тот зажмурит глаза, клюет в башку и морду. Медведь ревет от боли и злости и все хочет сокола лапой ударить, да сокол юркий, ловкий: увернется от лапы мишки да клювом его долбанет. Ревет медведь. А в ту пору лесорубы лес пилили у горы и видели этот поединок. Кровь пошла из башки зверя, а он все не отстает от сокола, машет лапами и ревет. А сокол бьет и бьет его в голову острым клювом.

— Ну и что же?

— Ничего, забил сокол медведя до смерти. Обессилел тот и упал с отвесной скалы вниз. Победа осталась за птицей. С той поры и зовут эту гору Соколихой. А вон и пещера! Вон она плитой завалена.

Темный вход уходил внутрь горы. Мы взяли в руки веревку, свитую из липы, чтобы, не растеряться, зажгли лучины и двинулись в путь. Малик не пошел с нами, остался сторожить у входа корзины с ягодами. Сырой запах охватил нас. Двигались мы осторожно, боясь споткнуться или удариться головой о выступы. Лучины чадили, едкий дым ел глаза, Пещера была не особенно длинной, и вскоре мы дошли до конца ее. Здесь ход суживался настолько, что местами нужно было ползти.

— Поворачивай обратно, ребята, — закричал Лёса, дойдя до конца хода.

Вслед за его криком, раздался шум, стук камней, и все стихло. Я не видел Лёсу, хотя шел в трех шагах от него. Моя лучина освещала камень. Лёсы не было.

— Лёса! Лёса! — закричал я испуганно. — Где ты?

Откуда-то из камней послышался стон, а потом крик:

— Ребята! Где вы?

Я пошел к камню, упавшему между Лёсой и мной, и крикнул:

— Мы здесь, Лёса!

— Вижу огонь, Миша, — уже почти спокойным голосом кричал Лёса. — Не уходите, ребята! Дай руку в щель, вот она наверху...

Я осветил верх свода и увидел его руку, торчащую из камня. Я взял маленькую ладонь и держал ее в своей. Лёса успокоился. Начали обсуждать происшествие.

— Знаешь, Лёса, — надумал я. — Я останусь с тобой, будем разговаривать, а Пима побежит в поселок звать отца твоего и народ. Они тебя быстро добудут.

Пима побежал в поселок, а мы с Лёсой остались в пещере. Скоро моя лучина погасла, и мы очутились в темноте.

— Он, вижу, вижу!

— Чего видишь, Лёса?

— Угли горящие вижу. Вон целая головешка светится. Это и есть мигушки дуба, — настаивал Лёса.

Я ничего не видел, но, чтобы не огорчать товарища, начал сам выдумывать тлеющие огоньки. Я и сейчас не знаю — действительно ли были они. Но тогда мне казалось, что пещера освещается каким-то чуть заметным светом, идущим из стен ее.

Так сидели мы с Лёсой часа три, пока Пима не привел людей.

— Где ты, Лёска? — ласково окрикнул сына отец Лёсы и поднял фонарь.

Осмотрев обвал, он успокоился — камень был неширокий и непрочный. Первым же ударом лома он оторвал большой кусок камня.

— Сейчас, сынок, откапаю, — говорил он. — Камень здесь сыпучий, водой его разъело. Видать, родник пробирается из-под земли, размочил камень.

Через полчаса Лёса выбрался из завала.

Мы еще не раз ходили на Соколиху и Гребень за ягодами, но в пещеру эту никогда больше не заглядывали, хотя и манило нас еще раз посмотреть на мигушки в камне.

Глава седьмая
НА ЗВЕРИНЫХ ТРОПАХ

Охота

Озеро широко
В лагере болот,
Тихая протока
К озеру ведет.

В камышах высоких
Я с ружьем сажу,
Озеро, протоку
Вижу. Уток жду.

Кое-где местами
Клубится туман,
Мутными клочками
Липнет к камышам.

Ивы прошумели
Молодой листвою,
Утки пролетели
Стаей небольшой.

Камыши их манят
Желтою стеной,
Может, и обманет
Тишина, покой?

И на самом деле,
Сделав сжатый круг,
Утки в воду сели
Важно и не вдруг.

Воздух свежий, колкий
В рукава бежит,
Верная двухстволка
На руке дрожит.

Но движенья быстры,
Гулкий и шальной
Прокатился выстрел
Над речной волной.

Утка быстrokрыла
В воздухе сильна,
Взмах, другой, и скрыла

Камышей стена.

Но одна присела
Перед камышом,
Хоть остервенело
Бьет волну крылом.

Шустрая собака
При большой волне
Доплыла без страха, —
Притащила мне.

У осоки колкой
Снова я сажу,
Верную двухстволку
На руке держу.

У народа манси

Я по национальности манси. Каждое лето мы уезжаем жить на высокую гору Хосатумб и там ставим юрту. Около юрты в жаркий день собирается стадо оленей. Олени приходят спасаться от комаров. Мы раскладываем дымящиеся костры, и олени стоят в дыму, фыркают и тяжело дышат.

Наша летняя юрта сшита из береста. Дождь ее не промочит, а ветер не разорвет. Бересту сшивали оленьими жилами и потом натягивали берестяную покрышку на длинные шесты, сложенные в козлы. Посередине юрты стоит маленькая железная печь, стол, а в углу на землю брошены оленьи шкуры. Там наша постель, там мы спим.

Как только солнце начинает скрываться за горизонтом, комаров становится меньше, и олени уходят в тундру искать сочный мох. Ночью для оленей не нужно пастухов, они ходят все вместе, и горе тому волку, который попытается напасть на стадо оленей. Завидя врага, олени бегут на волка, догоняют его, сбивают копытами на землю, и все стадо пробегает по зверю. Потом ничего не найдешь, ничего не останется от жадного волка.

Когда идет дождь или на гору ложится туман, трудно оленеводу искать в тундре оленя.

Так живем мы на одном месте до тех пор, пока олени не вытопчут мох вокруг юрты. Когда мох исчезнет, мы переезжаем на другую гору. Собираем имущество, складываем юрту, прикрепляем ее к нартам и едем.

Кончается лето, падает снег. Мы снова складываем юрту на нарты, запрягаем оленей и переезжаем на реку Сольву, под защиту лесов. По берегам Сольвы много зимних юрт манси. Зимой мы живем в теплой избе, а оленей выгоняем пастись на ближние горы — Денежкин камень, Малый Хосатумб.

Зимой охотники уходят на белкование. Стрелять белку трудно, но интересно. Нужно так убить ее, чтобы не испортить шкурку. Многие охотники попадают белке в глаз: и белка убита, и шкурка цела.

Недавно в тайге, далеко на севере, построили ребятам манси большую хорошую школу. Весть прошла по тундре, по стойбищам манси про школу, что дал нашему народу Великий Красный Закон.

Шишкарь

К сентябрю, когда созревшая черемуха приманивает к себе гроздьями черных блестящих ягод, поспевают и кедровые орехи. В это время шишки становятся мягкими, сера из них под солнцем вытапливается, и зерна бывают вкусные и маслянистые.

В ту пору раздолье нам в лесу! Каждый день тянет в лес, дома усидеть не можешь. Солнце не успеет выйти из-за горизонта, а по деревне от дома к дому снуют ребята, будят засонь, собираются за шишками.

Ходил нынче и я с ребятами. Да со мной такое в лесу приключилось, что с тех пор стал я ходить за орехами с опаской.

Было это так. Рано утром друзья Коля, Ваня и Вася зашли за мной, чтобы отправиться, за шишками на Березовый Увал — кедровник, расположенный в пяти километрах от деревни Павды. Ребята для сбора кедровок захватили железные когти для лазанья по деревьям и большие мешки для добычи. Мне оставалось взять хлеба и овощей.

Дорога от Павды до Увала сначала идет покосами, раскинувшимися по берегу реки Ляли; на некоторых покосах страдовали колхозники, на других сено уже было собрано в зароды.

Этот маленький участок пути до Увалов был самым трудным. Возле покосов в изобилии растут черемушник и смородина. Как удержишься от соблазна залезть в ягодное царство, наестся там доотвала и не прихватить еще с собой фуражку ягод на дорогу? В этих ягодниках мы всегда засиживались подолгу.

Изрядно просидели мы и в этот раз. Не помню, кто из нас объелся первым и, выбежав из кустов на дорогу, созвал остальных.

Скоро Ляля свернула в сторону, и мы вступили в шумный, веселый лес. Это начинался Березовый Увал. Кедров здесь не было. Они росли в глубине, дальше от дороги.

Лесной участок пути также был «опасной зоной»: сплошные заросли костяники и земляники. Но на этот раз мы преодолели желание отдохнуть возле заманчивых кустов и быстро шагали в глубь леса. Задержались только около кротовой норы: несколько дней назад Ваня поставил к ней капкан.

Разбросав кучку сырой коричневой земли, Ваня вытащил капкан, завернутый в бересту. В бересте мы увидели маленькую тушку крота, зажатою в капкане. Крот был мертв. Ваня освободил зверька из капкана и положил его в самодельный берестяной рюкзак.

Вскоре от дороги отделилась еле приметная тропа. Когда-то здесь была широкая, торная дорога. По ней возили кедровый лес к сплавной реке. Теперь здесь буйно росли малинники и высокие травы. Тропа вела к кедровнику.

Зашли в кедровник и остановились, срубить шесты для сбивания шишек.

Трудное дело выбрать шест. Он должен быть и длинным и легким. На дереве им придется орудовать одной рукой, а другой держаться. Мне повезло: быстро нашел я хороший длинный шест, срубил его,

обрезал, а на конец привязал камень — для весу.

Нашел шест и Коля. Стали выбирать кедры. Я, конечно, выбрал самый большой, высокий, густой.

— Я на этот полезу.

— Не лезь на него, — отсоветовал Коля. — Он хотя и большой, но шишек на нем мало: видишь, на земле сколько пустых лежит? Рядом кедр маленький, да богатый.

Обхватив сернистый ствол кедра, я начал подниматься вверх на когтях. Коля лез недалеко от меня.

Вдруг я услышал шорох и шум в ветвях соседнего кедра, с которого собирался начать сбор шишек. Раздвинул ветви, но ничего не увидел: кедры попали густые.

Я подумал, что это шумят Ваня и Вася, отмахиваясь от комаров, но шум снова повторился. Было похоже, что кто-то срывал шишки.

«Наверно какой-нибудь наш брат-шишкарь в одиночку собирает, — подумал я. — И мешок, с собой на кедр взял, чтобы не бросать шишки на землю».

Чем выше лез я на дерево, тем шум становился отчетливее. Теперь ясно можно было услышать, как шишкарь возился на соседнем дереве.

«Вот погоди, глухая тетеря, я тебя сейчас напугаю», — опять подумал я.

Вот и вершина. Шишек — множество; но теперь мне не до них: очень занимала меня шутка с нечаянным соседом.

Я тихонечко приподнял шест, висевший у меня на поясе, взял его как пику, больно ткнул шишкаря и закричал:

— Ты что здесь делаешь, оголец?!

Не издав ни звука, ломая сучья и ветви, шишкарь повалился с кедра. Я испугался:

«Убил», — промелькнуло в голове.

Я замер на кедре, ожидая страшного крика человека, упавшего на землю с такой высоты.

Крик вскоре раздался. Он был настолько страшен, что я выронил шест и чуть было сам не полетел с дерева: ревел медведь.

Медведь упал между Ваней и Васей. Первое мгновение никто из них не издал ни звука, не сделал ни одного движения: они сидели и оторопело разглядывали друг друга. Потом все трое с криками кинулись врассыпную.

— Что там у вас? — крикнул Коля. — Исаак свалился, что ли?

Ребята подняли крик:

— Медведь с неба упал!

— Слезай скорей! Он сейчас вернется.

Конечно, спускались мы с деревьев куда быстрее обычного. Колька половину штанов на кедре оставил, а я прыгал с ветки на ветку, как белка.

На земле мы сбились в кучу, вооружились когтями, палками и приготовились к защите.

Коля спросил:

— Он на твоём кедре сидел?

— Нет, на том.

— Хорошо, что я отговорил тебя не лезть на него...

Коля не договорил... Из леса, куда убежал медведь, донесся хруст валежника. Мы подняли свое оружие навстречу зверю, но медведь не показывался. Вместо него из кустов вышел знакомый деревенский охотник — дядя Петя, прозванный нами уральским Дерсу Узала.

Дядя Петя удивился:

— Вы, ребята, чего ошетинились? Аль напужал кто?

Побросав оружие, окружив «Дерсу», мы наперебой рассказывали ему о нашем приключении.

— Ай, да шишкоед! Ну, это хорошо! А теперь пойдемте, догоним его.

— Кого, медведя?

— Его самого. Мы его быстрехонько догоним.

И дядя Петя направился по следам беглеца. Прячась за деревья, не смея громко говорить, мы тронулись за ним.

Дядя Петя оказался прав. Не успели мы пройти и ста метров, на небольшой полянке увидели своего обидчика: он лежал в неудобной позе, раскинув лапы.

Мы сразу поняли: медведь мертв.

— Дядя Петя, это вы его убили? — спросил Вася.

— Зачем я. Нет, сам помер. Они шибко пугливы. Ежели медведя напугать, — сердце у него не выдержит. Если не сразу, то отбежит, да все едино пропадет.

Помолчав, дядя Петя добавил:

— Вот вам и медведь. Без ножа вы его зарезали.

Гость

П о с т ь

Весело проходит лето у нас в таежном, северном селе Ивдель. Неделями пропадают наши ребята в тайге, собирают ягоды, отыскивают грибы, сбивают шишки с кедров. Не заметишь, как и пролетит летняя пора, а там опять школа, подруги, интересные уроки.

В тайге бывают с нами всякие приключения. Об одном из них я хочу рассказать.

Пошли мы с девочками в лес за ягодами: С нами пошел только один мальчик Вася со своей собакой Охотник.

На высоком угоре нашли ягодное место. Корзины и туюски быстро наполнялись. Вася пошел обследовать овраг, и скоро оттуда послышались его крики:

— Девчата? Сюда, полно здесь ягод.

А у нас у самих их тьма. Вера, моя подруга, набрала уже корзину и теперь клала ягоды в фартук.

Вдруг что-то зашумело в траве, и мимо нас промчался серый зверь.

Тома с испуга упала и рассыпала все свои ягоды.

— Волк! — закричали девочки.

— Заяц это, заяц! — захохотала Вера. — Глянь, Васька побежал в овраг. Лови его!

В траве мелькала серая спина зайца, испугавшегося, наверно, не меньше нашего.

Вспугнули еще одного зайца. Он был совсем маленький и бегал плохо. Охотник догнал его и поймал. Вася взялся донести зайчонка до деревни.

Но тут Охотник залаял так звонко и внезапно, что Васька вздрогнул, выронил зайчонка, и, он помчался в кусты. Собака же не погналась за ним, а исчезла в другом направлении. Через несколько минут Охотник принес в зубах пушистую белку и отдал хозяину. Но белка задохнулась в зубах собаки и так и не ожила. Наверно, Охотник сильно стиснул ее.

Ночевали мы в охотничьей избушке. Сплю я ночью и слышу, — кто-то открывает нашу дверь, царапает ее. Я думала, Охотник вернулся, — встала и открыла дверь. В избушку зашел маленький мишка — косматый и шустрый.

— Девочки, медведь!

Сколько страху было у нас. Но медвежонок не был злой, он забрался в угол и стал играть с нами. Мы с Верой взялись унести домой и воспитать его.

Все опять легли спать. Только мы с Верой сидим возле нашего мишки и кормим его ягодами.

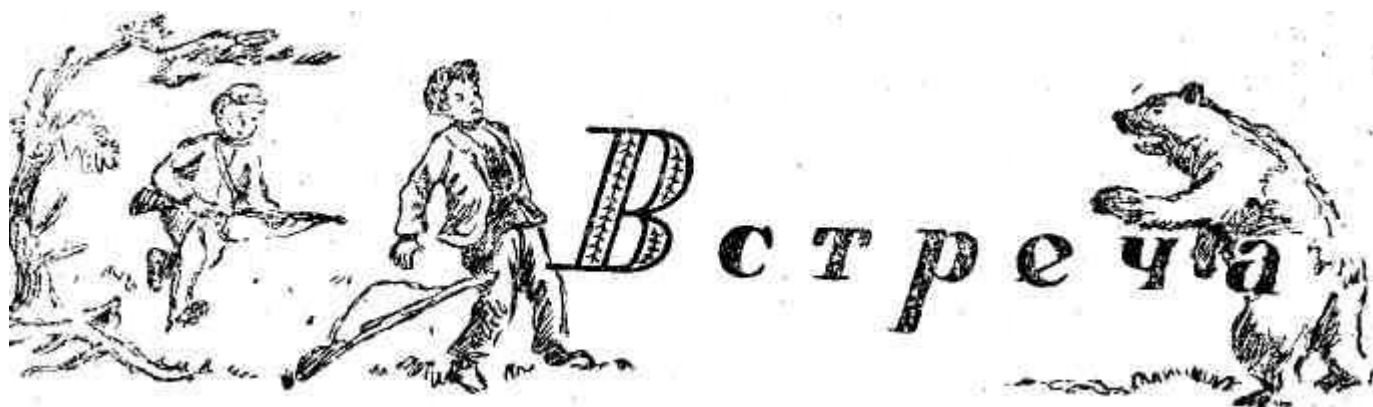
Вдруг в дверь опять кто-то постучал. Охотник, который спокойно наблюдал за медвежонком, не ссорился с ним, вскочил и залаял. Из-за двери послышался сердитый рев. За медвежонком пришла мамаша. Тут уж всем нам было не до сна. Мы сидели и дрожали при каждом стуке в дверь. Медведица толкала дверь, пыталась сорвать ее с петель, пыхтела и громко звала детеныша. А он сидел в углу, ел ягоды и мурлыкал, как кошка.

Медведица стучалась в дверь до утра. С рассветом она ушла в лес и больше не показывалась.

Нашего ночного гостя мы с Верой принесли домой и вырастили его. Когда он стал совсем большой, мы подарили его в Свердловский зоопарк. Если вам удастся побывать в том зоопарке, передайте привет нашему медвежонку от нас с Верой.

Встреча

В наших лесах на севере Урала встретить медведя невелика невидаль. Много их бродит в густых зарослях, выходят к поселениям, шалют.

Довелось встретиться с хозяином леса и нам: мне и моему товарищу Виктору.

Днем мы ушли от своей деревни далеко и вернуться засветло не успели. Ночевали в полуразвалившейся охотничьей избушке, в тайге. Ночью полил дождь, промочил старую избушку и вымочил нас. Мы не спали. К утру наши собаки, оставленные за дверьми, подняли лай и визг. Но в темноте ничего нельзя было рассмотреть.

Утром дождь перестал, и мы пошли узнать, что беспокоит собак. Оказывается, недалеко от избы залег в яме медведь. Собаки наши кидались к яме, яростно лаяли.

— Давай турнем его из берлоги, — предложил Виктор.

— А ты не струсишь?

— Нет.

Он притащил сухой стяг и стал «шуровать» зверя в берлоге. Я стоял с ружьем наготове. Первое время медведь молчал, потом заревел и, выскочив из берлоги, пошел на меня.

Я выстрелил, но от страха прицелился плохо и попал зверю в лапу. Медведь шел на меня. В это время выстрелил Виктор, но тоже промахнулся. Медведь кинулся к Виктору.

У меня заело патрон, и пока я возился с ним, зверь добежал до Виктора и ударил его лапой по плечу. Виктор упал. Хорошо, что внимание медведя отвлекли собаки, вцепившись ему в зад. Зверь заревел и встал на задние лапы.

Тут я вскинул ружье и прицелился медведю в грудь. Он упал на собак и сразу стих.

Я перевязал рану товарища своей рубахой, забросал медведя хворостом и повел Виктора домой.

Через неделю мы снова уходили с ним в тайгу, но уже таких встреч с хозяином леса у нас больше не было.

Опасная охота

Сходить в сосновый бор, что лежит по ту сторону реки, — было нашей давнишней мечтой. До сих пор мы ставили петли на зайцев только по руслу и берегам речки Сухой.

Каждый день, как мы поднимались в гору, на высмотр петель, мы с каким-то волнением глядели за реку, где за Тунбьяшинскими полями, за селом, за узорными делянками колхоза синей стеной виднелся сосновый бор. Но, дойдя до Крутых Склонов, мы скатывались вниз, в кусты, отыскивали новые торные заячьи тропы, смотрели силки, и сосновый бор забывался.

Однажды, возвращаясь домой, братишка Ваня сказал:

— Чего мы боимся? Сделаем самодельное ружье и сходим и бор.

Через неделю ружье было готово. Делали мы его тайно, чтобы родители не догадались. Ваня достал у своих приятелей по школе старых патронов, пороха, нарезали пуль.

И вот, наконец, мы двинулись в таинственный бор.

Лыжи легко скользили по снегу. До бора дошли быстро. Он показался нам страшным, не то что наши заячьи кусты! В нем ничего нельзя было рассмотреть — так густо зарос он деревьями. Пугала и тишина.

Мы долго ходили по заячьим слежкам, не отходя друг от друга ни на шаг. На одном крутом спуске в лог брат сильно ударился коленом о ствол дерева и не смог дальше идти. Я остановился около него. Впереди виднелась маленькая полянка.

— Ну как, отошла? — спрашиваю я его.

— Ноет здорово, погоди еще немножко.

— Дай ружье, я понесу его.

— Отстань, Васька, сейчас двинемся.

Я знал, спорить с ним бесполезно, он упрям, как и я.

На полянку выскочил заяц.

— Ваня, — зашептал я, — смотри, какой здоровенный русак выпер, прямо с овечку.

— Сейчас пальну, — также шопотом отозвался он.

— Нет, дай я пальну, а у тебя колено ноет, смажешь.

— Ноет, ноет. Отстань, говорю. Я сам.

Он приложил самопал к сосне и стал целиться. Вдруг серый большой ком молнией свалился на зайца. Раздался писк, рычание, фыркание, кровавые брызги полетели во все стороны: кошка громадных размеров, придавив жертву к снегу, пила из нее кровь.

— Стреляй! Рысь! — крикнул я брату.

Раздался выстрел, пуля подняла облачко снега возле зверя. Рысь одним прыжком исчезла в лесу.

— Говорил, нога у тебя ноет, — вот и смазал.

Мы подошли к месту схватки. От русака валил пар, снег окрасился кровью. Шкура на зайце оказалась почти не испорченной, сломана была нога, и вырвано горло.

— Возьмем? — предложил я.

— Нет, зароем в снег, а завтра сюда капкан притащим.

Отправились по следам кошки.

Скоро ветка хрустнула, невдалеке от нас, и с дерева сорвался ком снега. Я рассмотрел невысоко над землей голову рыси: уши плотно прижаты, глаза сверкают.

— Видишь?

— Где она?

— Дай ружье, теперь моя очередь.

Расстояние до зверя — метров пятнадцать. Я приложил самострел к дереву и долго целился. Рысь на дереве беспокойно щурилась, глядя мне в глаза.

— Стреляй, а то хвост покажет, — торопил Ваня.

— А я, как Мюнхаузен, пришью ее хвост к дереву...

— Стреляй, тебе говорят!

Выстрел оглушил меня. Когда дым рассеялся, я не увидел зверя.

— И у тебя колено ныло?

— Долго целился, а то бы прямо в лоб между глаз угадал, — стараясь не выдать досаду на самого себя, ответил я.

Погоня за хитрой кошкой продолжалась.

— Хватит, Василий, — предостерегал братишка. — Она нас заведет подальше да и сожрет.

— Ну, уж и струсил. А ружье у нас зачем?

— Патронов мало остается.

— Не будем косачей да русаков бить, — храбрился я.

Второй раз мы увидели рысь, прижавшуюся на сухом суку, метрах в десяти от нас.

— Дай теперь я, — загорячился Иван.

Он снял лыжу, воткнул ее в спет, сел и положил ствол ружья на пятку лыжи. Не успел он прицелиться, как кошка мгновение метнулась куда-то и снова исчезла. Я отбежал от брата на несколько метров, силясь снова увидеть рысь.

Вдруг сверху упала на меня сначала кухта, а потом серая корочка коры. Я взглянул вверх и обомлел: прямо надо мной сидела рысь, сверля меня насквозь своими злыми зеленоватыми глазами.

Я хочу крикнуть, но не могу — голос отнялся. Только левая рука быстро нащупала за поясом тяжелый охотничий нож и поднялась с этим оружием вверх для защиты.

Рысь прыгнула на меня, громко зарычала, и я полетел в снег от удара в грудь. Боязнь смерти заставила меня быть быстрым и сильным. Вскочив на ноги, я ударил зверя ножом в шею. Рысь рванулась в сторону и от сильного рывка вырвала нож из моей руки: он торчал у нее в загривке. Одну секунду кошка помедлила, прилегла на снег и, бросившись на меня, снова сбила сильным ударом. Я закрыл лицо руками, пытался подняться, но не мог и, почувствовал острую боль в плече.

Видимо, я потерял сознание.

Очнулся тут же на снегу. Ванюшка со слезами на глазах вытирал рукавицей кровь с моего лица и бинтовал голову своим шарфом. Тут только я почувствовал, что у меня сильная боль в правой стороне головы.

Оказывается, когда я боролся с рысью, Ваня долго не решался выстрелить, боясь убить меня. Потом, когда он увидел, как рысь впилась в мою грудь, он запалил самострел. Грянул выстрел: пуля пробила зверю заднюю ногу, распорола живот, раздробила обе челюсти, и тогда уже, ослабшая, она слегка ранила меня в голову.

Я поднялся, вымылся снегом и посмотрел на бледного плачущего братишку.

— А где она?

— Вон, — он указал на кусты березняка.

Рысь лежала на боку, подергивалась и хрипела. Снег вокруг нее напитался кровью.

В деревне мы дождались вечера у одного своего одноклассника, вымылись, закрыли ссадину волосами и пришли домой. Дома так ничего и не узнали. Рана на груди скоро зажила, кровь с лыж и одежды мы смыли.

Прошла зима. Мы оба закончили седьмой класс и перешли в восьмой. В летние каникулы мы навестили знакомые места, где чуть было так трагически не закончилась наша зимняя опасная охота.

На месте, где убили рысь, отыскивали ее череп и закопали под дерево.

На Яйве

Барка движется вверх по реке, оставляя позади две волнообразные полосы. По каменистому берегу, четко постукивая копытами, идет пара лошадей. На них сидят всадники-погонщики. Длинные лямки тянутся от хомутов упряжных к середине высокой мачты барки. Обоих погонщиков зовут Иванами: один Иван большой, другой бойкий мальчонок — мой сверстник.

У руля стоит лоцман Абрам Савельевич. Он старый, но бодрый и веселый. А сила-то у него прямо медвежья! И сам он, как медведь: борода точь-в-точь шерсть старого пестуна, плечи широкие, руки волосатые и длинные. Ну, а остальное все ничего, только вот трубка. И что за трубка! То ли наган то ли трубка какая — не поймешь. А он ее любит. Случилось как-то ему потерять трубку на охоте, так он три дня не спал, не ел, все искал и думал о ней. В конце концов нашел. И нашел-то где: в патронташе.

Мы продолжаем свой путь. Яйва стремительно несется навстречу, затопляя берега и перебегая камни. В порогах река шумит, пенится, бьется о камни, бурлит. В быстринах, шевеля плавниками, стоит синехреб хариус, которого редко встретишь на плесах. Хитрая рыба. Чуть что — прячется в пучину, а оттуда его ничем не выманишь. Поймать хариуса трудно, разве подденешь на какую-нибудь каверзу, или рукой сцапашь, когда он смиренно стоит под камнем.

Минуем серую, угрюмую скалу с широким отверстием пещеры. Огромная, неровная пасть устремила на нас, словно хочет проглотить.

— Смотри зевало-то какое? — говорит мне Абрам Савельевич, указывая рукой на пещеру. — Поди, так и сглотала бы всех нас.

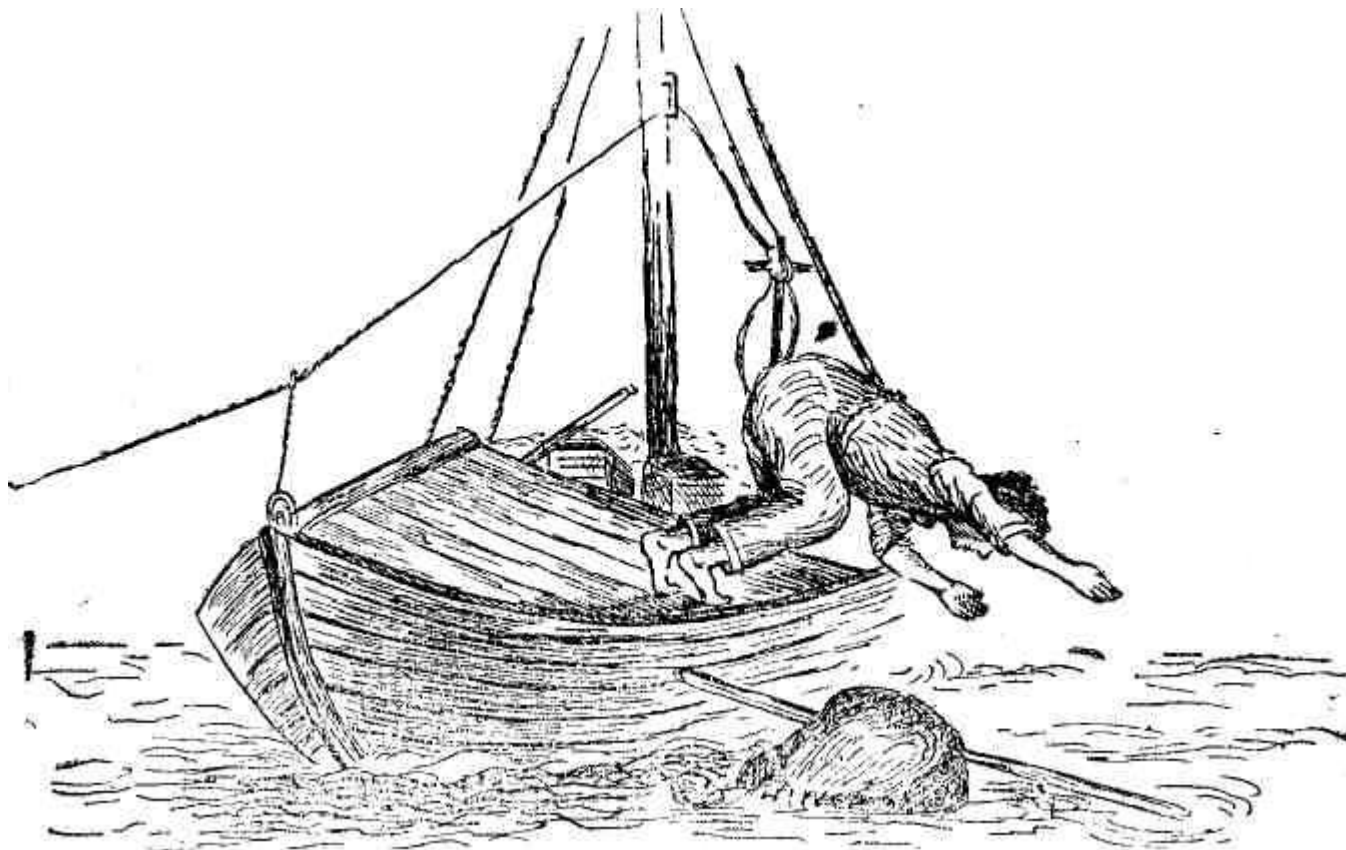
— Пещера-то? — удивился я.

— Ну? Больно она голодная да жадная. Оттолкнись! У, разиня. Камень слева! Ребята! Понужайте-е-е! Э-э-эй! На лошадях-ях!

Я стою на носу барки и отталкиваюсь от подводных камней. Из воды выглядывает громадная голова валуна. Я схватил шест и неловко сунул в гладкий камень. Шест скользнул по лысине валуна, и я, взмахнув руками, бултыхнулся в воду.

— Буль-фль-плъ! Ш-ш-ш-ш...

Опустившись на дно, я решил оттолкнуться от него и всплыть. Надо мною проплыла какая-то тень, и донесся глухой удар. Я не догадался, что это барка стукнулась о камень, и с силой рванулся вверх.

— Бу-бу-хх!!! — зашумело у меня в голове от удара в днище барки. Выдохнул я воздух и из последних сил рванулся по течению. Опять несчастье: налетел на тяжелый руль нашей барки. Я и об него стукнулся. Теряя сознание, вцепился руками и ногами в руль и... высунул голову из воды. Барка стукнулась о камень, отскочила назад и рванула лямки. Всадники и лошади, которые шли у самой воды, тесно прижимаясь к скале, свалились в воду и сейчас барахтались в ней. А на судне суетился по палубе Абрам Савельевич, закидывал за борт тяжелый багор и щупал дно. На камне сидел мокрый меньшой Иван и, широко раскрыв глаза, следил за багром.

«Меня ищут», — сразу догадался я и с трудом вскарабкался на крышу кормовой каюты. Меня никто не заметил. В голове шумело. Я прилег. Лошади с фырканием и ржанием выбрались на берег, удержали неуправляемую барку. За ними вышел Большой Иван.

Я спустился к рулю и как можно громче закричал:

— А-э-э-эй! Я zde-есь!

— Жи-ив ты-ы? — кричит Абрам Савельич, заглядывая в воду.

— Го-го, какой он... Ф-р-р-р! — обрадовался Большой Иван с берега.

— Гликося, ты где. Эк-кой ты смешной! — удивился Абрам Савельевич, увидев меня, и закричал на лямщиков.

— Что орете? Барку правь к берегу. Понужай!

Лошади отряхнулись и тихо пошли вперед.

— Понужайте-е! — торопил старик. — Озяб?

— Нет, жарко даже. Ух, как солнце печет...

Я рассказал ему все, что произошло, а он словно никогда не видал меня, вглядывался в лицо.

— Ты чего, Абрам Савельевич, смотришь?

— Эк, у тебя фонарь-то какой всплыл! Преогромадный...

Через час мы приближались к деревушке, прилепившейся к правому берегу Яйвы. За деревушкой тянутся поля, зеленый лес и синие горы. На берегах пасется скот, растет красная и черная смородина, малинник. Старые дома тесно жмутся друг к другу, улиц здесь наверно никогда не было. Все переплетено изгородями, на которых висят сухие и мокрые сети. У воды лежат перевернутые лодки.

Абрам Савельевич подбоченился, сел на мешок с мукой, крепко зажал зубами трубку и, попыхивая дымом, важничал, как морской капитан.

Я достал свою фуражку и напялил ее на глаза, чтобы фонарь был незаметен. Коногоны важно покрикивали на лошадей.

Из-за крайнего дома вышли два старичка и подошли к воде. Оба босые, в узких штанах, в длинных полотняных рубахах, один высокий, с длинной бородой, другой приземистый, с цыгаркой во рту. Старик с длинной бородою спросил:

— Вы откедова, ребята?

— Отседа не видно! — ответил Абрам Савельевич и сердито дернул за веревочку руль. — Со станции!

— А куда-от путь держите? — спросил приземистый старичок хриплым голосом.

— Куда пожелаем, — не меняя тон, ответил Абрам Савельич. — Дело наше, Яйва длинна. На Сухую.

— Чего везете?

— Товар в кооператив.

Деревня осталась позади. Жара постепенно спадала. Солнце Спускалось к горам. Назойливые комары тучами летают над водой, жужжат, пищат и больно кусают. До Сухой еще далеко. Я спросил:

— А где ночевать будем?

Подумав, Абрам Савельевич ответил:

— В устье Ульвича, там трава хорошая, лошади далеко не уйдут. Понужайте-е-е!

Лошади устали. Они идут, низко опустив головы. Большой Иван смотрит вперед, как бы не попала яма. Погоняет:

— Н-но! Пошел, махоня!.. Н-но!

Приехали к Ульвичу. Светлая, холодная вода горной реки быстро течет по камням и порогам, впадая в ненасытную Яйву.

Погонщики спутали лошадей и пустили на сочную траву. Недалеко от берега Иваны отыскивали кусты малины и скрылись в них. Абрам Савельевич не любит собирать малину.

— Какая еда малина? Рыбу надо ловить.

— В барке кто будет? — спросил я.

— А мы подле барки. Эвон на том переборе под камнями пошаримся.

Мы сняли с себя верхнюю одежду и в сапогах пошли отыскивать под камнем линия или хариуса.

Быстро течет вода, на пороге подкашивает ноги, грозит свалить. Больше всего попадают налимь. И что за напасть! Мы условились не брать налимов, но они, выпялив белые зенки, сами лезут в ладони, а иной еще за палец щипнет.

— Иди сюда, — пыхтит Абрам Савельич, — скорей! Ах, проклятый! Быстрая иди!

Осторожно ступая сапогами по скользким острым камням, я иду к нему. Он оседлал камень и по ребра сидит в воде, совершенно мокрехонек.

— Лезь под камень: линь там. Лезь, пока не ушел. Вот тут дыра... Вот она.

Камень неподвижно лежит на дне. Я заметил под ним отверстие и, вдохнув воздуха, опустил под воду.

— Поймал? — оживленно спросил Абрам Савельевич, не успел я еще вынырнуть из воды.

— Нет еще.

— Пошто?

— А вот сейчас...

Снова опускаюсь в воду. Засунул под камень руку и нащупал там что-то скользкое и толстое. «Линь, — мелькнуло в голове, — да какой здоровенный!»

Линь стоял головой к выходу. Мои пальцы скользнули по голове рыбы и нащупали жабры. Я хотел крикнуть от радости, но вспомнил про синяк на лбу и стал тихо вылезать.

— А-а, попался! — Лоцман взял рыбу и поднял ее на вытянутую руку, хвост линя касался воды.

Переходим от камня к камню, проверяя, нет ли под ними жильца. Оба замерзли.

— Хватит? — опрашиваю я Абрама Савельевича.

— Хв... хватит. Да вот застрял он: поди, руками и ногами упирается. Иди-ка сюда.

— Что там?

— Р... рыба. Кит, все равно... огромный. Ф-р-р... сюда не ходи: влетишь в ямину. Обойди.

Не успел я обойти, как в руках Абрама Савельевича показалась огромная трепещущая рыба.

— Не уйдешь! В руках башка-то... лешак. Эх, я его... Все крылышки обломал. Чай, фунтов двадцать будет. Пошли домой. Озяб я.

Вскоре на поляне показались веселые погонщики. Абрам Савельевич крикнул:

— Иван, и ты Иван, дров тащите, костер разложим. Уху варить будем.

Жарко пылает костер, со всех сторон охватывая огнем железный котелок, в котором варится промысловый ужин. Храбрые комары летают и над дымом.

Теплая летняя ночь окончательно овладела землей. Шум реки стал звонче. Где-то в лесу кричит ночная птица. Скоро должен начаться рассвет.

Хитрая росомаха

Хитрая росомаха

В наших лесах на севере много росомах. Как будто и небольшой зверь, а беды от него много. Не любят росомаху охотники наши манси. Не любят ее и звери. Хитрая она.

Много зверя в тайге, но никто из зверей так не опасен для охотника, как росомаха. Все капканы обойдет, добычу из них утащит, а сама редко в него попадет. Заяц попался в капкан — росомаха его добудет, съест. Лисицу, глухаря, горностая — все съест.

Придет охотник — капкан не насторожен, снег вокруг него истоптан, кровь осталась. Росомаха была. Беда, худой зверь!

Много белки уродилось в тайге: и своя местная векша, и ходовая пришла. Охотник доволен, белкует хорошо. Много убьет векши, шкурки и тушки трудно с собой таскать. Найдет охотник-манси лабаз в тайге — по-нашему чемья называется, устроит в нем склад. Принесет векшу в лабаз, положит — сам опять белок идет искать. В лабазе добыча цела будет, никто ее не тронет. Охотник другой придет — не возьмет; волк, медведь или рысь — не достанут. Лабаз-чемья стоит на высоких столбах. А столбы охотник намажет порохом, чтобы дух от них зверя отгонял. Спокойно белкует охотник, перехитрил зверя.

Но хитрая росомаха хитрее белковщика. Она не боится запаха пороха, залезет в чемью и съест свежие шкурки. Охотник придет — нет добычи, нет запасов — ни мяса, ни сахара, ни хлеба, что оставил он себе в лабазе. Промысел худой вышел. И все хитрая росомаха.

В прошлом году дядя мой Тасманов убил за Камнем сохатого. Зверь большой шибко был. Дядя закрыл, его снегом и хворостом и быстро пошел на лыжах в свою юрту за нартой с оленем. День прошел, приехал оленевод за сохатым, а от него мало что осталось: рога да кости. Много росомах пришло, съели зверя.

Боишься олень росомахи, она его убивает. Олень большой, сильный, быстрый, а росомаха, маленькая, силы у нее мало, быстро ходить в снегу она не умеет. А она убивает оленя, а олень ее не может убить, потому что она хитрая.

Зимой мы ездили на нартах за Ивдель, в тайге в снегу ночевали. Видела я, как росомаха оленя добывает.

Олени паслись на болоте. Лес далеко стоит, какой зверь из него выйдет — видно. Спокоен олешек, мох из-под снега добывает. Росомаха пришла на край леса, видит — олень. Пойти к нему по снегу — нельзя, скоро увидит черную росомаху олень на белом снегу. Тогда хитрая росомаха зарывается под снег до земли и так под снегом идет к оленю. Идет, идет — слушает: где олень ягелем хрустит, копытом бьет? На звук идет.

Совсем близко подойдет, выскочит из-под снега и прыгнет оленю на загривок. Олешек в страхе бежит в тайгу. Росомаха его пока не трогает, держится.

Как отбежит олень подальше, она ему загривок или горло перекусит — пропал олень. Упадет олень, росомаха кровь его пьет, мясо ест.

Старики манси рассказывают, что и сохатого добывает маленькая росомаха. Сядет на дерево и ждет, когда зверь близко подойдет. Прыгнет на сохатого сверху и начнет царапать острыми когтями лап оба глаза зверя. Больно, страшно сохатому — откуда темнота? Бросается он бежать, искать света, которого теперь для него нет. Мечется в тайге, ломает рога, натывается на деревья, в обрывы падает, бьет головой о стволы кедра, ели. Сил нет больше — упал. Росомаха его ест.

Вот такая хитрая росомаха!

За тальменями на Выю

Давно я собирался побывать в верховьях глухой, малоисследованной речки Выи. Река замечательна тем, что в ней сохранилась редкая в нашем районе рыба — тальмень.

Выя начинается в отрогах горы Качканара и течет среди гор, покрытых дремучей тайгой. Шумит Выя на перекатах. Величаво стоят деревья, низко опустив свои ветви, как бы прислушиваясь к шуму реки. Место глухое. Далеко нет жилья. Изредка только забредет сюда какой-нибудь охотник и выстрелом нарушит лесную тишину.

В июле меня пригласил на Выю Анатолий Григорьевич Федюнев — директор горного техникума. Он очень хорошо знал эту местность. Решили поехать трое: Анатолий Григорьевич, я и мой брат Дизик, мальчик лет тринадцати.

До прииска Валерьяновского доехали на велосипедах. Там оставили их у знакомого охотника и дальше пошли пешком. Собаки устали бежать за велосипедом к теперь далеко не отбегали. Их было две: Бобик, крупная лайка, вогульского типа, черный с белым пятном на груди, и серый Уралко.

Итти приходилось по глухим таежным тропам через горы. Острые зубцы Уральского хребта, покрытые зеленым ковром тайги, ясно выделялись на голубом небе. Вдали, покрытая синей дымкой, виднелась одна из высоких вершин Урала — Качканар.

Дорога была трудная. Приходилось перелезать через упавшие деревья, прыгать с кочки на кочку в моховых болотах и внимательно смотреть под ноги, чтобы не провалиться по пояс в топкую грязь. Тысячи комаров и мелких мошек роились над нами. На горах комаров было меньше, но спуски и подъемы мучили еще хуже.

Наконец, комары совсем замучили нас. Анатолий Григорьевич достал скипидар.

— Мажьтесь, ребята, — сказал он, натирая скипидаром лицо и шею.

Это немного помогло.

Через час он снова оглянулся на нас, расхохотался и сказал:

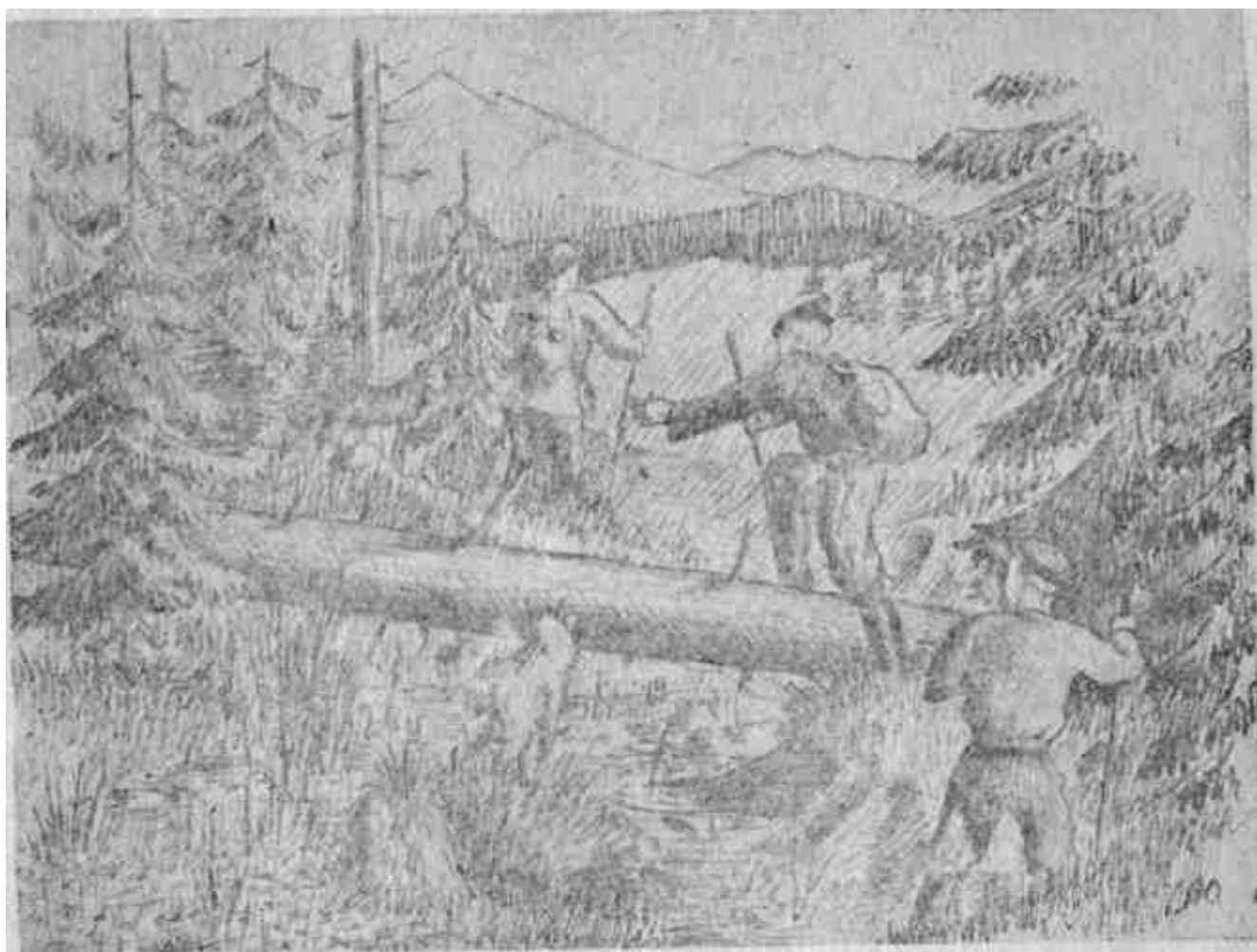
— Устали, ребята? Ну, давайте отдохнем. Ну, и вид у тебя, Дизик.

Дизик, запнувшись в болоте, растянулся среди кочек. Руки его по локоть погрузились в грязь. Отмахиваясь от комаров, он размазал грязь по лицу. Я был не лучше его.

В сумерках мы подошли к реке. Удиль было уже темно. Решили ночевать на берегу. Сделав нодью, мы с Дизиком улеглись с обеих сторон, постелив под себя траву и брезент. Нодья представляет собою два сухих сосновых бревна, закрепленных друг на друге колышками. Между бревнами раскладывают огонь, и нодья медленно тлеет всю ночь, излучая тепло.

Сумерки сгущались быстро. Над шумевшей рекой летели ночные птицы ловя на лету мошек. Глухо

стукнуло упавшее дерево. Где-то ударила по воде сонная рыба, и все смолкло. Собаки чутко дремали, положив голову на вытянутые лапы.

Проснулся я оттого, что Дизик задел подковой своего сапога мне щеку. Я сел и стал осматриваться. Была еще ночь. Ярko пылал костер. От нодьи было жарко. У костра сидел Анатолий Григорьевич и строгал удилище. Около него сидел Бобик. Пламя костра отражалось в глазах собаки, отчего они горели, как у волка. Уралко спал и глухо ворчал во сне.

Вскоре пошли к реке умываться. Солнце еще не вышло, но было уже светло. От реки поднимался белый молочный туман. На траве держалась сильная роса. Щебетали первые птицы. Вода показалась нам теплой, но после умывания стало холодно, и, чтобы разогреться, мы бегом побежали к костру, стараясь не задевать мокрую траву.

На костре уже шипел и плевался чайник. Дрожа от холода, мы стали пить чай, обжигая рот и помешивая сахар выстроганной палочкой. Собаки сидели около и внимательно смотрели нам в рот, глотая слюнки. Пока пили чай, Анатолий Григорьевич рассказал о ловле тальменей.

— Тальмень — житель быстротекущих речек, с чистой, холодной водой и каменистым дном. Любит он и перекааты и заводи или омуты, на дне которых имеются коряги. Это рыба хищная, как щука. Живут тальмени в одном омуте по несколько штук. Днем его можно увидеть стоящим на дне, под тенью низко нависших деревьев. Очень хорошо видят и слышат. Забрасывать удочку надо из-за куста или дерева.

Скоро выглянуло солнце. Мы сложили вещи в рюкзак и пошли по берегу, вглядываясь в воду в надежде увидеть стоящего тальменя.

Удилища в наших руках были длинные и гибкие, чтобы жгли пружинить при внезапных рывках пойманного тальменя. На них были привязаны шелковые лесы, без грузила, длиной до трех метров. Лесы оканчивались проволокой с маленькой блесной и тремя остроконечными крючками.

Стараясь не задевать удочками за ветки деревьев, мы медленно двигались по берегу Выи. В верховьях она была во много раз красивее. Ее берега густо заросли лесом и круто обрывались к воде. Иногда попадались поляны, на которых трава доходила до плеч. По обе стороны от нее раскинулись горы, и Выя, казалось, ныряла между ними.

Около одного омута Анатолий Григорьевич помахал нам рукой, чтобы мы подошли.

— Вон тальмень стоит. Видите? — сказал он шопотом.

Долго я ничего не мог разобрать, но потом заметил, что полено, за которым я рассматривал тальменя, задвигало плавниками и медленно поплыло.

Все произошло быстро. Анатолий Григорьевич забросил блесну, что-то серое промелькнуло в воде, сильно согнулось удилище, и тальмень с силой взлетел на воздух.

Мы с братом бросились к нему и увидели рыбу длиной около полметра. Это был средней величины тальмень. Формой тела тальмень напоминал щуку: голова и бока покрыты темными пятнышками. Плавники были красного цвета. Разрез рта доходил до глаз.

Постепенно тальмень затих и судорожно открывал рот, усеянный острыми зубами.

Окрыленные первой удачей, мы с братом тоже решили попытать счастья. Провозившись на одном омуте полчаса, мы перешли на другой. Анатолий Григорьевич за это время поймал еще двух. Забросив удочку, я во всем старался подражать ему. Вдруг сильный рывок выдернул у меня удилище из руки, и оно упало одним концом в воду.

— Тяни! — закричал во весь голос Дизик.

Я грудью упал на конец удилища и изо всей силы вцепился в него руками. Но тальмень, очевидно, и не думал стаскивать меня с удилищем в воду, а просто выплюнул блесну и ушел в глубь. Выждав немного, закинул еще и, радостно почувствовав рывок, от которого в дугу согнулось удилище, я вскочил на ноги и стал тянуть, не ослабляя лесы и напрягая все силы. Несколько рывков, и тальмень вылетел на берег, сверкая серебристой чешуей.

Визжа от радости и что-го выкрикивая, мы бросились к нему. На тальменя бросался Бобик, пытаясь схватить его зубами, но, получив удар хвостом по морде, отскакивал, дрожа от нетерпения, а потом снова кидался на него.

На шум прибежал Анатолий Григорьевич. Он быстро накрыл тальменя пиджаком и стукнул головой о камень, чтобы он затих.

Это был первый тальмень, пойманный мною.

На току

Весной, приходя к дяде, я часто видела у него дома убитых глухарей и косачей. Я люблю суп из глухаря: он очень вкусный. Я спросила дядю:

— Где ты их бьешь?

— На токах.

— А что это?

— Не знаешь? Вот погоди, возьму тебя с собой — увидишь.

И верно, однажды взял на охоту, но предупредил:

— Ну, охотник, гляди, если вспугнешь косачей, — больше никогда не возьму.

Утренник был холодный. Я бегу за дядей и вздрагиваю. Лес голый, травы зеленой еще нет, цветов тоже нет, — стояла половина апреля.

В лесу у дяди был готов закрат — шалаш около тока. Мы залезли в него и сидим тихо, слушаем. Так прошло с полчаса. Потом где-то на деревьях послышалось щелканье и воркование. Дядя еще сильнее прилег к земле, я съежилась в комочек, боялась вздохнуть.

На первый крик тетерки откликнулись другие птицы, и вскоре на ток собрались тетерева. Сколько их! И все какие красивые, важные. Я не знала, на которого смотреть. Самцы черные, с красными гребешками над глазами, хвост с завитушками. Тетерки серенькие, с розовыми надбровьями.

Токáрь ходит, распустив крылья и хвост, посередине тока, а другие косачи играют по кругу, треплют друг друга, — бегают, сбегаются парочками.

Дядя, выстрелил и убил одного косача. Он отбежал немного в сторону и упал. Никто из птиц даже не обратил внимания на выстрел, продолжая игру.

Еще раз выстрелил дядя, ранил косача, и он метнулся прямо к закрату. Он был так близок от меня, что я забыла уговор, и громко вскрикнула.

Токáрь пугливо смолк, осмотрелся, словно пришел в себя, и стремглав улетел. За ним поднялся весь ток. Дядя мне сказал:

— Вот и до свидания! Больше не возьму на ток. Пошли домой, охотник.

Мы вышли из закрата. Дядя поднял косача, убитого первым, а я взяла другого. Он был уже мертв.

— Если бы не кричала — весь ток уложил бы. Они во время игры совсем шальные. Бывают большие тока — штук на пятьдесят косачей, и всех перебьешь. А ты вспугнула.

Мне было жалко красивую птицу, лежавшую у меня в руках. Хотелось, чтобы косач вспорхнул, расправил хвост и продолжал игру.

Зима

З и м а

В шапках снежных ветви
Молодого бора.
В роще от мороза
Птицы не поют.
А в полях, где ветер,
Тишь да косогоры,
К дальнему колхозу
Лыжники идут.
Лес к реке подходит
Темною стеною
И на самых кручах
Берега растет.
Зимний день уходит,
Смятый темнотою.
В низких серых тучах
Зимний небосвод.
Ночью холод колкий
Встанет над полями,
И луна осветит
У опушки ель,
И завоют волки
Злыми голосами,
И поднимет ветер
Шумную метель.

В согре

Новоселовский плес реки плавный, с отмелями. По берегам растет кудрявый ивняк. Река Тагил извивается, нежится, как бы отдыхая от борьбы со скалами в верхнем течении. Там она сдавлена теснинами, грозно ревет на переборах.

В омутах около нашей деревушки спугнешь парочку селезней, а то увидишь, как выбросится из воды смиренная плотичка, преследуемая зубастой щукой. В хлебах крикают коростели, однообразно, как бы позаученному. Наперебой стрекочут в траве кузнечики. В воздухе на одном месте семенит крыльями предвестник дождя — «трясунец». Защелкал соловей в кустах...

В этих местах крепко пустил корни наш колхоз «Победитель». Живем мы — люди любят. Земля жирная, мягкая. Заливные луга под боком. Рыбные озера. А ягод-то! А грибов! Богата и охота на уток, рябчиков, глухарей, белку, косоглазого зайца. Порой в капкан попадет и матерый волк. Наши колхозные овцы-шленки славятся в районе.

Переправившись на лодке через Тагил, деревенцы летом ходят в согру сшибать кедровые шишки. Согра — это большие болота. Ребята ждут, не дождутся счастливой поры, когда поспеют орехи. А поспевают они к концу августа.

Величаво стоят кедры в полях, «на закрайках» и рощами. Могучие, с широким шатром ветвей, стоят красуются, точно богатыри.

Сучья у полевых кедров низко начинаются от земли. На эти кедры ребята лазают ловко, быстро взбираясь, как векши (белки), на самую верхушку. Набьют с ведро сернистых крупных шишек и неподалеку от кедра на костре жарят: лакомятся масляничными орехами свежего урожая. Из жареных шишек легче вынимаются вкусные румяные орехи. Некоторые, по примеру старожилов, приговаривают при этом: «ложись новинка на старую брюшинку».

За шишками ревниво следит ронжа-кедровка. Без отдыха эта невзрачная птичка, с белым оперением на хвосте, суетится и галдит в кедровниках. Пока ребята не шевелят шишек на кедрах, и она не трогает. А стоит ей увидеть сбитую шишку под кедром, — ронжа не робеет. Человек оснимывает кедр, а рядом усердно работает на кедре клювом ронжа. До чего быстро! До чего искусно! Просто диву даешься. Если не спешить со сбором орехов, ронжа может унести в свои птичьи кладовые до половины урожая.

В согре кедровники тянутся на добрый десяток километров. Кедры здесь поджарые, высокие, с сучьями лишь на вершине. Покрытые лишаями, они выглядят седыми стариками. Нарядной кедровой рощи здесь не встретишь.

Нам, ребятам, трудно попасть на дерево. Лазить приходится на кошках — железных когтях, привязанных ремнями к голенищам кожаных бродней. «Лазок» привязывает к поясу два шестика. Один длинный и тяжелый — паровик, другой — много легче, короче. Взобравшись при помощи кошек на вершину кедра, «лазок» паровиком сшибает шишки с окружающих кедров, захватывая до десятка

деревьев. А коротким шестом обивает тот кедр, на котором сидит. Работы у «лазка» много: и шишки обивай, и держись за сучья.

Опасно и тяжело на кедре, особенно в ветренную погоду. Кедр раскачивается из стороны в сторону, скрипит, стонет. С кедром вместе раскачивается человек. В ушах треск, хруст... Малейшая неосторожность, и человека нет. Каркает воронье. Шарахаются ошалелые нетопыри. Слышатся скрипучие токанья змей, ухитрившихся влезть на дерево, чтобы родить детенышей.

Был и такой случай. Обнаружили в согре на кедре высохшего ловца. Насмерть зажало его развалинами кедра. Мальчик стоял в шапке и армяке. Несколько лет никто не знал о мучительной смерти человека, превратившегося в мумию. Предполагали, что медведь-задавил. Угрюмая согра, как должное, приняла, человеческую жертву, о которой знали лишь ветры буйные, снегопады и дожди, да зоркие филины и совы. Знали, но молчали.

Тяжелые мешки с шишками приходится на руках таскать в шамьи — низенькие избушки без окон. Ловцы, и мешки облеплены серой. Донимают комары, пауты, мошкара. Под ногами зыбко хлюпает вода. В ненастье на человеке нет сухого места.

Осенью на волокушах шишки вывозят из леса.

ПЕСНЯ УРАЛЬСКИХ РЕБЯТ

Кто горы Урала,
Строение новых
Заводов уральских видал,
Тот скажет: цветы, наш
Красивый, суровый,
Родной и любимый Урал!

Мы учимся. В школах
Просторных, веселых
Немало задорных ребят.
Мы в лагере летом —
Под солнечным светом,
И каждый из нас очень рад

Приходит к нам осень,
Березы меж сосен
В лесах холода золотят.
Идем мы все в классы,
Где доски, указки
Все лето без дела стоят.

Суровые горы,
Лесные просторы
И серые выступы скал
Плывут к нам навстречу.
Не каждый, конечно,
Такие просторы видал.

Куда бы страна
Нас потом не послала,
Уехав в любые края,
На всю жизнь запомним
Красоты Урала,
Большого, родного хребта.

Кто горы Урала,
Строения новых
Заводов уральских видал,
Тот скажет: цветы, наш
Красивый, суровый,
Родной и любимый Урал!

ПЕСНЯ УРАЛЬСКИХ РЕБЯТ

Слова Е. Фейерабендт

Музыка Ю. Олесова

Tempo d'marci, moderato

Canto

Piano

The first system of the musical score. It consists of a vocal line (Canto) and a piano accompaniment (Piano). The vocal line is written on a single staff with a treble clef and a key signature of two sharps (F# and C#). It begins with a whole rest. The piano accompaniment is written on two staves (treble and bass clefs) with the same key signature. It starts with a series of chords and eighth notes, creating a rhythmic accompaniment.

Кто га-ры Ура-ла стро-е-ни - е но - вых за -

The second system of the musical score. The vocal line continues with the lyrics "Кто га-ры Ура-ла стро-е-ни - е но - вых за -". The piano accompaniment continues with a similar rhythmic pattern, featuring chords and eighth notes.

во - дов Уральских видал, тот скажет цветы наш кра-

The third system of the musical score. The vocal line continues with the lyrics "во - дов Уральских видал, тот скажет цветы наш кра-". The piano accompaniment continues with the same rhythmic pattern, featuring chords and eighth notes.

си - вый сура-вый род-ной и лю-би - мый У-рал тот

ска - жет цветы наш красивый су-ро-вый ро-дной и любимый У -

рал мы ной и любимый У - рал

ДО НОВОЙ ВСТРЕЧИ

Ребята! Мы написали свою книгу до начала Великой Отечественной войны советского народа с немецко-фашистскими оккупантами.

Спокойно и счастливо жили ребята, окруженные сталинской заботой. Прилежно учились в школе, зимой бегали с гор на лыжах, а летом уходили в походы в горы и в леса, в долины и на рудники. Мы собирали коллекции минералов, гербарии, разводили животных и птиц в школьных зоосадах, строили замысловатые машины, приемники и планеры.

Да и край наш — Урал — выглядел мирно. Деловито, спокойно дымили высокие трубы его многочисленных фабрик и заводов, производя машины, станки, комбайны, вагоны. В шахтах, на рудниках, копях люди добывали из земли полезные ископаемые, нужные для процветания техники и культуры страны Советов.

Но вот неожиданно, ночью, как убийца и громила, с запада ворвался в нашу землю страшный, кровавый зверь с паучьей свастикой. Кровью тысяч невинных женщин, стариков и детей, дымом пожарищ мирных городов и сел, грохотом жестоких битв начался день 22 июня 1941 года. Вся страна от мала до велика поднялась навстречу ненавистному, озверелому врагу.

В несколько дней, по зову товарища Сталина, изменился наш Урал. Мирные заводы работают теперь для фронта — грозное оружие куется на Урале. Многие районы совершенно изменили свой облик, став кузницей смертоносного вооружения. В несколько недель наш Урал превратился в мощный военный арсенал Родины.

Мы, ребята Урала, включились в битву с проклятым коричневым фашистским зверем. Мы забросили свои сачки и байдарки, геологические молотки и рюкзаки до новых, счастливых, мирных дней. Некоторые из ребят сменили у станков отцов и братьев, ушедших на фронт. Иные пошли в колхозы работать на весеннем севе и уборке урожая. После войны кто-нибудь подсчитает, сколько тысяч тонн металлолома собрали ребята Урала и сдали в фонд обороны Родины. Когда-нибудь будет подсчитано, сколько тысяч снарядов и мин было сделано и выпущено по фашистам из металла, собранного нами.

Есть у нас и такие ребята, которые ушли на фронт и с оружием в руках борются с врагом Родины. Сейчас мы еще не все знаем о судьбе этих героических ребят.

О том, как и чем уральские ребята в Великой Отечественной войне помогали Родине громить врага, мы расскажем в следующей книге.

До новой встречи, читатель!

Свердловск, 1943 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Книга уральских ребят — *Анатолий Климов* (3)

Письмо М. А. Нексе (14)

Белая птица — *М. А. Нексе* (перевод *В. Олигина* и *В. Золотавиной* (8 кл., г. Свердловск) (15)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДАЛЕКИЕ БЫЛИ

История гор — *М. Берсенев, А. Ваганов, Ю. Кривоносов, Ю. Носов, В. Сакнынь, Н. Сергеев, В. Черницкий, Л. Шангина, В. Шевченко, М. Шенина* (7—8 кл., г. Свердловск) (19)

Ночь в горах — *Е. Сигова* (9 кл., г. Свердловск) (21)

Земля Золотая — *П. Пшеничников* (9 кл., г. Серов) (23)

В царство Епанчи — *Е. Новоселов, С. Толмачев* (7 кл., дер. Махнево) (27)

Салават — *Ш. Камалов* (7 кл., пос. Анненский) (33)

ГЛАВА ВТОРАЯ

СЕДОЙ УРАЛ

Чудо-камень — *В. Гилев* (7 кл., г. Свердловск) (39)

Богатик — *О. Сазонова* (9 кл., г. Кушва) (43)

Тайна булата — *В. Гилев* (7 кл., г. Свердловск) (47)

Холодное небо... — *В. Николаев* (7 кл., г. Молотов) (58)

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РОДНОЙ КРАЙ

Герои Урала — *Э. Попова* (8 кл., г. Свердловск) (59)

Павел Морозов — *Н. Шатохина, П. Жарынин* (4 кл., с. Герасимовское), *В. Беляева* (9 кл., г. Тавда) (63)

В тайге — *А. Ситников* (8 кл., Нижний Тагил) (68)

Родина заводов — *А. Чеснокова, Г. Никонова, С. Иофина, В. Филинкова, Л. Батрунова* (7 кл., Уралмашзавод) (73)

В царстве Али-Бабы — *М. Шешина* (8 кл., г. Свердловск) (77)

Красная шапочка — *В. Бабинцев, В. Будаков, Ю. Винокуров, С. Исупов, Ю. Костоусов, В. Литовкина, А. Мальцев, Н. Маслова, Т. Назарова, С. Пищальников, В. Сильваненко, А. Созин, Э. Ткаченко, М. Тупицына, В. Шишкин* (5—8 кл., г. Серов) (79)

На домне. — *В. Пушкарёв, М. Черномазова* (7—8 кл., г. Серов) (83)

В подземном городке — *Н. Антонов, В. Бабошин, Л. Белов, Н. Осипов, Р. Савостина, В. Саукова* (5—8 кл., г. Егоршино) (84)

Атач — *Л. Дроздович, Л. Никитин* (7 кл., г. Магнитогорск) (90)

Летающий металл — *Е. Селиванов, Л. Кабанов* (8 кл., г. Каменск-Уральский) (91)

В уральском лесу — *В. Щенников* (9 кл., г. Серов) (93)

Вода-шахтер — *А. Шилов, А. Долгих, Л. Лысова, С. Скетерис* (9 кл., г. Дегтярка) (94)

Товарищу — *Б. Виноградов* (6 кл., г. Молотов) (96)

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В НЕДРАХ ГОР

Походная — *Е. Федоров* (6 кл., г. Свердловск) (97)

Старатели платины — *А. Созин* (7 кл., г. Серов) (98)

Волшебный камень — *А. Летемин* (6 кл., с. Щелкун) (100)

Дорогой камень — *А. Головушкина, Л. Юрченко, А. Ваулин* (8 кл., г. Асбест) (103)

Гранит или аметист? — *А. Мокроносов* (5 кл., с. Глинское) (105)

В разведках — *И. Шляпников* (8 кл., г. Свердловск) (107)

Драга — *В. Щенников* (9 кл., г. Серов) (110)

Горный лен — *И. Тарасевич, Е. Абескалов, Н. Кузеванова, Е. Беляев, Е. Мельникова, Н. Лобанова, Р. Белоглазова, З. Пронина, Н. Яркина, З. Надеждинская, В. Осинцев, Л. Вивсюк, В. Пономарев, А. Бердников, Ю. Устинов* (7—9 кл., г. Асбест) (111)

Жила — *Г. Сычев* (9 кл., с. Покровское) (115)

Гидравлика — *А. Обрезкова* (7 кл., прииск Ис) (117)

Ильментау — *В. Еремин* (7 кл., г. Челябинск) (118)

Музей в горах — *В. Авдонин, С. Архипов, Б. Астахов, В. Гилев, Н. Свиякин* (5—7 кл., г. Свердловск) (119)

ГЛАВА ПЯТАЯ

ИНТЕРЕСНАЯ ЖИЗНЬ

По горам и рекам — *В. Бабинцев, В. Будаков, Ю. Винокуров, С. Исупов, Ю. Костоусов, В. Литовкина, А. Мальцев, Н. Маслова, Т. Назарова, С. Пищальников, В. Сильваненко, А. Созин, Э. Ткаченко, М. Тупицына, В. Шишкин* (5—9 кл., г. Серов) (131)

В лесах Коми — *В. Калинин* (8 кл., г. Кудымкар) (139)

Соловей — *А. Сотников* (9 кл., г. Кизел) (143)

Маленькие брэмы — *В. Подкорытов* (7 кл., с. Печеркино) (144)

Пернатый разбойник — *В. Мошков* (6 кл., с. Печеркино) (146)

Открытие — *Т. Меньшенин* (7 кл., с. Печеркино) (151)

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В СТРАНЕ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Робинзоны — *И. Шушарин, Б. Скрыль, А. Извеков, П. Адоньев, В. Адоньев* (4—7 кл., пос. Среднеуральск) (153)

Вдоль реки Сим — *М. Кочемасов* (6 кл., Симский завод) (157)

Спит Тургояк — *И. Орловская* (8 кл., г. Челябинск) (162)

Живая гора — *В. Колупаев* (7 кл., г. Свердловск) (163)

Лесной пожар — *В. Щенников* (9 кл., г. Серов) (166)

Ледяная пещера — *Я. Якоб, Э. Трушникова, А. Русанова, В. Кондратьева* (7—8 кл., г. Кунгур) (167)

Случайная находка — *В. Корякин* (5 кл., г. Камышлов) (169)

За рекой — *А. Сотников* (9 кл., г. Кизел) (170)

Гора соколов — *М. Кочемасов* (6 кл., завод Сим) (170)

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

НА ЗВЕРИНЫХ ТРОПАХ

Охота — *И. Другов* (6 кл., пос. Березовск) (177)

У народа манси — *А. Хатанзеева* (6 кл., становище Бурмантово) (179)

Шишкарь — *И. Челюдских* (7 кл., с. Павда) (180)

Гость — *Е. Завражина* (6 кл., с. Ивдель) (184)

Встреча — *В. Выдрин* (6 кл., с. Ивдель) (186)

Опасная охота — *В. Снегирев* (8 кл., с. Полтавское) (188)

Хитрая росомаха — *М. Тасманова* (5 кл., становище Бурмантово) (196)

За тальменями на Выю — *Ю. Калинин* (7 кл., прииск Ис) (198)

На току — *П. Трескова* (5 кл. с. Новоселово) (201)

Зима — *Л. Яркова* (6 кл., г. Лысьва) (202)

В согре — *Е. Новоселов* (7 кл., с. Махнево) (203)

Песня уральских ребят (205)

До новой встречи! (послесловие) (208)